

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 8 (206)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, социологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2025

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Рябова Е.Л., Терновая Л.О.

Трансграничные и пограничные дороги: пересечение культур и возможностей или новые барьеры?.....12

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Терновая Л.О., Чапкин Н.С.

Стратегическое взаимодействие: от теории игр к современной международной практике.....20

Гусарова М.Н., Авакян Д.А.

Высшее образование в Российской Федерации в первой четверти XXI века в контексте эволюции государственного управления и цифровизации.....31

Зенина Л.В., Стрижова Е.В., Лобанова Е.И.

Проблемы формирования инклюзивной онлайн-среды для обучения иностранным языкам.....41

Хван Д.А. Методика анализа цифровой

политической идентичности и символической репрезентации.....51

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ананченкова П.И. Концепт «общества всех возрастов» в международной политической повестке.....	69
Баранов А.Н. Гуманитарная политика как инструмент расширения международного влияния Турецкой республики.....	78
Анисимов П.В. Цены на лекарства как фактор в определении стратегии на выборах президента США 2024 г.....	85
Тюрин Е.А., Савинова Е.Н., Мустафин Д.О. Этноязыковой фактор в противостоянии Шотландии и Великобритании (к вопросу о шотландском политическом стиле).....	95
Сулейманов А.Р. Постсоветская Евразия в большом евразийском партнёрстве.....	110
Нестеров А.О. Выстраивание междоцивилизационного партнерства БРИКС: анализ деклараций саммитов.....	116
Баранов А.Н. Лига арабских государств как перспективный центр силы многополярного миропорядка.....	125
Аннотации	135
Авторы	151
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум»	155

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., доктор политических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений. Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной

безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант, военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

Грибанова Г.И., доктор социологических наук, профессор, зав. каф. международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor. Chief researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mikhailova N.V., Doctor of Political Science, Professor of the Department of National and Federal Relations. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and na-

tional security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

Gribanova G.I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department international political processes of St. Petersburg State University.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

С

ОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ



*Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет*

Рябова Е.Л.

*Доктор политических наук, главный редактор журнала
«Этносоциум и межнациональная культура».*

Терновая Л.О.

*Доктор исторических наук, профессор,
Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет (МАДИ).*

Трансграничные и пограничные дороги: пересечение культур и возможностей или новые барьеры?

Отличительная черта современного мира — его взаимосвязанность. Она поддерживается самыми разными способами, одним из древнейших среди которых было передвижение людей. История человечества может быть представлена как постоянно совершенствующаяся дорога. «Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 27.11.2021 №3363-р, предполагает: повышение пространственной связанности и транспортной доступности территорий; повышение мобильности населения и развитие внутреннего туризма; увеличение объема и скорости транзита грузов и развитие мультимодальных логистических технологий; цифровую и низкоуглеродную трансформацию отрасли и ускоренное внедрение новых технологий. В задачи Стратегии входит: повышение транспортной доступности социально-экономических, туристских и культурных центров; повышение доступности транспортных услуг для жителей отдаленных, труднодоступных и геостратегических территорий; повышение качества транспортных услуг в части комфортности и безопасности перевозок; создание транспортной инфраструктуры для развития внутреннего туризма; обеспечение мобилизационной готовности транспортного комплекса и выполнение им военно-транспортной обязанности; укрепление национальной безопасности, обороноспособности страны и ее территориального единства¹.

¹ Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402052/

Во взаимозависимом мире расстояния условны, а связи между государствами становятся все теснее. Особую роль в этом процессе играют транспортные артерии, пересекающие государственные рубежи². Трансграничное сотрудничество представляет собой процесс интеграции приграничных территорий различных государств, способствующий их модернизации и развитию. Трансграничные и пограничные дороги играют ключевую роль в современном мире, становясь одновременно мостами для сотрудничества и потенциальными зонами конфликтов. Они воплощают в себе диалектическое противоречие современности: стремление к открытости и необходимость защиты государственного суверенитета. Такие дороги формируют не только физические, но и символические связи между народами. При этом их эффективность зависит от множества факторов — от качества инфраструктуры до политической воли. Дороги всегда — больше чем просто покрытие и разметка, они выступают как комплексные социально-экономические и культурные феномены, которые одновременно являются и мостами, и барьерами взаимодействия людей.

Изначальная и очевидная функция любой трансграничной дороги — быть связующим звеном. Дороги создают многоуровневые перекрестки возможностей и культур. Соединение пограничных железных дорог и автомобильных магистралей способствует укреплению не только экономического и торгового сотрудничества, но и культурных обменов между соседними странами. Трансграничный и приграничный туризм активно продвигает общее наследие и культурный обмен, обогащая культурную сферу для взаимной выгоды стран-партнеров. Трансграничные дороги способствуют непреднамеренному, но ценному культурному диалогу. Путешественники, следующие по ним, привозят с собой не только сувениры, но и впечатления, знания о другой культуре, языке и традициях. Это размывает стереотипы и формирует взаимопонимание.

Приграничное сотрудничество имеет собственный потенциал. Такие регионы часто перенимают черты соседних, находящихся в других странах. В архитектуре, кухне, языке появляются гибридные формы, рождается уникальная трансграничная идентичность. Такие пути удерживают гуманитарные и социальные связи даже в сложные времена, когда многие семьи и сообщества оказываются искусственно разделены проведенными в прошлом границами. Трансграничные дороги позволяют им

2 Иванов И.А. Дороги мира. История и современность. 2-е изд. – М.; Вологда: Инфра-Инженерия, 2024; Терновая Л.О. Геополитическая семантика дороги // Власть. 2013. № 10. С. 132-135; Терновая Л.О. Геополитический код дороги: от караванного пути до хайвея: монография. – М.: ИНФРА-М, 2021; Терновая Л.О. От караванного пути до хайвея: семантика дороги. Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВПО «АТиСО», 2014.

поддерживать родственные и дружеские связи, что крайне важно для сохранения социокультурной ткани.

Трансграничные дороги отличаются не только своей длиной, но и тем, что они пересекают часовые пояса³. Жизнь в каждом из них подчинена определенному ритму, который соответствует конкретной цивилизационной модели и формирует особый тип темпорального интеллекта⁴. Поэтому такие дороги помимо вклада в культурное сотрудничество, что выступает коллективной частью их роли, помогают индивидуальному развитию человека, способствуя пониманию взаимосвязанности факторов пространства и времени.

Для приграничных регионов такие дороги есть жизненная необходимость. Они обеспечивают движение товаров, рабочей силы и капитала. Создаются общие экономические зоны там, где предприятия по разные стороны границы дополняют друг друга. Житель приграничного города может утром пересечь границу по дороге на работу, а вечером вернуться домой. Это стимулирует развитие рынка труда и рост благосостояния в целом регионе. Яркий пример такого взаимодействия показывает дорожная сеть в пределах Европейского союза, где Шенгенское соглашение фактически стерло внутренние границы государств, превратив трансграничные дороги в обычные магистрали, объединяющие народы. А также образовалась такая форма межгосударственной интеграции, как Еврорегион (англ. *Euroregion*), первый из которых *EUREGIO* возник на границе Германии и Нидерландов в 1958 г.

Можно привести много успешных кейсов международного сотрудничества. Примеры трансграничных государственно-частных партнерств в Китае, Мьянме, Лаосе и Таиланде демонстрируют, как совместные усилия могут преодолевать границы. Особое внимание уделяется таким проектам, как пограничный железнодорожный переход на казахстанско-китайской границе, ставший важным элементом транспортной сети региона. Знаковым шагом для совместной реализации крупных инфраструктурных проектов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) оказалось в 2023 г. утверждение комплексного плана развития евразийских транспортных коридоров, который направлен на упрощение

3 Вознесенский И.С. Пересечение часовых поясов: возможности и издержки деловых коммуникаций // Власть истории и история власти. 2019. Том 5. Часть 1. (№ 15). С. 28-41; Вознесенский И.С. Тайм-менеджмент часовых зон: Уроки Большой Евразии // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2. РАН ИНИОН. Отд. науч. Сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 87-92.

4 Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.

процедур и создание условий для эффективного использования трансграничных объектов инфраструктуры, включая пересекающие границу автомобильные и железные дороги. Развитие трансграничной инфраструктуры на острове Большой Уссурийский открывает новые возможности для взаимодействия России и Китая, создавая пространство для культурного диалога и экономического сотрудничества. Подобные проекты демонстрируют, как физические дороги могут стать основой для формирования трансграничных сообществ.

Однако у каждой медали есть обратная сторона. Несмотря на огромный потенциал, трансграничные дороги сталкиваются с серьезными препятствиями. Наиболее остро проблемы с инфраструктурой ощущаются именно на пограничных переходах и стыковочных пунктах, что существенно замедляет движение грузов и людей. Всегда, где есть проход, неизбежно возникает контроль. Сама необходимость наличия пункта пропуска (ПП) превращает дорогу из символа связности в место остановки и фильтрации. Очереди, паспортный контроль, таможенные досмотры создают барьер, который может быть как незначительным неудобством, так и непреодолимым препятствием в зависимости от политической обстановки. Многие пункты пропуска через государственную границу не соответствуют современным требованиям. Таможенные процедуры остаются одной из главных сложностей для свободного перемещения. Эти проблемы особенно актуальны для регионов с разным уровнем экономического развития и различными правовыми системами.

Трансграничная дорога может не только объединять, но и подчеркивать разрыв, социальный и экономический дисбаланс. Если по одну ее сторону находится процветающий регион, а по другую — депрессивный, дорога становится не символом партнерства, а напоминанием о неравенстве. Это может порождать такие проблемы, как трудовую напряженность и трансграничную преступность, в виде контрабанды или нелегальной миграции. В 2015 г. в кузове грузовика, оставленного на трассе А4 в Австрии, были обнаружены тела 71 человека, в том числе детей. В эпоху гибридных войн, террористических угроз и миграционных кризисов трансграничные дороги становятся объектом пристального внимания спецслужб и военных структур. Они воспринимаются как потенциальные «коридоры риска», через которые могут проникать угрозы. Это ведет к усилению контроля, внедрению систем слежения и, как следствие, к снижению проницаемости границы, даже если формально она открыта.

Крупные автомагистрали, особенно в приграничных природных зо-

нах, могут представлять экологический и инфраструктурный барьер, нарушая миграционные пути животных, фрагментируя ареалы их обитания и становясь непреодолимым барьером для фауны.

Все перечисленные преимущества трансграничных дорог, как и связанные с ними риски, необходимо учитывать при создании международных транспортных коридоров (МТК), являющихся высокотехнологическими транспортными системами⁵. В России каждому из транспортных коридоров и международных морских торговых путей присвоено собственное обозначение:

– «Север — Юг» (страны Восточной, Центральной Европы и Скандинавии — европейская часть Российской Федерации — Азербайджан — Иран — Индия, Пакистан и другие) — NS;

– «Транссиб» (Центральная Европа — Москва — Екатеринбург — Красноярск — Хабаровск — Владивосток/Находка и система его ответвлений (на Санкт-Петербург, Киев, Новороссийск, Казахстан, Монголию, Китай и Корею); на территории России и сопредельных стран сопрягается с общеевропейскими коридорами № № 2, 3 и 9) — TS;

– «Транскаспийский транспортный маршрут» (пролегает через Китай, Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию и далее в Турцию и страны Европы) — TITR;

– Автомагистраль «Западная Европа — Западный Китай» и железная дорога «Центральный евразийский коридор» (пролегает из Китая, через Казахстан, а далее в Россию и Европу);

– «Северный морской путь» (Мурманск — Архангельск — Канда拉克ша — Дудинка) — SMP;

– «Приморье-1» (Харбин — Гродеково — Владивосток/Находка/Восточный — порты АТР) — PR1; и «Приморье-2» (Хуньчунь — Краскино — Посьет/Зарубино — порты АТР) — PR2⁶.

Известны такие транспортные коридоры и за рубежом. Панамериканское шоссе (англ. *Pan-American Highway / Ruta Panamericana*) — это около 30 тыс. км через Северную и Южную Америку. Идея его строительства прозвучала в 1923 г. на Пятой международной конференции Американских штатов. В Книге рекордов Гиннеса Панамериканское шоссе называется самой длинной автодорогой в мире. Маршрут начинается на

5 Александрова М.Е., Кизим О.В. Международные транспортные коридоры как фактор развития международного транзита России // E-Scio. 2021. [Электронный ресурс]. // URL: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2021/09/>

6 Ламин В.А., Пленкин В.Ю., Каченко В.Я. Глобальный трек: развитие транспортной системы на востоке страны / Российская акад. наук. Сибирское отд-ние, Ин-т истории, Уральское отд-ние, Ин-т истории и археологии, Ин-т стратегического анализа. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999.

Аляске, в поселке нефтяников Прадхо-Бей на побережье моря Бофорта, и заканчивается на острове Огненная Земля, за самым южным городом планеты — Ушуая. Поскольку отрезки шоссе, проходящие по северным штатам США и Канаде, законодательно не определены как Панамериканское шоссе, то официально оно начинается только от американо-мексиканской границы. Непрерывность трассы прерывают два отрезка, разделяющие 100-километровый участок непроходимых болот Дарьенский пробел, который находится под защитой ЮНЕСКО.

Вскоре после Второй мировой войны в Европе задумались об унификации дорог и создании сети маршрутов через весь континент. Такие маршруты, как Е40 или Панамериканское шоссе, не строились как единое целое. Трассы собирались из уже имеющихся дорог со своей национальной нумерацией, к которой было прибавлено общее для всех обозначение. «Трасса Е-95» — песня российской рок-группы «Алиса» из альбома «Дурень», вышедшего в 1997 г., об одном из таких маршрутов, частью которого стало российское шоссе М10 Санкт-Петербург — Москва (сейчас оно является частью маршрута Е105):

Мое солнце горит на стыке ветров,
В границе семи холмов.
Мое небо дождем опрокинули в ночь
Тени пяти углов.
Сколько троп и дорог
Для меня заплелись в одну.
Я иду по своей земле
К небу, которым живу⁷.

Предполагается, что все участки маршрутов Е должны соответствовать определенным стандартам качества покрытия, поддерживать установленную скорость движения и пр. Но это не всегда соблюдается, так как в состав одного маршрута могут входить многополосные автобаны, одnorядные дороги, дороги с гравийным покрытием, а также паромные переправы. Е40 — самый длинный из европейских маршрутов. Он идет от французского порта Кале через Бельгию, Германию, Польшу и Украину, пересекает Ростовскую, Волгоградскую и Астраханскую области Российской Федерации, затем от каспийского моря спускается через Западный Казахстан к Узбекистану, захватывает Туркменистан. У Самарканда маршрут поворачивает на северо-восток, чтобы вернуться в Казахстан,

7 Кинчев К. Трасса Е-95 [Электронный ресурс] // URL: https://alisaweb.narod.ru/e95_dance.html/

оттуда войти в Киргизию и, наконец, снова возвращается в Казахстан. Трасса заканчивается недалеко от российско-казахской границы в южных предгорьях Алтая в казахстанском городе Риддер.

Еще в 1959 г. ООН предложила создать паназиатскую сеть автомагистралей, которая позволила бы соединить страны и регионы континента и тем самым повысить их благосостояние и углубить связи между государствами. К 2003 г. государства региона подготовили Межправительственное соглашение об Азиатской сети автодорог, которое к 2013 г. было ратифицировано 29 участниками договора⁸. Согласно документу, маршрутов насчитывается 55. Все они обозначаются буквами АН (от *Asian Highway*) и цифрами: одной, двумя или тремя в зависимости от важности и направления. Сплошное движение по такому маршруту сегодня вряд ли возможно. Ему препятствуют не только границы государств и вооруженные конфликты, но и неравномерное качество дорог. Однако в 2007 г. британские путешественники Ричард Мередит и Фил Колли за 49 дней проехали по участкам АН1 и АН5 — из Шанхая к турецко-болгарской границе через Китай, Среднюю Азию и Закавказье (Каспийское море предлагается пересекать на пароме) на *Aston Martin M8 Vantage*, предоставленном главой автопроизводителя⁹.

Однозначного ответа на вопрос, являются ли трансграничные дороги мостом или барьером, не существует. Их роль динамична и зависит от целого ряда факторов: политическая воля; экономический контекст; культурная и историческая близость; технологический прогресс. Трансграничная дорога — это мощный символ эпохи. Она является материальным воплощением отношений между соседями. Ее дуальная природа — быть и мостом, и барьером, — отражает фундаментальное противоречие нашего времени: между глобализацией и локализацией, открытостью и безопасностью, или применительно к границам, но распространяя эти определения шире — барьерностью и контактностью. В идеале такая дорога должна быть не линией раздела, а швом, соединяющим разные ткани в единое, прочное и красивое полотно общего пространства. Достижение этого баланса выступает одной из ключевых задач для дипломатов, экономистов, градостроителей и непосредственно жителей приграничья. Будущее принадлежит «умным» границам, где технологии обеспечивают безопасность, не жертвуя свободой передвижения, а дороги остаются в

8 Межправительственное соглашение по сети Азиатских автомобильных дорог [Электронный ресурс] // URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/8/10806>.

9 *Meredith R.* Driven Together: Historic First Crossing of Asia's New Highway to the West. Newport: Mercury Books, 2008.

первую очередь коридорами возможностей, а не новыми стенами, которые еще и красят в черный цвет, как стену на границе США и Мексики, чтобы усилить нее непроницаемость.

В отличие от трансграничных дорог пограничные транспортные артерии имеют более выраженное внутреннее геополитическое и экономическое значение. Они способствуют развитию приграничных регионов. Но также обеспечивают национальную безопасность в зонах вдоль границ. Самые длинные и примечательные дороги, проложенные вдоль государственных границ или в непосредственной близости от них, представляют собой уникальные инженерные сооружения, которые часто сочетают стратегическое значение, туристическую привлекательность и демонстрируют достижения человечества в сложных географических условиях. Можно привести примеры:

- магистраль *Trans-Canada Highway* (фр. *Route Transcanadienne*), пролегающая фактически вдоль американо-канадской границы могла бы быть символом страны. Девиз Канады «*A Mari Usque Ad Mare*» («От моря до моря») очень точно характеризует эту трассу. Это — не единая дорога, а два маршрута: южный или северный. Нулевая точка южного — находится в городе Виктория на острове Ванкувер на пересечении улиц Дуглас-стрит и Даллас-роад. Северный маршрут, называемый шоссе Йеллоухед (англ. *Yellowhead Highway*, фр. *Route Yellowhead*), начинается на острове Грейам в 150 милях севернее. Чтобы попасть на континент в обоих случаях придется преодолеть Тихий океан;

- участок европейского маршрута E40 в Украине и России, где трасса следует близко к границам с Беларусией и Молдовой, а в Казахстане — вдоль границ с Узбекистаном и Киргизией;

- Транссибирское шоссе (Россия) проходит от Санкт-Петербурга до Владивостока, частично вдоль границ с Казахстаном, Монголией и Китаем. Участок около границы с Монголией и Китаем включает живописные виды на озеро Байкал и горные массивы;

- Панамериканское шоссе проходит близко к границам многих государств и пересекает разные климатические зоны и ландшафты, включая Анды, пустыни и тропические леса;

- азиатский маршрут АН1 на Корейском полуострове затрагивает демилитаризованную зону между Северной и Южной Кореей, что делает его стратегически значимым. В Индии и Пакистане дорога проходит около спорных границ, включая регионы Кашмира;

- дорога Баку-Губа-граница России (Азербайджан) построена в рам-

ках международного транспортного коридора «Север-Юг» и проходит вдоль границы с Россией, сокращая расстояние для грузоперевозок;

- шоссе U.S. Route 20 (США) на участке около Великих озер проходит близко к границе с Канадой;

- китайское национальное шоссе G318 проходит от Шанхая до границы с Непалом, пересекая Тибет, где участок пролегает вдоль границы с Непалом и Индией;

- австралийское шоссе *Highway 1* огибает континент, на участке около Дарвина и Северной территории дорога проходит близко к морским границам с Индонезией и Папуа-Новой Гвинеей;

- дорога в Саудовской Аравии (*Highway 10*) проходит от деревни Харад до границы с ОАЭ, является самой длинной прямой дорогой в мире, пролегающей через пустыню около границы с соседними государствами.

Среди известных дорог, прокладываемых непосредственно вдоль или вблизи границ, есть также шоссе, строящиеся с военной или стратегической целью, как например проекты Индийской организации пограничных дорог (англ. *Border Roads Organisation, BRO*) в приграничных районах.

Трансграничные и пограничные дороги представляют собой сложный феномен, сочетающий в себе возможности и вызовы. С одной стороны, они служат мощным инструментом для культурного обмена, экономического сотрудничества и развития приграничных территорий. С другой стороны, инфраструктурные ограничения, бюрократические барьеры и различия в регулировании создают серьезные препятствия для их эффективного функционирования. Будущее трансграничных дорог зависит от готовности государств к сотрудничеству, инвестициям в инфраструктуру и гармонизации процедур. Лишь через диалог и совместные проекты трансграничные дороги могут раскрыть свой потенциал как инструменты интеграции, а не разделения.

Эти дороги не только являются инженерными достижениями, но и играют важную роль в международной логистике, туризме и региональной безопасности. Многие из них проходят через сложные во многих отношениях регионы, делая их уникальными объектами для изучения и путешествий. Исследование трансграничных и пограничных дорог придает дополнительную наглядность кросскультурному подходу, позволяет органично сочетать примеры политической, экономической, социокультурной активности в зонах таких дорог, фиксируя общие черты, наблюдаемые на всей их протяженности, и специфические характеристики, детерминированные особенностями не только конкретного участка, но и

государства, к которому он принадлежит.

Список литературы:

1. Александрова М.Е., Кизим О.В. Международные транспортные коридоры как фактор развития международного транзита России // E-Scio. 2021. // URL: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2021/09/>
2. Вознесенский И.С. Пересечение часовых поясов: возможности и издержки деловых коммуникаций // Власть истории и история власти. 2019. Том 5. Часть 1. (№ 15). С. 28-41.
3. Вознесенский И.С. Тайм-менеджмент часовых зон: Уроки Большой Евразии // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2. РАН ИНИОН. Отд. науч. Сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 87-92.
4. Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.
5. Иванов И.А. Дороги мира. История и современность. 2-е изд. – М.; Вологда: Инфра-Инженерия, 2024. 282 с.
6. Кинчев К. Трасса Е-95 // URL: https://alisaweb.narod.ru/e95_dance.html/
7. Ламин В.А., Пленкин В.Ю., Ткаченко В.Я. Глобальный трек: развитие транспортной системы на востоке страны / Российская акад. наук. Сибирское отд-ние, Ин-т истории, Уральское отд-ние, Ин-т истории и археологии, Ин-т стратегического анализа. – Екатеринбург: УРО РАН, 1999. 197 с.
8. Межправительственное соглашение по сети Азиатских автомобильных дорог // URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/8/10806>.
9. Терновоя Л.О. Геополитическая семантика дороги // Власть. 2013. № 10. С. 132-135.
10. Терновоя Л.О. Геополитический код дороги: от караванного пути до хайвея: монография. – М.: ИНФРА-М, 2021. 281 с.
11. Терновоя Л.О. От караванного пути до хайвея: семантика дороги. – Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВПО «АТиСО», 2014. 286 с.
12. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402052/
13. Meredith R. Driven Together: Historic First Crossing of Asia's New Highway to the West. Newport: Mercury Books, 2008. 224 p.

Bibliography

1. Aleksandrova M.E., Kizim O.V. International transport corridors as a factor in the development of international transit in Russia // E-Scio. 2021. // URL: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2021/09/>
2. Voznesensky I.S. Crossing time zones: opportunities and costs of business communications // The power of history and the history of power. 2019. Volume 5. Part 1. (№ 15). P. 28-41.
3. Voznesensky I.S. Time management of time zones: Lessons from Greater Eurasia // Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook. Issue 2. Part 2. RAS INION. Dep. of Scientific Cooperation; Ed. V.I. Gerasimov. – M.: INION RAS, 2019. P. 87-92.
4. Voznesensky I.S. Temporal Intelligence: From the Secret of Mastering Time to Effective Management // Mission of Confessions. 2022. Vol. 11. Part 3 (№ 60). P. 90-97.
5. Ivanov I.A. Roads of the World. History and Modernity. 2nd ed. – M.; Vologda: Infra-Engineering, 2024. 282 p.
6. Kinchev K. E-95 Highway // URL: https://alisaweb.narod.ru/e95_dance.html/
7. Lamin V.A., Plenkin V.Yu., Tkachenko V.Ya. Global Track: Development of the Transport System in the East of the Country / Russian Academy of Sciences. Siberian Branch, Institute of History, Ural Branch, Institute of History and Archaeology, Institute of Strategic Analysis. – Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1999. 197 p.
8. Intergovernmental Agreement on the Asian Highway Network // URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/8/10806>.
9. Ternovaya L.O. Geopolitical Semantics of the Road // Power. 2013. № 10. P. 132-135.
10. Ternovaya L.O. Geopolitical Code of the Road: From Caravan Route to Highway: Monograph. – Moscow: INFRA-M, 2021. 281 p.
11. Ternovaya L.O. From Caravan Route to Highway: Semantics of the Road. – Ufa: Publishing house of BIST (branch) of OUP VPO "ATISO", 2014. 286 p.
12. Transport strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period until 2035: approved by the Order of the Government of the Russian Federation of 11/27/2021 No. 3363-r. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402052/
13. Meredith R. Driven Together: Historic First Crossing of Asia's New Highway to the West. Newport: Mercury Books, 2008. 224 p.



КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА



*Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова*



Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Терновая Л.О.

*Доктор исторических наук, профессор,
Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ).*

Чапкин Н.С.

*Старший преподаватель. Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой
экономики института развития информационного общества.*

Стратегическое взаимодействие: от теории игр к современной международной практике

Социальное взаимодействия является изначальным признаком общества. Связи внутри него постоянно обогащались. В наше время они достигли того качества, которое позволило говорить о стратегическом взаимодействии, которое уже не представляется больше как простое сотрудничество или конкуренция, а выступает в форме модели отношений между двумя и более акторами, например, государствами, корпорациями, организациями, при которой исход действий каждого участника напрямую зависит от выбора и действий всех остальных участников. Ключевая идея такого взаимодействия состоит в том, что невозможно добиться успеха в одиночку, не учитывая возможные ответы и стратегии других.

Понятие «стратегическое взаимодействие корнями уходит в теорию игр¹. Этот раздел математики и экономики изучает принятие оптимальных решений в условиях конфликта и сотрудничества, предлагает методы выбора оптимальных стратегий поведения в антагонистических и неантагонистических конфликтах и таких же позиционных играх с полной и неполной информацией, позволяет находить верные критерии определения оптимальных стратегий в «играх с природой», устанавливать принципы оптимальности для кооперативных игр. Базовые понятия классической теории игр органично вошли в практику принятия решений в

¹ Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / пер. с англ. под ред. и с доб. Н.Н. Воробьева. – М.: Наука, 1970.

самых разных сферах жизнедеятельности². Теория широко применяется в экономике для анализа поведения рынков, ценообразования и конкуренции, естественных науках — для исследования эволюционных стратегий, в сферах, связанных с искусственным интеллектом — для разработки алгоритмов, помогающих принимать оптимальные решения в условиях неопределенности³.

Почти сразу после своего рождения эта теория была перенесена как во внутреннюю политику, так и в и международные отношения, превратившись в годы холодной войны в один из главных инструментов моделирования ядерного сдерживания, гонки вооружений и переговоров между Советским союзом и Соединенными Штатами Америки. Она прекрасно продемонстрировала нахождение этих сверхдержав в постоянном стратегическом взаимодействии, при котором любое действие одной стороны вызывало ответную реакцию другой, а осознание их взаимозависимости диктовало необходимость прогнозировать ответные ходы как геополитических оппонентов, так и партнеров для выработки собственной оптимальной стратегии.

Теория игр позволяет по-новому взглянуть на сложнейшие вопросы общественных наук⁴. Современный мир, превращаясь многополярный или полицентричный, радикально усложнил модель стратегического взаимодействия по сравнению с биполярной системой холодной войны. Во-первых, в нем взаимодействуют не только государства, но и наднациональные организации, негосударственные акторы, коалиции *ad hoc*, являющиеся временными союзами для решения конкретной проблемы, например, климата или кибербезопасности. В этом мире отсутствует единый арбитр, более нет одного доминирующего центра силы, способного диктовать свои правила или пытаться утвердить международный порядок, основанный на правилах (англ. *Rules-Based Order*). Это прежде всего приводит к возрастанию неопределенности, когда становится все сложнее предугадать, как поведут себя другие игроки, число которых постоянно умножается. Возникает потребность в гибких коалициях, ситуативных союзов для достижения конкретных целей.

2 Власов Д.А. Введение в теорию игр: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2024; Колобашкина Л.В. Основы теории игр: учебное пособие. 5-е изд. – М.: Лаборатория знаний, 2021; Кремлев А.Г. Основные понятия теории игр: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016.

3 Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Международные отношения в эпоху искусственного интеллекта: новые вызовы, риски и возможности // Культура мира. 2025. Том 13. Выпуск 5. (№ 48). С. 153-162.

4 Захаров А.В. Теория игр в общественных науках: учебник для вузов / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 3-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020; Соколов Б.О. Теоретико-игровой подход в современной политической науке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 1. С. 300-303.

Особенностью стратегического взаимодействия становятся новые «поля игры», выходящие за пределы военной или дипломатической сфер. О На этих полях приходится рассчитывать каждый шаг, не только исходя из геополитической целесообразности, но и из оценки внутривнутриполитической ситуации. Ведущиеся в мировой экономике торговые войны, борьба за технологическое лидерство, возрастающие как снежный ком санкции затрагивают обычных людей, меняют их повседневность⁵. Еще резче воздействуют на них процессы в глобальной и информационной сфере, где гибридные войны проявляются в виде борьбы за нарративы.

Эти новые прочтения известных форм противостояния государств усугубляются невозможностью изолировано сопротивляться глобальным вызовам, таким как: изменение климата, пандемии, терроризм, миграционные кризисы. Эти проблемы требуют кооперативного стратегического взаимодействия, так как ни одно государство не может решить их в одиночку. Стратегическое взаимодействие стало более сложным, многоплановым. Оно происходит на множестве «арен» одновременно. Его успех зависит от всеобщей способности строить сети, управлять информацией и находить точки для кооперации даже с условными противниками.

В стратегическом взаимодействии во внешнем мире императивом становится учет его же проявлений во внутренней жизни государства, воздействии на социальную политику и социальную защиту уязвимых групп. Там оно проявляется на двух основных уровнях. На первом, международном, идет взаимодействие между государствами, порой приобретаая формы жесткой глобальной конкуренции, в которой социальная политика становится стратегическим ресурсом. Прежде всего, это — конкуренции за человеческий капитал. Государства с сильной системой образования, здравоохранения и социальной защитой привлекают высококвалифицированных мигрантов, ученых, инвестиции, используя эту политику как элемент «мягкой силы» (англ. *soft power*) и конкурентоспособности экономики. На этом уровне разворачивается состязание моделей развития. Здесь в наши дни обнаруживается сложная зависимость национальной политики от глобальных игроков. В странах Запада сворачивается демократическая и правовая модель социального государства под влиянием либеральной глобалистской модели.

5 Наумов В.Н., Шубаева В.Г. Стратегическое взаимодействие рыночных субъектов в маркетинговых системах: монография. – М.: ИНФРА-М, 2024; Терновая Л.О. Политическая социология повседневности: монография. – М.: ИНФРА-М, 2023; Тиссен Е.В., Борисов И.А. Микроэкономика: Индивидуальное поведение и стратегическое взаимодействие участников рынка: учебное пособие 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2017.

На втором уровне стратегическое взаимодействие в социальной сфере происходит уже внутри государства: между правительством, бизнесом и обществом. Государство выступает как главный, но не единственный актор в социальной области. На него ложатся задачи, которые не акцентировались прежде, например, создание налоговых и регуляторных условий для того, чтобы бизнес участвовал в социальных программах через корпоративное волонтерство, софинансирование пенсий, программы переобучения сотрудников и пр. Власть передает часть функций по социальному обслуживанию бизнесу и некоммерческим организациям (НКО) на аутсорсинг, выступает в роли заказчика социальных проектов и их регулятора, например, через квоты для трудоустройства людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Формируя общественное мнение, государство заставляет бизнес нести большую социальную ответственность. Государство взаимодействует с НКО, которые часто лучше знают нужды конкретных уязвимых групп (бездомных, мигрантов, людей с редкими заболеваниями), как с подрядчиками и экспертами, получая доступ к «полю» и обратной связи. НКО могут, в свою очередь, оказывать давление на власти, выступая в роли представителей интересов уязвимых групп.

В этой новой парадигме меры по социальной защите вступают уже не просто как односторонние действия государства, а как результат: кооперации (партнерство государства, бизнеса и НКО в реализации социальных программ; конкуренции, например, за государственные гранты на социальные проекты; переговоров, в частности, с профсоюзами о пенсионном возрасте, с ассоциациями работодателей о размере МРОТ (минимальный размер оплаты труда) и пр.

Современное стратегическое взаимодействие — ключевая рамка для анализа широкого спектра процессов, от глобальной политики до социальных реформ. Оно означает, что ни один актор не может действовать в вакууме. Успех в социальной сфере все больше зависит от способности государства выстраивать сложные партнерские сети, предвидеть реакции других игроков и находить кооперативные решения, где выигрыш одной стороны не означает проигрыша другой (ситуация «win-win»). Эффективность этих решений зависит не только от государственного актора, но и корпоративных игроков, обладающих необходимой для этого организационной культурой, в которой четко обозначена сеть отношений: с лидерами и властью; с посторонними, клиентами и конку-

рентами; со временем, пространством и космосом; с отношениями⁶.

В хитросплетениях международных взаимодействий также помогает разбираться теория игр. Специалисты обращают внимание на теорию и практику построения формализованных моделей в международно-политической науке в контексте теории рационального выбора, теории перспектив, кросс-культурных особенностей принятия решений. К теоретико-игровым построениям в мировой политической науке относят: модели баланса сил, гонки вооружений и режимов нераспространения, алгоритмы справедливого дележа на международных переговорах и концепции оказания международной помощи, модели Карибского кризиса, территориальных споров, опосредованных и региональных конфликтов, механизмы голосования в международных организациях, стратегическую дезинформацию в международных отношениях, роль репутации и когнитивных стратегий двусторонних отношений⁷.

Области применения теории игр в международных отношениях весьма обширны. Это: формирование международных альянсов; международное лидерство; политика сдерживания; соглашения по контролю над вооружениями; двухуровневый процесс принятия решений; исследование и прогнозирование этнических конфликтов; установление демократических режимов; оптимизация мировой торговли; создание организаций и решение других вопросов⁸.

Естественно, элементы игры на мировой арене присутствовали задолго до рождения теории игр. Можно привести лишь один говорящий факт наименования геополитического соперничества между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии] в XIX – начале XX столетий, известного как «Большая игра» (англ. *Great (Grand) Game*), а в русском варианте — «Война теней»⁹.

6 Вознесенский И.С. Корпоративная антропология: зарубежный опыт в адаптации для российского читателя // Власть истории и история власти. Том 5. Часть 2. 2019. (№ 16). С. 178-192; Вознесенский И.С. Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1 (139). С. 20-28; Вознесенский И.С., Боярков Р.Л. Контуры отношений со временем (изучение племен и субкультур в компании «Эльба Мебель») // Социология и право. 2024. Т.16. № 4. С. 489-500.

7 Дегтерев Д.А. Зарубежные работы по теории игр // Международные процессы. 2009. № 2 (20), май-август. С. 58-72; Дегтерев Д.А. Теоретико-игровой анализ международных отношений: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2017.

8 Багаева А.В., Терновая Л.О. Актеры – актеры: деловые игры в изучении социологии международных отношений. Учебное пособие. – М.: Город XXI век, 2017; Терновая Л.О. Весь мир — игра // Сиквел холодной войны. Сборник материалов «круглого стола» в Фонде поддержки науки и политики (Москва, 24 мая 2007 г.). – М.: Интердиалект+, 2007. С. 125-140; Терновая Л.О. Игра как мирополитический феномен // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 1 (6). С. 90-98; Шатрун В.В. Применение теории игр в теории международных отношений // 77-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета [Электронный ресурс]: материалы конф. В 3 ч. Ч. 2, Минск, 11–22 мая 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.Г. Сафонов (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2020. С. 446-449.

9 «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных до-

Сейчас теория игр помогает расшифровать еще более сложные международные многоходовки. Один из самых свежих и ярких примеров относится к началу сентября 2025 г., когда хронологически соединились Тяньцзиньский саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Парад Победы в Пекине, посвященный 80-летию окончания Второй мировой войны, и Восточный экономический форум (ВЭФ) во Владивостоке, в котором участвуют представители более 70 стран и территорий, российские компании и государственные ведомства.

Амбивалентность картины мира в глазах разных международных акторов показывают все эти события. К любому из них можно подойти с инструментарием теории игр. Наибольшие контрасты, однако позволяет выделить анализ крупнейшего в истории Китая парада, приуроченного к 80-й годовщине капитуляции Японии и окончанию Второй мировой войны, прошедшего 3 сентября 2025 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине. На этом грандиозном мероприятии, за которым следил весь мир, присутствовали высокопоставленные представители 26 государств. В ходе 70-минутного парада КНР продемонстрировала беспрецедентное число новых стратегических вооружений. Поучительно, что многие системы вооружений намеренно были маркированы таким образом, чтобы их обозначения были видны на камеру. Хотя каждый военный парад это — самостоятельная геополитическая игра, у всех таких мероприятий есть глубокий символический смысл, о чем нам напоминает знаменитый парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 г.¹⁰

В то же время в духе теории игр профанировать геополитические посылы, которые отправляют такие парады. Для этого было изобретено понятие «игрушечный милитаризм» (англ. *toy militarism*). Соединение данного понятия с теорией игр можно рассматривать как блестящий пример того, как игровые модели помогают анализировать серьезные политические и военные процессы. Понятие «игрушечный милитаризм» не имеет какого-либо конкретного автора, а сформировалось в интеллектуальной среде критически настроенных социологов, политологов и историков во второй половине прошлого столетия. Его истоки можно проследить в нескольких направлениях.

Первое: критика милитаризации общества и культуры. данный

кументов / Сост. Т.Н. Загородникова. – М.: Институт востоковедения, 2005; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.

10 Рябова Е.Л., Терновая Л.О. 80-лет парада на Красной площади: историко-культурный и геополитический смыслы парадов // Альманах «Казачество». 2021. № 57 (80). С. 9-18.

концепт возник как часть более широкой критики процесса милитаризации — проникновения военных ценностей, символов и практик в гражданскую жизнь. Ученые заметили, что военные конфликты и технологии начинают восприниматься обществом не как трагедия, а как некая абстрактная, почти развлекательная «игра». Это явление особенно усилилось с появлением телевидения, которое транслировало войны прямо в дома обычных людей, а также с бумом на военные игрушки: солдатики, танки, ракеты, детская военная форма и пр.

Второе: влияние «игровых» методов в военном деле. Ключевым историческим прецедентом можно считать прусскую игру *Kriegsspiel* («Военная игра»), разработанную в XIX в. Это была настольная игра с картами, фигурками и сложными правилами, предназначенная для обучения офицеров и моделирования боевых ситуаций. *Kriegsspiel* можно назвать «игрушечным милитаризмом» в его первоначальной, инструментальной форме, когда реальная война сводилась к игре на столе для тренировки военных.

Третье: работы отдельных авторов. Хотя термин «игрушечный милитаризм» популяризировали более поздние критики, важный вклад в его осмысление внесла британский ученый, профессор глобального управления в Лондонской школе экономики (англ. *London School of Economics and Political Science, LSE*), директор исследовательского отдела гражданского общества и безопасности человека этого учреждения Мэри Калдор (р. 1946) в своей знаменитой книге *The Baroque Arsenal* (1981). В ней рассказывается о разработке, производстве и распространении современных видов вооружения в развитых и развивающихся странах мира с 1945 г., рассматриваются устаревшие системы оружия, которые препятствуют дальнейшему экономическому прогрессу¹¹. Калдор использовала понятие «игрушечный милитаризм» для критики гонки вооружений периода холодной войны. По ее мнению, разработка нового оружия (особенно ядерного) все больше отрывалась от реальных военных нужд и превращалась в своеобразную «игру» — абстрактное соревнование в технологиях и символах между СССР и США, где оружие создавалось не столько для применения, сколько для демонстрации и сдерживания. То был «милитаризм», существующий в виртуальном, «игрушечном» пространстве теории сдерживания и ядерной доктрины.

Таким образом, «игрушечный милитаризм» — одновременно редукция, симуляция и романтизация войны, при которой ее ужасы, челове-

11 Kaldor M. *The Baroque Arsenal*. – New York: Hill & Wang, 1981.

ческие страдания и политическая сложность скрываются за абстрактными стратегиями, технологическими фетишами, игровой эстетикой и наглядными моделями. Война воспринимается как шахматная партия (вспомним сравнения карты мира с шахматной доской¹²) или видеоигра, где есть правила, цели и условные потери, но нет крови, боли и тяжести морального выбора. Можно провести прямую связь этого понятия с теорией игр, являющейся математическим инструментом для изучения стратегического взаимодействия между рациональными игроками (англ. *rational agents*), где успех одного зависит от выбора другого. «Игрушечный милитаризм» — идеологическое и культурное проявление того, что теория игр представляет в виде математической модели.

Отметим ключевые точки их соприкосновения, которые могут быть экстраполированы и на другие проявления международных отношений:

1. Абстракция и редукция. Теория игр сводит сложнейшие человеческие конфликты к формальным моделям с игроками, стратегиями, выигрышами и матрицами. Она намеренно отбрасывает «шум» в виде эмоций, историй, культуры, морали, чтобы выявить чистую логику стратегии. «Игрушечный милитаризм» делает то же самое только на культурном уровне: танк становится не машиной смерти, а условным значком на карте («единицей»); ядерный взрыв — это уже не апокалипсис, а «стратегический ход» в модели «равновесия страха».

2. Акцент на стратегию, а не на последствия. Цель теории игр состоит в том, чтобы найти оптимальную стратегию, например, равновесие Нэша. Данная модель не описывает того, что происходит после того, как эта стратегия реализована, а последствия выражаются лишь в цифрах «выигрыша». «Игрушечный милитаризм» фокусируется на красоте маневра, технологическом превосходстве, гениальности полководца. Реальные последствия, такие как разрушенные города, смерти, экологические катастрофы и др., остаются за кадром, как и в математической модели.

3. Ядерное сдерживание как «Дилемма заключенного», которую можно считать самой яркой иллюстрацией связи «игрушечного милитаризма» и теории игр, в частности при моделировании гонки ядерных вооружений периода холодной, где игроками выступали СССР и США, имеющие стратегии: «Вооружаться / Разоружаться». Логика рационального выбора для каждой стороны состояла в том, чтобы продолжать вооружаться,

12 Терновая Л.О. Шахматная геополитика // Государственная служба. 2021. Т. 23. № 3 (131). С. 3-79; Терновая Л.О. Шахматный смысл геополитического наследия Большой Евразии // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2. РАН ИНИОН. Отд. науч. Сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 254-260.

или чтобы избежать риска. Это приводило к равновесию (оба игрока вооружались), которое было хуже для всех, чем если бы оба разоружились. Теория игр прекрасно показала логику этой тупиковой ситуации. «Игрушечный милитаризм» стал той социокультурной оболочкой, в которую эта логика была обернута: создание все новых видов оружия, которое нельзя применить, гигантские бюджеты на оборону, риторика «кто сильнее?» — превращались в глобальную, смертельно опасную «игру в ядерной песочнице», где реальный взрыв никогда не должен был прозвучать.

4. Война как «игра с нулевой суммой». Многие классические военные стратегии, романтизирующие «игрушечный милитаризм», например, принцип «разделяй и властвуй», «маленькая победоносная война» или «блестящая тактическая победа», основаны на модели игры с нулевой суммой: выигрыш одной стороны равен проигрышу другой. Теория игр это формализует. «Игрушечный милитаризм» воспекает бинарность «победа/поражение», игнорируя тот факт, что большинство современных войн — это сложные конфликты с ненулевой суммой, где нет победителей. Пример такого конфликта был приведен Президентом России Владимиром Путиным на пресс-конференции по итогам визита в Китай 3 сентября 2025 г.: «Но после того, как мы по настоятельным призывам наших западноевропейских коллег отвели войска от Киева, сразу ситуация поменялась, и нам сказали — почти дословно: теперь будем воевать до тех пор, пока либо вы нам голову не отвернете, либо мы вам. Я не помню, говорил я когда-то это публично или нет, но это звучало примерно так, только в более таких грубых выражениях, но вполне открыто и, как это ни странно звучит, по-товарищески: вот теперь или мы, или вы... Вот это все продолжается...¹³»

Понятие «игрушечный милитаризм» возникло как критический термин для описания процесса, при котором война и милитаризм в общественном сознании и практике элит превращаются в абстрактную, очищенную от ужасов реальной войны симуляцию. Теория игр является интеллектуальным и методологическим фундаментом для этого явления. Она предоставляет точный математический язык и модели, которые позволяют принимать «игрушечные» решения в реальном мире. Теория игр выступает «мозгом» процесса, а «игрушечный милитаризм» — его «культурным кодом» и идеологическим оправданием.

Теория игр, примененная к модели «игрушечного милитаризма», об-

¹³ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77914>.

ращает внимание на тревожную тенденцию: человеческую способность принимать безумные решения, абстрагируясь от их чудовищных последствий. Если такие результаты получаются в ситуации, когда за основу взят не реальный геополитический процесс, а его игровая интерпретация, то легко предположить, к каким мрачным выводам может привести этот теоретический подход при анализе тех международных процессов, которые имеют реальную почву и вызывают самые серьезные опасения с точки зрения поддержания мира и безопасности.

Список литературы:

1. Багаева А.В., Терновая Л.О. Актеры – актеры: деловые игры в изучении социологии международных отношений. Учебное пособие. – М.: Город XXI век, 2017. 370 с.
2. «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов / Сост. Т.Н. Загородникова. – М.: Институт востоковедения, 2005. 320 с.
3. Владимир Путин ответил на вопросы журналистов // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77914>.
4. Власов Д.А. Введение в теорию игр: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2024. 222 с.
5. Вознесенский И.С. Корпоративная антропология: зарубежный опыт в адаптации для российского читателя // Власть истории и история власти. Том 5. Часть 2. 2019. (№ 16). С. 178-192.
6. Вознесенский И.С. Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1 (139). С. 20-28.
7. Вознесенский И.С., Боярков Р.Л. Контуры отношений со временем (изучение племен и субкультур в компании «Эльба Мебель») // Социология и право. 2024. Т.16. № 4. С. 489-500.
8. Дегтерев Д.А. Зарубежные работы по теории игр // Международные процессы. 2009. № 2 (20), май-август. С. 58-72.
9. Дегтерев Д.А. Теоретико-игровой анализ международных отношений: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2017. 352 с.
10. Захаров А.В. Теория игр в общественных науках: учебник для вузов / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 3-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 307 с.
11. Колобашкина Л.В. Основы теории игр: учебное пособие. 5-е изд. – М.: Лаборатория знаний, 2021. 198 с.
12. Кремлев А.Г. Основные понятия теории игр: учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. 144 с.
13. Наумов В.Н., Шубаева В.Г. Стратегическое взаимодействие рыночных субъектов в маркетинговых системах: монография. – М.: ИНФРА-М, 2024. 270 с.
14. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / пер. с англ. под ред. и с доб. Н.Н. Воробьева. – М.: Наука, 1970. 707 с.
15. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. 80-лет парада на Красной площади: историко-культурный и геополитический смыслы парадов // Альманах «Казачество». 2021. № 57 (80). С. 9-18.
16. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856 – 1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.
17. Соколов Б.О. Теоретико-игровой подход в современной политической науке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 1. С. 300-303.
18. Терновая Л.О. Весь мир — игра // Сиквел холодной войны. Сборник материалов «круглого стола» в Фонде поддержки науки и политики (Москва, 24 мая 2007 г.). – М.: Интердиалект+, 2007. С. 125-140.
19. Терновая Л.О. Игра как мирополитический феномен // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 1 (6). С. 90-98.
20. Терновая Л.О. Политическая социология повседневности: монография. – М.: ИНФРА-М, 2023. 380 с.
21. Терновая Л.О. Шахматная геополитика // Государственная служба. 2021. Т. 23. № 3 (131). С. 3-79.
22. Терновая Л.О. Шахматный смысл геополитического наследия Большой Евразии // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2. РАН ИНИОН. Отд. науч. Сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 254-260.
23. Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Международные отношения в эпоху искусственного интеллекта: новые вызовы, риски и возможности // Культура мира. 2025. Том 13. Выпуск 5. (№ 48). С. 153-162.
24. Тиссен Е.В., Борисов И.А. Микроэкономика: Индивидуальное поведение и стратегическое взаимодействие

участников рынка: учебное пособие 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2017. 92 с.

25. Шагун В.В. Применение теории игр в теории международных отношений // 77-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета [Электронный ресурс]: материалы конф. В 3 ч. Ч. 2, Минск, 11–22 мая 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.Г. Сафонов (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2020. С. 446–449.

26. Kaldor M. The Baroque Arsenal. – New-York: Hill & Wang, 1981. 294 p.

Bibliography

1. Bagaeva A.V., Ternovaya L.O. Actors – actors: business games in the study of the sociology of international relations. Study guide. – М.: Gorod XXI vek, 2017. 370 p.
2. “The Great Game” in Central Asia: “Indian campaign” of the Russian army. Collection of archival documents / Comp. T.N. Zagorodnikova. – М.: Institute of Oriental Studies, 2005. 320 p.
3. Vladimir Putin answered journalists’ questions // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77914>.
4. Vlasov D.A. Introduction to game theory: study guide. – М.: INFRA-M, 2024. 222 p.
5. Voznesensky I.S. Corporate anthropology: foreign experience in adaptation for the Russian reader // The power of history and the history of power. Volume 5. Part 2. 2019. (No. 16). P. 178–192.
6. Voznesensky I.S. Temporal component of organizational culture // Ethnosociety and interethnic culture. 2020. № 1 (139). P. 20–28.
7. Voznesensky I.S., Boyarkov R.L. Contours of relations over time (the study of tribes and subcultures in the Elba Furniture company) // Sociology and law. 2024. Vol. 16. № 4. P. 489–500.
8. Degterev D.A. Foreign works on game theory // International processes. 2009. № 2 (20), May–August. P. 58–72.
9. Degtyarev D.A. Game-theoretic analysis of international relations: a textbook for universities. – М.: Aspect Press, 2017. 352 p.
10. Zakharov A.V. Game theory in social sciences: a textbook for universities / Nat. research. University “Higher School of Economics”. 3rd ed. – М.: Publishing house of the Higher School of Economics, 2020. 307 p.
11. Kolobashkina L.V. Fundamentals of game theory: a tutorial. 5th ed. – М.: Laboratory of knowledge, 2021. 198 p.
12. Kremlev A.G. Basic concepts of game theory: a tutorial. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2016. 144 p.
13. Naumov V.N., Shubaeva V.G. Strategic interaction of market entities in marketing systems: monograph. – М.: INFRA-M, 2024. 270 p.
14. Neumann J. von, Morgenstern O. Game theory and economic behavior / trans. from English. edited and with add. N.N. Vorobyov. – М.: Nauka, 1970. 707 p.
15. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. 80th anniversary of the parade on Red Square: historical, cultural and geopolitical meanings of the parades // Almanac “Cossacks”. 2021. № 57 (80). P. 9–18.
16. Sergeev E.Yu. The Great Game, 1856 – 1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia. – М.: KMK Scientific Publications Partnership, 2012. 454 p.
17. Sokolov B.O. Game-theoretic approach in modern political science // Actual problems of humanitarian and natural sciences. 2011. № 1. P. 300–303.
18. Ternovaya L.O. The Whole World is a Game // Sequel to the Cold War. Collection of materials from the round table at the Science and Politics Support Foundation (Moscow, May 24, 2007). – М.: Interdialect+, 2007. P. 125–140.
19. Ternovaya L.O. The Game as a World Political Phenomenon // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2008. № 1 (6). P. 90–98.
20. Ternovaya L.O. Political Sociology of Everyday Life: Monograph. – М.: INFRA-M, 2023. 380 p.
21. Ternovaya L.O. Chess Geopolitics // Public Service. 2021. Vol. 23. № 3 (131). P. 3–79.
22. Ternovaya L.O. The Chess Meaning of the Geopolitical Heritage of Greater Eurasia // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook. Issue 2. Part 2. RAS INION. Dep. of Scientific Cooperation; Ed. V.I. Gerasimov. – М.: INION RAS, 2019. P. 254–260.
23. Ternovaya L.O., Chapkin N.S. International Relations in the Era of Artificial Intelligence: New Challenges, Risks, and Opportunities // Culture of the World. 2025. Vol. 13. Issue 5. (№ 48). P. 153–162.
24. Tissen E.V., Borisov I.A. Microeconomics: Individual Behavior and Strategic Interaction of Market Participants: study guide 3rd ed., reprinted. – М.: FLINTA, 2017. 92 p.
25. Shatrun V.V. Application of game theory in the theory of international relations // 77th scientific conference of students and postgraduates of the Belarusian State University [Electronic resource]: conf. In 3 parts. Part 2, Minsk, May 11–22, 2020 / Belarusian state university; editorial board: V.G. Safonov (editor-in-chief) [and others]. Minsk: BSU, 2020. P. 446–449.
26. Kaldor M. The Baroque Arsenal. – New-York: Hill & Wang, 1981. 294 p.

Гусарова М.Н.

*Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры философии,
политологии, социологии имени Г.С. Арефьевой,
ФГБОУ ВО Национальный исследовательский университет «МЭИ».*

Авакян Д.А.

*Кандидат политических наук, доцент кафедры философии,
политологии, социологии имени Г.С. Арефьевой,
ФГБОУ ВО Национальный исследовательский университет «МЭИ».*

Высшее образование в Российской Федерации в первой четверти XXI века в контексте эволюции государственного управления и цифровизации

Трансформационные процессы в Российской Федерации первой четверти XXI века затронули все сферы общественной жизни, а также социальные и политические институты. Высшее образование, как и образование в целом, не стало исключением. В числе вызовов, на которые высшему образованию приходилось отвечать и в контексте которых происходила его эволюция, выделим смену цивилизационной парадигмы развития, нарушение баланса сил в так и не ставшим устойчивым после окончания холодной войны многополярном мире; кризис глобализации; усиление экономического и технологического межстранового неравенства, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и IT-сферы; цифровизация, вызвавшая принципиальные изменения в структуре экономики, образовании, и коммуникации; активное внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы общественной жизни; сохранение и рост внутривнутриполитических проблем в стране, обусловленных экономическими, социальными, экологическими и демографическими проблемами в стране.

Реформирование системы высшего образования в первой четверти XXI века происходило (и этот процесс далек от стадии завершения) в контексте следующих парадигм:

- поиск более эффективных моделей государственного управления;

- закрепление либерально-экономического подхода в модели развития высшего образования;
- включенность в глобализационные тренды развития (прежде всего через присоединение к Болонской системе в 2003 г., а после отказа от нее через активную интеграцию с вузами Китая, Вьетнама, Индии, стран Центральной Азии и Глобального Юга в целом);
- стремительное развитие искусственного интеллекта, цифровизации и сквозных технологий.

Трансформация государственного управления за два последних десятилетия происходила в направлении реализации концепции Нового государственного управления (New public management или NPM) или – более поздний вариант – Достойного управления (Good Governance или GG), рассматривающей государство как систему сервисных функций. Иными словами, менеджмент в государственном секторе максимально приближен к бизнес-практикам, а деятельность государственных служащих заключается лишь в оказании соответствующих услуг гражданам. Однако, внедрение клиентоориентированных управленческих технологий из частного бизнеса, методов финансового менеджмента и принципа конкуренции в сектор государственного управления применительно к слабо подготовленному и, в значительной степени, коррумпированному постсоветскому российскому чиновничеству привели в итоге к дисфункции государственного аппарата и росту его неэффективности. Тем не менее, отказа от выбранной модели не произошло, а возникшие проблемы пытались решать сверхцентрализацией и контролем, внедрением повсеместно проектного управления, цифровизацией, ужесточением требований к оценке эффективности государственных служащих, руководителей и возглавляемых ими структур, увеличением численности чиновников. Важным фактором по сохранению прежнего курса в реформировании государственного управления сыграла его цифровизация, а именно: внедрение цифровых технологий и платформенных решений в систему государственного управления и оказания государственных услуг [4, С.13-31].

Развившиеся в сфере государственного управления новые практики достаточно быстро распространились в системе высшего образования. Этому, безусловно, способствовало то, что вузы в нашей стране никогда не обладали фактической автономией в отличие от западных университетов. Создание системы светского образования в России в XVIII-XIX вв. происходило исключительно в рамках реформ сверху, так как государ-

ству требовались специалисты соответствующей квалификации. Эта традиция сохранилась в советское время, где вузы были органично встроены в систему исключительно подготовки кадров для социалистической экономики. Эффективное администрирование активно внедрялось и трансформировалось, прежде всего, под влиянием цифровизации. В частности, это привело к созданию крупных федеральных и региональных вузов, национальных исследовательских университетов, функционирующих по образу и подобию государственных корпораций. Кроме того, были ликвидированы нерентабельные вузы, но, значительно повысилась эффективность тех, кто сохранился и поглотил слабые. Однако, обратной стороной, стало снижение качества подготовки выпускников, разбалансировка системы обеспечения промышленности, научного и инновационного секторов экономики квалифицированными кадрами с необходимыми компетенциями. В научно-образовательной сфере произошло сокращение численности исследователей и преподавателей за счет их перехода в менее бюрократизированные и загруженные отчетностью частные структуры, в том числе и зарубежные.

Численность исследователей устойчиво сокращается с 2000 г., тогда она составляла около 426 тыс. человек. В 2005 г. исследователей было уже 391, 1 тыс. человек, в 2019 – 348 тыс. чел., в 2021 г. – 340,1 тыс. чел., в 2023 г. – 338, 9 тыс. человек [7, С. 108; 5, С.46]. Если в 2006 г. эта небольшая группа составляла всего 3,24% населения России [1, С. 359], то сейчас и того меньше – не более 2% (подсчитано авторами, на основании данных приведенных в статистическом сборнике «Индикаторы науки: 2025) [3, С. 46].

По данным НИУ «Высшая школа экономики» фактически не увеличилась доля молодых преподавателей (до 30 лет) в профессорско-преподавательском составе российских вузов за период 2017-2024 гг., составляя не более 6% от общей численности [5, С. 95]). Основное ядро вузовских преподавателей – это возрастная группа 35-45 лет. Те, кто старше 60 составляют примерно треть. Примечательно, что аналогичная ситуация сложилась и в науке, где также преобладают исследователи в возрастной группе 35-50 лет. Собственно, говоря это те, кто пришел в вузы и науку в относительно благополучные в экономическом плане годы.

Одной из определяющих тенденций в реформировании системы высшего образования явилось сохранение рыночной модели развития в ее основе.

Отметим, что либерально-экономический подход в становлении мо-

дели высшего образования фактически сложился в 90-е годы XX в. Отказ от плановой модели экономики и стремительный переход к рынку в духе либеральной экономической теории, к которой в европейских странах, например, относились весьма настороженно и развивали скорее социалистические практики, предполагал, что учреждения высшего образования должны научиться зарабатывать сами. Этот подход получает законодательную поддержку. Например, Постановление Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 26 июня 1993 г. №597 «Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении) Российской Федерации», предоставило вузам значительную хозяйственную свободу и расширило их права [1, С. 559].

Полагаем, что в этом контексте можно рассматривать недолгий период вузовской автономии (примерно 10-15 лет), когда возникли негосударственные вузы, в государственных вузах открылись новые востребованные специальности (часто на внебюджетной основе), появились новые образовательные программы, новые дисциплины и авторские курсы. В технических вузах возникли новые факультеты экономического и гуманитарного профиля [1, С. 561-562]. Однако, у этого периода была и обратная сторона: недофинансирование, утечка кадров, сокращение материально-технической базы, снижение качества подготовки специалистов. Так, финансирование системы образования в 1990-е годы было в 2-2,5 раза меньше, чем требовало законодательство и осуществлялось по остаточному принципу [1, С. 563]. Система высшего образования сумела себя сохранить, гибко адаптироваться к новым реалиям, используя значительный задел, созданный в советский период, который к началу третьего тысячелетия оказался фактически растрочен. Переход к Болонской системе казался «окном возможностей» для преодоления системного кризиса, в котором оказалось высшее образование в России.

В 2000-е годы автономия вузов стала сворачиваться, в направлении внедрения единых государственных образовательных стандартов, перехода к двухуровневой модели образования, введении единого государственного экзамена для поступления в вуз. В дальнейшем процесс централизации в вузовском секторе усиливается при, одновременно, сохранении либерально-экономического подхода, способного по мнению, реформаторского крыла в правительстве, обеспечить стране инновационный прорыв.

Происходит укрупнение вузов, устанавливается их новая градация: федеральные вузы, региональные вузы, национальные исследовательские университеты. Главный вектор этого периода – превращение вузов в научно-образовательные центры. Подобная модель предполагает создание внутри вузов исследовательских структур, формирующихся под конкретный проект и привлекающих средства венчурных фондов. Целью такой государственной политики, на наш взгляд, являлось стремление усилить конкуренцию между вузами, чтобы в дальнейшем обеспечить финансовую поддержку наиболее передовых из них, способных к инновационному рывку, и, одновременно, рентабельных. Однако, в ходе реализации подобной реформаторской парадигмы, вузы лишились своей автономии и постепенно трансформировались в научно-образовательные центры, структурно напоминающие государственные корпорации, функционирующие при этом в условиях жёсткого финансового и цифрового регулирования и контроля.

Совершенно нельзя игнорировать включенность отечественной системы высшего образования в глобальные тренды развития.

Глобализация образования, во многом, явилась следствием информационной революции, развернувшейся в странах Запада в 1970-е годы, перехода к инновационной экономике, возникновения и бурного развития высокотехнологичного сектора экономики и сферы услуг. Для такой экономической модели нужен был специалист, способный обучаться всю жизнь, быстро адаптироваться к меняющемуся запросам рынка труда, получив на первом уровне образования (бакалавриат) необходимые для этого знания, навыки и компетенции. Он должен быть мобильным и готовым работать в любой точке мира, а соответственно, обладать рядом универсальных компетенций.

В контексте глобализации Россия в сентябре 2003 года присоединилась к Болонской системе, хотя было много противников такого решения из числа ректоров вузов, известных ученых, политиков и общественных деятелей, призывавших найти собственную модель опережающего развития образования, не допустить разрушения образовательного фундамента, сложившегося еще в дореволюционный период, сохранить уникальную отечественную модель русской инженерной школы [2, С. 370-374].

Результаты и последствия этого процесса неоднозначны. С одной стороны, выросло качество образования в ряде крупнейших вузов, в том числе за счет технологической модернизации, обеспеченной ин-

вестициями зарубежных фондов, усилилась интеграция с рядом зарубежных вузов, возникли совместные образовательные программы, студенты уезжали на обучение и стажировку в европейские университеты, развивался академический обмен и пр. С другой, двухуровневая модель образования в России была реализована совсем не так, как изначально было задумано. Включенность в болонскую систему дала преимущества только топовым вузам, оставив за бортом остальных, в числе которых было немало технических университетов. Магистратура нередко фактически повторяла программу бакалавриата или ряд курсов, которые были в специалитете и не помещались в программу бакалавриата, переносились в магистратуру. Нельзя, не отметить, предвзятое отношение работодателей к диплому бакалавра.

Присоединение к Болонской системе было, во многом, решением политическим, вызвавшим много споров в научно-педагогической среде, что подтверждает анализ стенограмм парламентских слушаний за период 2003-2009 гг.¹, многочисленных публикаций в научных журналах и в монографических исследованиях [2, С. 334-389].

Цифровизация и развитие искусственного интеллекта (ИИ) стали еще одним вызовом для системы высшего образования и, одновременно, новой средой в которой вузам надо научиться жить и развиваться. Ведь, стремительное развитие интернета, распространение социальных сетей и мессенджеров, бурный рост возможностей цифровых устройств, обусловили значительные изменения в коммуникативных практиках людей, затронув молодое поколение российских граждан в наибольшей степени. Современное студенчество иначе получает информацию (при этом оно чаще смотрит, чем читает) и пребывает в уверенности, что с ее поиском проблем не будет никогда. При этом информации много, ее объемы растут, однако, критический подход к ее осмыслению у молодежи практически отсутствует (из-за снижения интереса к чтению, кризиса школьного образования и др.). Кроме того, современные поисковые системы теперь работают на основе генеративных нейросетей и выдают зачастую очень поверхностную информацию (чтобы разобраться в вопросе надо опять идти в библиотеку и учиться работать с каталогом, чтобы найти то, что нужно). Широкое распространение среди молодежи получает использование ИИ (особенно Chat GPT, Deep Seek

1 Авторы имеют в виду материалы Архива Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, отложившиеся в фонде 10100. В настоящее время документы переданы на хранение в Государственный архив Российской Федерации.

и др.), активно применяемых для выполнения различного вида работ (в том числе написания выпускных квалификационных работ). Ситуация представляется для вузов катастрофической, в отдельных случаях (в том числе и в зарубежных вузах) преподаватели отказываются от всевозможных интерактивных практик в обучении в пользу традиционных методик, оставшихся, как нам казалось, в далеком прошлом: конспектирование лекций от руки, сдача зачетов и экзаменов только в устном формате и т.п. Очевидно, что в кратчайшие сроки предстоит перенастроить контроль знаний, который теперь будет включать больше устных, практико-ориентированных заданий, а также кейсов, проверяющих «ход мысли». Критическое мышление и научная грамотность у студентов, легко владеющих цифровыми инструментами, придется развивать через чтение первоисточников и их устный пересказ с выделением ключевых аспектов (тезисов).

В целом цифровизация в сегменте высшего образования обусловила развитие следующих тенденций:

- внедрение цифровых технологий и платформенных решений в управленческих и образовательных практиках вузах (электронный документооборот, электронная корпоративная среда и пр.);
- сверхпопулярность ИТ-специальностей (востребованность выпускников на рынке труда, достаточно высокие зарплаты в отрасли, свободный график или гибридный формат работы);
- доступность разнообразного образовательного онлайн-контента составляет конкуренцию вузам, с их сохраняющимися устаревшими педагогическими и образовательными практиками;
- использование генеративных нейросетей для написания различного вида работ, включая выпускные квалификационные работы.

Цифровизация обнажила проблему кризиса высшего образования, выстроенного в постсоветский период как сектор экономики, поставляющий различные виды услуг, в данном случае образовательных. Только в 2022 г. были внесены изменения в закон «Об образовании в Российской Федерации», исключившие понятие «образовательная услуга» из законодательства. Реформирование предполагает создание суверенной модели высшего образования, сокращение сегмента платного образования, поддержку только тех вузов, которые способны обеспечить технологический прорыв. Впервые о необходимости системных изменений в высшем образовании было сказано в Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года, отметившего,

в частности, что «необходим синтез всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий» [6].

На настоящем этапе происходит переход к модели, которая представляет собой введение нового единого уровня образования, ориентированного на «подготовку полноценных специалистов в один такт». Срок обучения составит преимущественно 5 лет, возможны форматы 4-х и 6-летнего обучения для отдельных программ. Магистратура сохранится, но переориентируется на тех, кто обладает уже каким-то практическим опытом, то есть поступить в нее сразу после получения диплома о высшем образовании не получится.

Кроме того, обновление формата программы «Приоритет-2030» фиксирует, что государство будет оказывать поддержку только тем вузам, которые готовы к технологическому лидерству. Новый комплексный показатель - «интегральный индекс технологического лидерства» - учитывает привлеченные средства на НИОКР, доходы от коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и работу малых инновационных предприятий, созданных с участием вуза. Проекты университетов будут проходить дополнительную технологическую экспертизу (помимо экспертизы РАН), а решение по всем вузам-участникам примет единый совет программы. Только для университетов Дальневосточного федерального округа и вузов творческой направленности сохранят отдельные комиссии.

Еще одно концептуальное направление трансформационных процессов в высшей школе связано с сокращением сегмента платного образования (в 2025 г. сразу несколько крупных вузов подняли плату за обучение на 40-60%), непрофильных направлений подготовки (прежде всего, речь идет об экономических и юридических профилях подготовки в неспециализированных вузах) и поддержку топовых инженерных вузов.

Подводя итоги, отметим, что высшее образование в России на настоящем этапе оказалось зажато с одной стороны требованиями рыночной эффективности, но с другой – этому препятствует избыточный и усиливающийся государственный контроль с опорой на цифровизацию и внедрение искусственного интеллекта. Текущий этап реформирования, в основе которого отказ от болонской системы, ставка на технологическое лидерство и сокращение сегмента платного образования, представляется нам логичным и целесообразным для преодоления сложившейся кризисной ситуации. Приверженность стратегии развития высшего образования таким ключевым принципам как фундаменталь-

ность, гибкость и практико-ориентированность позволяет надеяться на то, что такой масштабный социальный проект станет мощнейшим импульсом для столь жизненно необходимого стране технологического рывка. Однако, не менее важно четко представлять себе результат этой трансформации и неизбежные проблемы, в числе которых можно выделить избыточную бюрократизацию, старение профессорско-преподавательского состава и отсутствие четких правил использования искусственного интеллекта в обучении.

Современная модель высшего образования в России должна быть ориентирована на подготовку специалистов с инновационным мышлением, способных решать задачи технологического суверенитета, сочетая исследовательскую, проектную и предпринимательскую деятельность. Такая система может быть реализована исключительно при консолидации усилий государства, университетов, научного сообщества и бизнеса, с активным участием работодателей в формировании образовательных программ. Особое значение приобретают инвестиции в цифровую инфраструктуру вузов, развитие проектных форм обучения и интеграцию образования с наукой и высокотехнологичным производством.

Понимание современного этапа реформирования высшей школы в контексте совокупности процессов цифрового, технологического, политического, экономического и социокультурного развития российского общества, приводит нас к выводу о необходимости её глубокой системной и структурной трансформации с учетом отечественной специфики, накопленного собственного и международного опыта реализации подобных проектов.

Список литературы:

1. Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В. Государственная научно-техническая политика Российской Федерации в контексте перехода страны к инновационному развитию: Монография. – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, 2012. 632 с.
2. Гусарова М.Н. Формирование научно-технической интеллигенции в Российской Федерации: преемственность отечественного опыта и новые тенденции. 1991-2010 годы. Монография. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. 474 с.
3. Индикаторы науки: 2025: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 396 с.
4. Институты государственного управления в контексте стратегических вызовов российской экономики / под ред. И.И. Смотрицкой, С.В. Козловой. – СПб.: Алетейя, 2020. 270 с.
5. Образование в цифрах: 2024: краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 132 с.
6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 21.02.2023. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440178/ (Дата обращения: 24.08.2025)
7. Семенов Е.В. Человеческий капитал в российской науке // Информационное общество. 2008. № 1-2. С. 108.
8. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении

доступности медицинской помощи // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 2. (№ 37). С. 12-21.

9. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.

Bibliography

1. Bodrova E.V., Gusarova M.N., Kalinov V.V. State scientific and technical policy of the Russian Federation in the context of the country's transition to innovative development: Monograph. – M.: Publishing center of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas, 2012. 632 p.
2. Gusarova M.N. Formation of scientific and technical intelligentsia in the Russian Federation: continuity of domestic experience and new trends. 1991-2010. Monograph. – M.: Publishing house of Moscow. humanit. University, 2010. 474 p.
3. Science indicators: 2025: statistical digest / L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky, E.I. Evnevich et al.; National Research University "Higher School of Economics". – M.: ISSEK HSE, 2025. 396 p.
4. Public Administration Institutions in the Context of Strategic Challenges of the Russian Economy / ed. by I.I. Smotrinskaya, S.V. Kozlova. – SPb.: Aletya, 2020. 270 p.
5. Education in Figures: 2024: Brief Statistical Digest / T.A. Varlamova, L.M. Gokhberg, O.A. Zorina, et al.; Nat. Research University "Higher School of Economics". – M.: ISSEK HSE, 2024. 132 p.
6. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation. 21.02.2023. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440178/ (24.08.2025)
7. Semenov E.V. Human capital in Russian science // Information society. 2008. № 1-2. P. 108.
8. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening healthcare and ensuring the availability of medical care // Culture of the world. 2024. Volume 12. Issue 2. (№ 37). P. 12-21.
9. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations // The power of history - The history of power. 2024. Volume 10. Part 7. № 57. P. 70-78.

Зенина Л.В.

*Кандидат педагогических наук, доцент.
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.*

Стрижова Е.В.

*Старший преподаватель.
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.*

Лобанова Е.И.

*Кандидат социологических наук, доцент.
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.*

Проблемы формирования инклюзивной онлайн-среды для обучения иностранным языкам

Введение

Современная образовательная практика все больше ориентируется на внедрение цифровых технологий и развитие онлайн-образовательных платформ. В условиях пандемии COVID-19 и последующего перехода к дистанционному обучению проблема обеспечения инклюзии приобрела особую актуальность. Формирование инклюзивной онлайн-среды сталкивается с рядом специфических проблем, особенно при обучении иностранным языкам, где важна не только лингвистическая компетенция, но и учет индивидуальных особенностей учащихся. Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет принципы доступности и равных возможностей для всех обучающихся [1], однако реализация этих принципов в цифровой среде остается, на наш взгляд, недостаточно проработанной.

Цель данной статьи — выявить основные проблемы формирования инклюзивной обучающей онлайн-среды при обучении иностранным языкам и предложить возможные пути их решения.

Основная часть

Несмотря на растущий интерес к инклюзивному образованию, проблема формирования инклюзивной онлайн-среды для обучения иностранным языкам остается недостаточно изученной. В научной лите-

ратуре освещены отдельные аспекты данной проблематики, такие как преодоление трудностей коммуникации между преподавателями и студентами в смешанном обучении [2], применение новых технологий в обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья [3], создание условий для инклюзивного лингвистического образования [4], а также общие вопросы инклюзивного подхода в образовании [5, 6]. Однако, комплексное исследование, охватывающее все аспекты создания доступной и эффективной онлайн-среды для изучения иностранных языков лицами с различными образовательными потребностями, на данный момент отсутствует.

Рассматривая теоретические основы инклюзивного обучения в онлайн-среде представляется необходимым определить понятие инклюзивного образования. Инклюзивное образование подразумевает под собой этап становления общего образования, в котором возможность приобретения знаний доступна всем, и особенно детям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) [7, стр. 15]. Инклюзивное образование – это подход, который предполагает создание таких условий для обучения, которые учитывают разнообразие потребностей всех обучающихся, включая тех, кто имеет особые образовательные потребности. Инклюзивное образование основывается на принципах равенства, доступности и качества. Это означает, что все обучающиеся, независимо от их физических или умственных особенностей, должны иметь равный доступ к образовательным ресурсам и возможностям. Важным аспектом является также учет различных стилей обучения и культурных контекстов.

Инклюзивное образование предполагает создание условий для равного доступа к качественному образованию всех учащихся независимо от их физических, интеллектуальных или социальных особенностей. В контексте онлайн-образования это означает разработку платформ и методов, учитывающих разнообразие потребностей студентов. Цифровая педагогика предоставляет возможности для обеспечения доступности материалов, адаптивности интерфейсов и поддержки различных форм взаимодействия, включая специальные технологии, такие как текст-в-речь, субтитры, жестовые интерфейсы.

Несмотря на это, многие российские образовательные платформы не соответствуют требованиям доступности, характеризуясь отсутствием адаптивных интерфейсов и недостатком средств поддержки учащихся с особыми потребностями. Обучение иностранным языкам, требующее активного взаимодействия, аудиовизуальных материалов и обратной свя-

зи, усложняет создание универсальной среды для всех категорий студентов. Студенты с ОВЗ сталкиваются с дополнительными трудностями при использовании стандартных платформ.

Обозначим ключевые проблемы, барьеры и вызовы, возникающие при формировании инклюзивной онлайн-среды.

– Технические барьеры, выражающиеся в недостаточной технической оснащенности у студентов и преподавателей, отсутствии специальных инструментов поддержки или низком уровне цифровой грамотности.

– Методические барьеры. Методические подходы к обучению иностранным языкам в онлайн-среде часто не учитывают индивидуальные потребности обучающихся. Традиционные методы, основанные на фронтальном обучении, не всегда эффективны в условиях дистанционного формата. Методологические барьеры возникают в связи с недостаточной адаптацией учебных программ под потребности студентов с ОВЗ, отсутствием методик дифференцированного подхода в онлайн-обучении.

– Организационные барьеры являются следствием недостаточного финансирования, нехватки квалифицированных специалистов в сфере цифровой педагогики, слабой межведомственной координации.

– Лингвистические особенности, связанные со спецификой обучения иностранным языкам. Данный вид особенностей сопряжен с необходимостью использования мультимедийных ресурсов и интерактивных методов, что усложняет создание универсальной обучающей среды.

– Психологические и социальные барьеры, порождаемые низкой самооценкой и страхом перед обучением в новой среде, могут негативно сказаться на обучении студентов на онлайн-курсах. Социальная изоляция, особенно среди студентов с ограниченными возможностями, также является серьезной проблемой.

Таким образом, формирование инклюзивной онлайн-среды при обучении иностранным языкам представляет собой многоаспектную задачу, требующую комплексного подхода, охватывающего как технологические, так и методические аспекты.

Предлагаемые ниже пути решения проблем, основанные на анализе существующей практики и перспективных тенденций, направлены на создание условий, обеспечивающих равный доступ к образованию и максимально эффективное обучение для всех категорий учащихся.

1) Разработка адаптивных платформ и технологий поддержки с возможностью настройки интерфейса под индивидуальные потребности,

внедрение специальных технологий поддержки (субтитры, озвучка), обеспечивающих персонализацию и доступность. Проблемы, связанные с конкретными образовательными потребностями и когнитивными особенностями учащихся, могут быть решены посредством разработки и внедрения адаптивных онлайн-платформ. Такие платформы должны обладать модульной структурой, интерфейс платформы должен быть гибким и настраиваемым, позволяя пользователю адаптировать его под свои индивидуальные потребности. Это включает в себя возможность изменения размера шрифта, цветовой схемы, контрастности, а также отключение отвлекающих элементов. Платформа должна поддерживать интеграцию различных технологий, обеспечивающих доступность контента для учащихся с особыми потребностями, например, автоматические субтитры и расшифровка аудио для обеспечения доступности аудио- и видеоматериалов для учащихся с нарушениями слуха. Следующей важной функцией подобных платформ должна быть функция преобразования текста в речь (Text-to-Speech, TTS) и речи в текст (Speech-to-Text, STT), необходимая для поддержки учащихся с дислексией и другими трудностями в чтении и письме. Важным элементом также является функция создания интерактивного глоссария и переводчика для помощи учащимся с ограниченным словарным запасом или недостаточным знанием языка. В данной связи не стоит умалять значение адаптивного обучения, построенного на основе искусственного интеллекта (AI), позволяющего использовать алгоритмы машинного обучения для адаптации сложности учебного материала, темпа обучения и типов заданий в зависимости от индивидуального прогресса и потребностей учащегося.

2) Методическая адаптация программ, реализуемая путем разработки дифференцированных методик обучения с учетом особенностей учащихся и предполагающая использование мультимедийных ресурсов для повышения доступности. Стандартизированные учебные программы часто не учитывают разнообразие стилей обучения и потребностей учащихся. Методическая адаптация предполагает адаптацию учебных материалов под разные стили обучения и потребности. Это может включать использование мультимедийных ресурсов, интерактивных заданий и других форматов, которые делают обучение более доступным и интересным.

Методическая адаптация программ, направленная на дифференциацию обучения и использование мультимедийных ресурсов, также пред-

полагает разработку различных подходов к обучению, учитывающих визуальный, аудиальный и кинестетический стили обучения, потребности учащихся с особыми образовательными потребностями; предложение заданий различного уровня сложности, направленных на развитие навыков письма, чтения, аудирования, говорения, и предоставляющих учащимся возможность выбора наиболее подходящего формата; организацию групповой работы с учетом индивидуальных особенностей обучаемых, для чего формируются группы с учетом сильных и слабых сторон учеников, с целью обеспечения взаимопомощи и поддержки. Методическая адаптация программ также предполагает разработку индивидуальных планов обучения для учащихся с особыми потребностями, учитывающих их темп обучения, цели и интересы. Использование мультимедийных ресурсов предполагает интеграцию мультимедийных ресурсов (видео, аудио, интерактивные симуляции, игры) для повышения доступности и вовлеченности учащихся. Для этого рекомендуется: использование визуализации в форме инфографики, диаграмм, карт памяти для представления информации в более доступной и наглядной форме; аудиоматериалов с различной скоростью воспроизведения посредством возможности регулировать скорость воспроизведения аудиоматериалов для учащихся с трудностями в аудировании; использование геймификации для повышения мотивации и вовлеченности в учебный процесс.

3) Повышение квалификации педагогов за счет обучения преподавателей навыкам работы с технологиями поддержки и дифференцированного подхода в онлайн-обучении. Для успешного формирования инклюзивной онлайн-среды при обучении иностранным языкам необходимо не только технологическое оснащение и методическая адаптация, но и системное повышение квалификации педагогических кадров. Ниже предлагаются рекомендации по данному направлению. Успешное внедрение инклюзивных практик в онлайн-образование напрямую зависит от компетентности педагогов в использовании технологий поддержки и применении дифференцированного подхода. Недостаток знаний и навыков в этих областях может существенно ограничить эффективность образовательного процесса для учащихся с различными потребностями. В этой связи необходимо разработать комплексные программы повышения квалификации, ориентированные на:

- обучение преподавателей использованию возможностей адаптивных платформ, функций преобразования текста в речь, субтитров, он-

лайн-переводчиков и других вспомогательных инструментов. Важно не только научить педагогов техническим аспектам, но и продемонстрировать эффективные стратегии их применения в различных учебных ситуациях;

- обучение принципам и техникам дифференцированного обучения, включая разработку индивидуальных учебных планов, адаптацию заданий и материалов, использование различных форм оценки. Особое внимание следует уделить созданию благоприятной и поддерживающей атмосферы в онлайн-классе;

- обучение разработке специальных модулей, посвященных работе с учащимися с дислексией, дисграфией, нарушениями слуха и зрения, а также другими особенностями развития. Преподаватели должны быть ознакомлены с особенностями обучения этих категорий студентов и знать, как адаптировать учебный процесс для удовлетворения их потребностей.

Оптимальными формами обучения преподавателей являются сочетание онлайн-курсов, вебинаров, практических семинаров и менторства. Важно обеспечить возможность обмена опытом между преподавателями и предоставить им доступ к ресурсам и экспертам в области инклюзивного образования. Для оценки эффективности программ повышения квалификации необходимо использовать различные методы, включая анкетирование, тестирование, наблюдение за работой преподавателей в онлайн-классе и анализ успеваемости студентов. Важно создать систему непрерывного профессионального развития преподавателей в области инклюзивного образования. Это может включать в себя организацию конференций, публикацию статей и создание онлайн-сообществ.

4) Межведомственное сотрудничество, подразумевающее создание единой системы стандартов доступности; обмен опытом между образовательными учреждениями; привлечение специалистов по цифровой педагогике и реабилитации. Решение проблем формирования инклюзивной онлайн-среды требует скоординированных усилий различных ведомств и организаций, работающих в сфере образования, здравоохранения, социальной защиты и информационных технологий. Перспективным направлением считаем разработку и внедрение единых стандартов доступности для онлайн-образовательных ресурсов и платформ. Организация регулярных конференций, семинаров и вебинаров для обмена опытом между образовательными учреждениями, успешно внедряющими инклюзивные практики, позволит распространить лучшие практики

и избежать повторения ошибок.

Важным аспектом деятельности в вопросах междисциплинарного сотрудничества также является привлечение специалистов по цифровой педагогике и реабилитации к разработке учебных программ, созданию адаптивных платформ и проведению консультаций для преподавателей с учетом современных достижений в области обучения и реабилитации при формировании инклюзивной онлайн-среды. Данная деятельность возможна на уровне региональных ресурсных центров, предоставляющих консультации, поддержку и ресурсы преподавателям, студентам и родителям в области инклюзивного онлайн-образования. Для инициирования создания подобных центров важно проведение информационной кампании, направленной на повышение осведомленности общественности о важности инклюзивного образования и преимуществах онлайн-обучения для студентов с различными потребностями.

5) Использование инновационных технологий. Данное предложение предполагает интеграцию искусственного интеллекта для персонализации обучения, а также применение виртуальной реальности для иммерсивных занятий. Ниже представлены рекомендации для реализации данного предложения на практике.

- Применение адаптивных систем обучения за счет использования алгоритмов машинного обучения для анализа данных об успеваемости, стилях обучения и потребностях каждого ученика. На основе этого анализа система может адаптировать сложность учебного материала, темп обучения и типы заданий.

- Использование ИИ для предоставления мгновенной и персонализированной обратной связи по выполненным заданиям, что позволит ученикам быстрее выявлять и исправлять ошибки, а также получать рекомендации по дальнейшему улучшению.

- Разработка виртуальных репетиторов, способных адаптироваться к индивидуальному стилю обучения каждого ученика и предоставлять персонализированную помощь в режиме реального времени.

- Использование ИИ для автоматического оценивания заданий, требующих знания языка, таких как эссе, переводы и ответы на вопросы.

Использование виртуальной реальности для иммерсивных занятий предполагает: создание виртуальных сред, имитирующих реальные ситуации общения на иностранном языке для обеспечения возможности практиковать языковые навыки в безопасной и контролируемой обстановке; организацию виртуальных экскурсий по странам, где говорят на

изучаемом языке для знакомства с культурой и традициями этих стран, а также улучшения навыков аудирования и говорения; разработку интерактивных сценариев, в которых ученики смогут играть различные роли и взаимодействовать с другими обучающимися с целью развития коммуникативных навыков; использование геймификации и виртуальный реальности для создания образовательных игр, в которых ученики смогут изучать иностранный язык в игровой форме.

б) В контексте обучения иностранным языкам, особенно в онлайн-формате и при работе с учащимися, обладающими различными образовательными потребностями, ключевым фактором успешности образовательного процесса является формирование благоприятной и поддерживающей образовательной среды. Данная среда должна способствовать повышению уверенности обучающихся в собственных силах и стимулировать взаимодействие и сотрудничество между ними. Развитие уверенности достигается посредством предоставления позитивной и конструктивной обратной связи, акцентирующей внимание на достижениях и прогрессе каждого учащегося. Критически важно создание безопасной атмосферы, в которой ошибки воспринимаются как неотъемлемая часть процесса обучения, а выражение личного мнения не вызывает опасений. Эффективным подходом является постановка реалистичных и достижимых целей, что обеспечивает учащимся чувство успеха и поддерживает мотивацию к дальнейшему обучению. Индивидуальная поддержка и внимание к учащимся, испытывающим дополнительные трудности, также является важным элементом формирования уверенности в собственных силах. Стимулирование взаимодействия и сотрудничества осуществляется через организацию групповых проектов, создание онлайн-форумов и чатов для обмена знаниями и опытом, а также проведение виртуальных встреч и конференций с носителями языка и учащимися из других стран. Использование социальных сетей может способствовать формированию онлайн-сообщества, где учащиеся могут общаться, обмениваться информацией и оказывать взаимную поддержку. Дополнительно, разработка четких правил поведения в онлайн-классе, мониторинг атмосферы и предотвращение конфликтов, а также обучение коммуникативным навыкам, необходимым для эффективного взаимодействия в онлайн-среде, являются важными составляющими формирования поддерживающей образовательной среды.

Заключение

Формирование инклюзивной обучающей онлайн-среды в российской системе образования представляет собой сложную, но необходимую задачу. Устранение технических, психологических и методических барьеров позволит создать более доступное и качественное образование для всех обучающихся. Внедрение предложенных рекомендаций может существенно улучшить процесс обучения иностранным языкам и способствовать развитию инклюзивной культуры в образовательной среде. Формирование инклюзивной обучающей онлайн-среды сталкивается со значительными проблемами особенно при обучении иностранным языкам из-за их мультимедийной природы и требований к активному взаимодействию участников процесса обучения. Для преодоления данных барьеров необходимо комплексное решение: развитие инфраструктуры, адаптация методик преподавания, повышение квалификации педагогов и внедрение инновационных технологий. Перспективными направлениями развития исследований и практики можно считать разработку национальных стандартов по доступности онлайн-образования; создание пилотных проектов по обучению иностранным языкам с учетом принципов инклюзии. Предполагается, что представленный авторами системный подход позволит повысить качество обучения в условиях цифровой трансформации образования в России.

Список литературы:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/. (Дата обращения: 23.08.2025)
2. Краснова Т.И. Преодоление трудностей коммуникации между преподавателями и студентами в смешанном обучении: руководство по лучшим стратегиям // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13. С. 89-92.
3. Ахмедшина Л.В. Применение новых технологий в преподавании иностранных языков студентам с ограниченными возможностями // Проблемы современного педагогического образования. 2024. С. 31-33. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-novyh-tehnologiy-v-prepodavanii-inostrannyh-yazykov-studentam-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami>. (Дата обращения: 23.08.2025)
4. Торбик Е.М., Фокина Ю.М. Создание условий для получения инклюзивного высшего лингвистического образования лицами с ограниченными возможностями здоровья (на примере учебного курса по дисциплине «грамматика английского языка») // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2024. Т. 13 (48). С. 165-169.
5. Брызгалова С.О., Зак Г.Г. Инклюзивный подход и интегрированное образование детей с особыми образовательными потребностями // Специальное образование. 2010. № 3. С. 14-20.
6. Удуратин В.В. Обзор новейших информационных технологий в сфере образования // Экономика и социум. 2024. № 6 (121). С. 1576-1586.
7. Андрианова Е.И. Инклюзивное образование: характеристика, сущность проблемы // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 93. С. 14-16.
8. Рябова Е.Л. Закон необходимого разнообразия применительно к культуре социального управления (размышления, вызванные монографией «Вклад высшего образования в культуру социального управления») // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 1. № 36. С. 126-137.
9. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспек-

Bibliography

1. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 29.12.2012 N 273-FZ (latest revision). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/. (23.08.2025)
2. Krasnova T.I. Overcoming communication difficulties between teachers and students in blended learning: a guide to the best strategies // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2023. № 13. P. 89-92.
3. Akhmedshina L.V. Application of new technologies in teaching foreign languages to students with disabilities // Problems of modern pedagogical education. 2024. Pp. 31-33. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-novyh-tehnologiy-v-prepodavanii-inostrannyh-yazykov-studentam-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami>. (23.08.2025)
4. Torbik E.M., Fokina Yu.M. Creating conditions for obtaining inclusive higher linguistic education for individuals with disabilities (using the example of a course in the discipline "English grammar") // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2024. Vol. 13 (48). P. 165-169.
5. Bryzgalova S.O., Zak G.G. Inclusive approach and integrated education of children with special educational needs // Special education. 2010. № 3. P. 14-20.
6. Udoratin V.V. Review of the latest information technologies in the field of education // Economy and Society. 2024. № 6 (121). P. 1576-1586.
7. Andrianova E.I. Inclusive education: characteristics, essence of the problem // Bulletin of Novgorod State University. 2016. № 93. P. 14-16.
8. Ryabova E.L. The law of necessary diversity as applied to the culture of social management (reflections prompted by the monograph "The Contribution of Higher Education to the Culture of Social Management") // Culture of the World. 2024. Volume 12. Issue 1. № 36. P. 126-137.
9. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of implementation of activities // The Power of History – History of Power. 2024. Volume 10. Part 3. № 53. P. 12-21.

Методика анализа цифровой политической идентичности и символической репрезентации

Введение

Феномен политической идентичности на протяжении длительного времени рассматривался как относительно устойчивая структура, основанная на национальных, классовых и идеологических координатах. В классических моделях политическая идентичность связывалась с принадлежностью к определённому социальному слою, национальному сообществу или идеологическому движению. Политическая идентичность выступала инструментом упорядочивания политического пространства и поддерживала предсказуемость коллективных действий. Однако цифровая эпоха радикально изменила условия воспроизводства политической идентичности — в сетевых средах стабильные формы трансформируются в подвижные и легко тиражируемые образы, приобретающие характер квазисимволических конструкций, т.е. временных и условных знаковых образов, не закреплённых в политических институтах и традициях.

Развитие платформенной коммуникации породило новую логику публичного самообозначения. Цифровая политическая идентичность складывается из совокупности знаков, образов и маркеров, которые используются для обозначения позиции в виртуальном пространстве. Важное отличие цифровых практик состоит в том, что они позволяют индивиду самостоятельно конструировать свой образ посредством аватара, эмодзи, хэштегов и иных инструментов, что порождает эффект множественности и фрагментации. Иными словами, появляется не столько фиксированная принадлежность, а скорее набор символических ролей, зависящих от алгоритмов платформ и динамики сетевого общения.

В этой связи цель статьи заключается в разработке методики анализа цифровой политической идентичности и символической репрезентации как особого, нового типа политического присутствия. Предлагается

рассмотреть, каким образом сетевые маркеры превращаются в элементы коллективной самоидентификации и как символическая репрезентация воздействует на политическое поведение. Как отмечает О.В. Гаман-Голутвина, работа с идентичностью как с особым нематериальным ресурсом выдвигается на первый план новой политики развития, а продвижение созидательных ценностно-политических проектов выступает фундаментальным элементом дискурсивной силы государства и ориентированных на развитие негосударственных субъектов¹. Понимание этих процессов возможно только при обращении к тому, как сама идея политической идентичности исторически меняла свои основания — от прочных социальных категорий до цифровых знаковых обозначений.

Результаты и их обсуждение

В классической политической науке идентичность трактовалась как закреплённая принадлежность к нации, классу или идеологическому сообществу. Традиционная модель основывалась на представлении о стабильности социальных структур, внутри которых индивид получал фиксированный статус и устойчивую систему символов. Концепты национального государства, классовой борьбы и партийной принадлежности долгое время определяли параметры политической субъектности и обеспечивали воспроизводство предсказуемых образов «своего» и «чужого»². Важно отметить, что данные формы не сводились лишь к описанию реальности, а обладали значительной символической силой и задавали рамки коллективного действия.

Поворот к постиндустриальной эпохе и последующая цифровизация внесли качественные изменения в механизмы репрезентации. В отличие от прежних моделей, в которых политическая идентичность поддерживалась государственными институтами и культурными практиками, в цифровой среде её носителем становятся аватары, тэги и визуальные коды. Как подчёркивает О.В. Попова, фрагментарность идентичностей в современной России связана с разрушением единой ценностной структуры и возрастанием роли сетевых образов³. Это означает, что публичное обозначение принадлежности всё чаще строится на быстро меняющихся знаках, которые циркулируют внутри платформенной коммуникации и

1 Гаман-Голутвина О.В. Концепт идентичности: движение от абстрактного к конкретному // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 189

2 Мchedлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 13-35.

3 Попова О.В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 173-194.

не имеют институционально закреплённой формы⁴.

Современные исследователи отмечают, что цифровые практики репрезентации сосуществуют с прежними формами и придают им новые контуры. Так, как показал анализ символического пространства, образы в массовом сознании всё чаще обретают клиповый характер, их смысловая наполненность зависит от алгоритмов распространения и медиа-повестки⁵. Как следствие, историческая линия от нации и класса ведёт к аватару и тэгу как новым обозначениям политической субъектности. Для такой трансформации требуется специальный инструментарий анализа, позволяющий понять, каким образом временные цифровые образы становятся политически значимыми.

Эволюция обозначений приводит к необходимости рассмотреть, каким образом цифровые среды создают новые формы политической субъектности.

Цифровая политическая идентичность представляет собой форму самообозначения в пространстве цифровых платформ, в которых идентичность проявляется как динамическое конструирование образа. Под идентичностью в политическом смысле понимается устойчивая принадлежность к сообществу, выражающаяся в ценностях, символах и практиках коллективного действия. В цифровой версии идентичности основной носитель — это профиль пользователя, т.е. аватар или набор сетевых маркеров, которые могут изменяться в зависимости от контекста. Сдвиг от институциональных категорий к знаковым формам делает цифровую идентичность полем субъективации, т.е. превращения индивида в политического субъекта посредством выбора знаков и символов⁶.

Важной особенностью цифровой идентичности является различие между репрезентацией и автоконструированием. Репрезентация предполагает отражение образа в публичной среде и его восприятие другими акторами, тогда как автоконструирование — это самостоятельное создание и управление образом самим индивидом (например, политиком). В условиях сетевой коммуникации оба процесса взаимодействуют — индивид создаёт собственное обозначение, которое получает обратную реакцию аудитории и алгоритмов платформ. Таким образом возникает эффект двустороннего влияния, когда личное конструирование усиливает

⁴ Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. Детерминанты российской политики в прибрежных странах персидского залива // Казачество. 2025. № 82 (1). С. 156-165.

⁵ Смутькина Н.В., Рогач Н.Н. Образы прошлого, настоящего и будущего России: символическое измерение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 89-106.

⁶ Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 13-35.

ется коллективной репрезентацией, а коллективное восприятие направляет дальнейшее поведение индивида. В частности, подобный процесс отмечен в исследованиях, в которых символическая политика описывается как особый способ организации смыслов в массовом сознании⁷.

Коллективный уровень цифровой идентичности связан с тем, что индивидуальные маркеры в итоге складываются в общие модели обозначений. Хэштеги, мемы и визуальные коды превращаются в элементы объединяющего символического пространства и начинают буквально выполнять политические функции, что можно описать как субъективацию, т.е. превращение множества отдельных выражений в коллективное политическое «мы». При этом в цифровой среде субъективация не нуждается в институциональном закреплении — её правила определяются самим «полем» цифровой платформы, которое понимается как арена взаимодействия акторов с разными стратегиями⁸. Ценность этих образов зависит от моральных и психологических оснований, на которых индивиды строят свои действия, что, например, подтверждается исследованиями профилей политической идентичности в России⁹. В то же время на уровне коллективного восприятия цифровая идентичность может рассматриваться как фактор политической безопасности, когда она становится объектом контроля и предметом защиты со стороны государства¹⁰. Таким образом, цифровая политическая идентичность объединяет индивидуальное конструирование образа и его коллективное восприятие, а её значение выходит за пределы простого самовыражения и превращается в ресурс регулирования политического процесса.

Для понимания цифровой политической идентичности требуется анализ тех символических средств, посредством которых она становится видимой и политически значимой.

Символическая репрезентация в политике представляет собой процесс выражения смыслов через образы, знаки и практики, которые воспринимаются обществом как носители политического значения. В классической теории символическая репрезентация объяснялась ме-

7 Смутькина Н.В. Формирование символического пространства политической карты мира в российском массовом сознании // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5 (102). С. 210-223.

8 Комин М.О. Множественные поля и управление идентичностью: новый подход для анализа причин и динамики социально-политических трансформаций // Политическая наука. 2018. № 2. С. 289-296.

9 Мунинова А.М., Титов А.С., Баткина А.А., Григорьев Д.С. Профили политической идентичности россиян: роль моральных оснований, оправдания системы и сопротивления изменениям // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 104-123.

10 Фадеева Л.А. Секьюритизация политики идентичности как аналитический инструментарий // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17. № 2. С. 101-111.

тафорами и устойчивыми культурными символами, формирующими коллективные ассоциации. В цифровой среде эта функция расширяется — к традиционным символам добавляются визуальные коды (эмодзи и мемы, а также знаки, встроенные в интерфейсы платформ). Визуальный код — это любая графическая форма, которая сразу распознаётся пользователями и связывается с определённой позицией, будь то картинка, стикер или аватар. В исследовании символической политики отмечается, что именно образы и метафоры задают «рамку восприятия» и направляют массовое сознание¹¹.

Важным элементом символической репрезентации в цифровой среде является алгоритмическое усиление, т.е. ситуация, когда алгоритмы цифровых платформ автоматически увеличивают охват и видимость определённых символов. Данный процесс связан с внутренними правилами работы цифровых сервисов — алгоритмы чаще показывают пользователю те образы, которые вызывают высокий уровень вовлечённости. Поэтому ставшие популярными в ограниченном сообществе символы могут быстро приобретать общеполитическое значение¹². Как отмечает Л.А. Фадеева, современная политическая идентичность включается в механизмы контроля и защиты, поскольку её цифровые проявления могут быть восприняты как вызов безопасности¹³. Таким образом, алгоритмическое усиление превращает символ из локального обозначения в фактор политического действия, а сам процесс выходит за рамки индивидуального самовыражения. Политическая идентичность в цифровой среде всё чаще проявляется как эффект интерфейса, т.е. как результат специфических технических и визуальных решений, встроенных в платформы. При этом восприятие идентичности в цифровой среде зависит в большей степени от архитектуры коммуникации и символической насыщенности экранного пространства¹⁴. В этом смысле цифровая идентичность становится как продуктом человеческого выбора, так и функцией технологической среды.

Таким образом, можно обобщить рассмотренные аспекты взаимосвязи политической идентичности и символической репрезентации (табл. 1).

11 Смутькина Н.В. Формирование символического пространства политической карты мира в российском массовом сознании // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5 (102). С. 210-223.

12 Куровский С.В., Мишин Д.А., Воробьев К.В. Цифровая трансформация компаний как новая парадигма менеджмента // Финансовые рынки и банки. 2025. № 1. С. 291-299.

13 Фадеева Л.А. Секьюритизация политики идентичности как аналитический инструментарий // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17. № 2. С. 101-111.

14 Пономарева Е.Г. Призма идентичности // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 203-216.

Таблица 1. Ключевые аспекты, составляющие сущность взаимосвязи политической идентичности и символической репрезентации.

Аспект	Аспект политической идентичности	Роль символической репрезентации
Основание	Национальные, классовые, идеологические координаты (традиционная модель)	Культурные символы, метафоры, устойчивые знаки
Форма в цифровой среде	Подвижные и легко тиражируемые образы, квазисимволические конструкции	Визуальные коды (аватары, эмодзи, мемы, теги)
Индивидуальный уровень	Автоконструирование — создание и управление образом пользователем	Репрезентация индивидуального профиля через символы
Коллективный уровень	Субъективация — превращение множества выражений в политическое «мы»	Трансляция и объединение образов в общее символическое пространство
Механизм усиления	Алгоритмы платформ, влияющие на видимость и значимость знаков	Алгоритмическое усиление как способ превращения локального образа в массовый
Пространство действия	Поле цифровой платформы как арена стратегий и конкуренции	Интерфейс как инструмент отбора и приоритизации символов
Политический эффект	Регуляция поведения, мобилизация или фрагментация аудитории	Превращение символов в стимулы политического действия

Источник: авторская разработка.

На основании этой взаимосвязи, а также с учётом исторических особенностей развития предлагается циклическая модель анализа цифровой политической идентичности и символической репрезентации (рис. 1).

Суть предложенной модели заключается в трёхэтапной методике: выявлении носителей символической репрезентации; определении типа репрезентации; декодировании политических сигналов.

Методический анализ цифровой политической идентичности необходимо начинать с выявления носителей символической репрезентации. Под носителями понимаются материальные или визуальные элементы,

Рисунок 1. Циклическая модель анализа цифровой политической идентичности и символической репрезентации.



Источник: авторская разработка.

в которых фиксируются и транслируются политические значения. В цифровой среде к ним относятся изображения, эмодзи, теги, а также интерфейсные решения цифровых платформ. В отличие от традиционных символов цифровые носители обладают кратким жизненным циклом и распространяются за счёт сетевой динамики. Как отмечает Н.В. Смутькина, именно символические формы, воспринимаемые через визуальные образы, становятся инструментом воздействия на массовое сознание и задают способы коллективной идентификации¹⁵.

Важное значение имеет рассмотрение визуального образа как базового элемента цифровой репрезентации. Эмодзи и мемы представляют собой разновидности таких образов, они позволяют в сжатой форме передавать политические смыслы и закреплять их в памяти аудитории. Исследования показывают, что в отличие от сложных текстов именно наиболее заметными индикаторами идентичности в сетевой коммуникации становятся образы¹⁶. Стоит отметить, что в этом состоит отличие цифровой идентичности от аналоговой, поскольку она строится на наборе простых визуальных маркеров, которые легко воспроизводятся и распространяются.

Большое внимание при анализе носителей следует уделять интерфейсным решениям. Интерфейс может усиливать или ослаблять значение того или иного маркера за счёт алгоритмов отображения, порядка расположения элементов и доступности символических ресурсов. Как подчёркивает Е.Г. Пономарева, архитектура интерфейсов формирует новые контуры политической идентичности и выводит её за пределы институциональной регламентации¹⁷. Таким образом, выявление носителей репрезентации позволяет зафиксировать исходный материал для анализа, а также понять, каким образом простые элементы цифровой среды становятся медиаторами политических значений.

Второй этап связан с определением типа репрезентации, который предполагает движение от зафиксированного носителя (визуальный образ, эмодзи, тег или интерфейсное решение) к анализу его происхождения, распространения и восприятия. Исследователь должен установить, из какой среды этот символ вышел и каким образом он функционирует в публичном пространстве. Так, если знак появился в коммуникации

15 Смутькина Н.В. Формирование символического пространства политической карты мира в российском массовом сознании // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5 (102). С. 210-223

16 Рыжова С.В. Ценностные опоры российской идентичности в условиях внешних вызовов // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 56-66.

17 Пономарева Е.Г. Призма идентичности // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 203-216.

пользователей и поддерживается за счёт повторяемости, он относится к *сетевой репрезентации*; если же его исходная точка — официальная ин-ституция или партия, то речь идёт об *институциональной форме*. Это разграничение позволяет разграничить спонтанное самовыражение и управляемое распространение смыслов¹⁸.

Следующий элемент методики связан с фиксацией трансформации смысла. Для этого используется анализ контекстов — определение того, насколько символ сохраняет своё изначальное содержание и как он интерпретируется аудиторией. В тех случаях, когда наблюдается устойчивая подмена или эмоциональная перегрузка, можно говорить о *символически искажённой репрезентации*, что методически фиксируется посредством сопоставления первичного значения и его массовой интерпретации, выявляемой в комментариях, фокус-группах или при анализе реакций пользователей¹⁹. Данный приём позволяет показать, как цифровая идентичность строится на отрыве символа от исходного значения и превращении его в инструмент упрощённого восприятия.

Завершающий шаг в определении типа связан с выявлением *меметической формы*. Методически меметическая репрезентация фиксируется по признакам распространённости — наличия повторяющегося шаблона, многократного копирования, быстрой адаптацией под новые контексты. Исследователь сопоставляет динамику распространения символа во времени и обращает внимание на волнообразные всплески и скорость его интерпретации в разных группах. Анализ показывает, как мем превращается из частного выражения в элемент коллективной цифровой идентичности, а его политический эффект определяется не содержанием, а количеством воспроизведений²⁰. Таким образом, второй этап методики направлен на классификацию носителей по их происхождению, трансформации и динамике распространения, что позволяет выстраивать аналитическую базу для дальнейшего декодирования политических сигналов.

Наконец, третий этап — декодирование политических сигналов — представляет собой процедуру интерпретации того, каким образом цифровые знаки трансформируются в стимулы политического поведения.

18 Комин М.О. Множественные поля и управление идентичностью: новый подход для анализа причин и динамики социально-политических трансформаций // Политическая наука. 2018. № 2. С. 289-296.

19 Муминова А.М., Титов А.С., Батхина А.А., Григорьев Д.С. Профили политической идентичности россиян: роль моральных оснований, оправдания системы и сопротивления изменениям // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 104-123.

20 Шадже А.Ю. Феномен идентичности: от классических концепций к дискурсивным // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 12. С. 135-139.

Политический сигнал — это сообщение, закодированное в символах и действиях, которое адресуется аудитории с целью вызвать определённую реакцию²¹. На методическом уровне декодирование начинается с анализа частоты и контекста появления символа, когда исследователь устанавливает, в каких ситуациях и при каких событиях он используется, как реагируют группы пользователей и какие действия стимулируются, что в конечном итоге позволяет проследить, как индивидуальное самовыражение превращается в коллективную установку²².

Второй шаг связан с изучением эмоционального восприятия символа, поскольку именно эмоциональная реакция часто определяет готовность к действию. Здесь применяются методы политико-психологического анализа: выявление ассоциаций, эмоциональной окраски и стереотипных связей, которые закрепляются за образом. Если символ вызывает устойчивое чувство гордости или протеста, он становится источником мобилизационного поведения. Как отмечает М.О. Комин, анализ идентичности сквозь призму стратегических полей позволяет увидеть, как эмоционально нагруженные образы переходят в практики действия и становятся частью конкурентной борьбы за влияние²³. Поэтому становится возможным выявление различий между символом, который остаётся на уровне развлечения, и символом, способным вызывать реальные политические шаги.

Наконец, завершающий этап декодирования предполагает сопоставление цифровых сигналов с изменениями в институциональной и массовой практике. Исследователь должен установить, отражается ли использование символа в росте политической активности (обсуждениях, акциях, изменении доверия к институтам и т.п.). Для этого применяются методы дискурс-анализа и сравнительной политологии, которые позволяют увязать цифровые знаки с их функциями в публичном пространстве. Как подчёркивает Л.А. Фадеева, идентичность в современных условиях нередко становится элементом секьюритизации, то есть рассматривается как фактор политической безопасности и предмет контроля²⁴. Циклическая модель позволяет проследить внутреннюю динамику цифровой

21 Мишин Д.А., Куровский С.В., Халафян А.А. Цифровизация как направление развития государства и права: сущность, перспективы, риски // Вестник Академии права и управления. 2024. № 5 (80). С. 77-81.

22 Мунинова А.М., Титов А.С., Батхина А.А., Григорьев Д.С. Профили политической идентичности россиян: роль моральных оснований, оправдания системы и сопротивления изменениям // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 104-123.

23 Комин М.О. Множественные поля и управление идентичностью: новый подход для анализа причин и динамики социально-политических трансформаций // Политическая наука. 2018. № 2. С. 289-296.

24 Фадеева Л.А. Секьюритизация политики идентичности как аналитический инструментарий // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17. № 2. С. 101-111.

идентичности, однако для выявления её специфики важно сопоставить её с традиционной аналоговой формой, что предоставляет возможность показать различия в признаках, носителях и институциональной закреплённости (табл. 2).

Таблица 2. Сравнение аналоговой и цифровой политической идентичности.

Критерий	Аналоговая	Цифровая
Признаки	Стабильность, долговременность, укоренённость в социальных структурах (нация, класс, идеология)	Подвижность, фрагментарность, множественность ролей и квазисимволические конструкции
Носители	Государственные институты, партии, массовые организации, ритуалы, официальные символы (флаги, гербы, лозунги)	Аватары, эмодзи, мемы, хэштеги, визуальные коды, интерфейсные элементы платформ
Механизмы воспроизводства	Институциональная регламентация, традиция, социальные нормы, массовые медиа	Алгоритмическое усиление, сетевые практики, распространённость мемов, самопроизводство сообществ
Степень институционализации	Высокая, закреплённая в законах, политических программах и образовательных практиках	Низкая, определяется правилами цифровых платформ и динамикой сетевого общения, подвержена быстрым изменениям

Источник: авторская разработка.

Сравнение аналоговой и цифровой идентичности высвечивает ту область, в которой их различия особенно ощутимы — сферу межкультурных взаимодействий внутри российского общества. Так, разнообразие этнических и региональных сообществ России формирует широкий спектр форм политической идентичности, которые в цифровой среде получают новые каналы выражения. Цифровые платформы позволяют разным группам воспроизводить собственные образы и символы, обозначать коллективные границы и транслировать культурные особенности в публичное пространство. В научных исследованиях подчеркивается, что визуальные коды и сетевые практики закрепляют этническую

принадлежность как в культурном, так и в политическом измерении²⁵. Поэтому цифровая идентичность выступает фактором, который влияет на характер этнополитической репрезентации в регионах. Особенность цифрового уровня политической идентичности заключается в том, что региональные и этнические идентичности обретают гибридную форму, совмещающую локальные традиции с цифровыми платформами. Виртуальные сообщества создают новые образы символической принадлежности, которые способны усиливать чувство солидарности или, напротив, подчеркивать различия. Как отмечают М.М. Мчедлова и Д.Б. Казаринова, цифровая среда задаёт новые рамки субъективации, когда коллективные формы «мы» конструируются на основе не институциональных признаков, а символических образов²⁶. В России это проявляется в том, что этнополитические репрезентации всё чаще обретают цифровое измерение, становятся видимыми в пространстве платформ и влияют на восприятие межкультурного взаимодействия.

Важным последствием цифровизации идентичности является то, что этнические образы начинают циркулировать между разными регионами и культурами и обретают тем самым значение в межкультурном контексте. Виртуальная коммуникация усиливает взаимное восприятие сообществ и позволяет конструировать новые формы репрезентации, которые выходят за пределы локальных традиций. По наблюдению Н.В. Смутькиной, символические элементы в цифровой среде — важнейшие посредники политического взаимодействия, которые формируют устойчивые рамки для коллективных представлений²⁷. В контексте российской практики цифровая политическая идентичность превращается в ресурс согласования межкультурных контактов и задаёт новые способы воспроизводства этнополитических режимов репрезентации.

Межкультурное измерение цифровой политической идентичности высвечивает её перспективы, однако для полноты анализа целесообразно учитывать пределы применимости авторской методики и её ограничения.

Цифровая политическая идентичность по своей природе подвержена нестабильности — символы и образы в сетевой среде быстро теряют значимость, меняют содержание и создают временные конструкции,

25 Шадже А.Ю. Феномен идентичности: от классических концепций к дискурсивным // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 12. С. 135-139.

26 Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 13-35.

27 Смутькина Н.В., Рогач Н.Н. Образы прошлого, настоящего и будущего России: символическое измерение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 89-106.

которые сложно зафиксировать аналитическим образом. Так, клиповая структура цифрового пространства не позволяет закрепить единый смысловой каркас, а коллективные представления формируются под влиянием краткосрочных эмоциональных всплесков²⁸. Поэтому любое исследование опирается на динамический материал, в связи с чем целесообразно постоянное обновление аналитических процедур.

Ещё одно ограничение связано с зависимостью от цифровых платформ. Структура интерфейсов и алгоритмы ранжирования оказывают прямое воздействие на видимость символов и их политическую значимость. Как показывает Е.Г. Пономарёва, платформенные правила задают рамки того, какие формы идентичности получают общественное распространение, а какие остаются на периферии²⁹. Это означает, что цифровая идентичность не существует вне технических условий коммуникации, и её интерпретация неизбежно зависит от выбранного цифрового канала. В методическом отношении это усложняет возможность обобщения, поскольку один и тот же символ в разных цифровых экосистемах может выполнять различные функции.

Также значимым фактором выступают анонимность и низкая верифицируемость источников. Так, отсутствие гарантированной идентификации пользователей приводит к тому, что исследователь работает с образами, не всегда привязанными к реальным социальным субъектам. Как справедливо подчёркивает Л.А. Фадеева, цифровая идентичность в таком виде может становиться элементом манипуляции и даже фактором политической безопасности³⁰. Верификация цифровых образов остаётся ограниченной, что накладывает методические ограничения на их использование в анализе. Таким образом, несмотря на высокий потенциал разработанной модели, её применение всегда сопровождается необходимостью учитывать временность символов, зависимость от цифровых платформ и специфику цифровой анонимности.

Указанные ограничения цифровой среды показывают, что ценность идентичности раскрывается прежде всего в её функциях, посредством которых она реально включается в политический процесс. Функции вытекают из анализа носителей, типов репрезентации и способов декодирования цифровых сигналов. Систематизация этих функций показывает,

28 Попова О.В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 173-194.

29 Пономарева Е.Г. Призма идентичности // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 203-216.

30 Фадеева Л.А. Секьюритизация политики идентичности как аналитический инструмент // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17. № 2. С. 101-111.

каким образом цифровая идентичность работает в политическом пространстве — от мобилизационных практик до имитации участия, закрепляющей видимость включённости аудитории в процесс (табл. 3).

Таблица 3. Функции цифровой политической идентичности.

Функция	Содержание	Механизм проявления
Мобилизация	Побуждение к действию и коллективной активности	Эмоциональная окраска символов, распространение через мемы и хэштеги
Индикация	Обозначение принадлежности и политической позиции	Использование аватаров, эмодзи, визуальных кодов как маркеров идентичности
Дезориентация	Размывание устойчивых границ и затруднение интерпретации	Подмена значений, многозначность символов, быстрые трансформации в сетевой среде
Имитация участия	Создание эффекта вовлечённости без реального политического действия	Массовое использование лайков, репостов, комментариев, формирующих видимость активности

Источник: авторская разработка.

Таким образом, в контексте области политических институтов, процессов и технологий можно подвести некоторые итоги размышлений о цифровой политической идентичности и символической репрезентации.

Цифровая политическая идентичность проявляет себя как новый тип политического присутствия, поскольку её воспроизводство происходит в формате повторяемых символических действий и знаков. Под ритуальным типом понимается цикл узнаваемых практик коммуникации, поддерживающих причастность и подтверждающих принадлежность посредством коротких выражений, визуальных кодов и малых действий. Под структурным типом понимается закрепление политической идентичности в устойчивых должностях, уставах, организационных механизмах и регламентах. Разработанная авторская модель показывает, что цифровая идентичность движется по циклу от личного восприятия к коллективной функции с возвратом к индивидуальному уровню, что и придаёт ей ритуальный характер.

Алгоритмическое усиление и эффект интерфейса превращают знаки в

повторяемые практики — смена аватара, использование эмодзи, присвоение тега и ретрансляция мемов становятся ритуальными микроактами, за счёт которых аудитория подтверждает присутствие и заявляет свою позицию. Порядок, заданный алгоритмами цифровых платформ, подталкивает к коротким «пересылкам» сообщений, при этом измеримость действий вовлечённостью усиливает мотивацию к повтору. Распространение мемов придаёт этим практикам устойчивую узнаваемость внутри сообществ, однако институциональное закрепление остаётся слабым; тем самым формируется присутствие, которое поддерживает коллективное «мы» как последовательность символических жестов. Таким образом, цифровая идентичность выступает как серия повторяющихся символических действий, создающих эффект сопричастности. Следует отметить, что для современной политической коммуникации «типичен взаимный перехват идей и лозунгов, размытость и метафоричность понятий, неопределенность «друзей» и «врагов»³¹, однако с точки зрения формирования политической идентичности с точки зрения политического управления такое развитие ситуации недопустимо.

Интерпретация итогов исследования такова — цифровая идентичность выступает ресурсом политического присутствия, работа которого идёт посредством ритуализированных сигналов, которые координируют короткие всплески активности, маркируют принадлежность, формируют эффект инклюзивности и при определённых условиях вносят элемент неясности в интерпретацию событий. Циклическая модель цифровой политической идентичности и символической репрезентации показывает, что политический эффект рождается из повторяемости и узнаваемости, а не из институциональной архитектуры. Поэтому цифровая идентичность в современной коммуникации продуктивнее описывается как ритуальный, а не структурный тип присутствия.

Заключение

Разработанная методика анализа цифровой политической идентичности и символической репрезентации отражает возможность обращения к тем уровням политической жизни, которые традиционно выпадали из поля классического институционального анализа. Использование символических носителей, алгоритмического усиления и интерфейсных решений как аналитических категорий позволяет обнаруживать динамику

31 Попова О.В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 173-194.

политического присутствия, возникающего на пересечении индивидуальных практик и коллективного восприятия. Такой ракурс показывает, что цифровая идентичность конструируется в качестве самостоятельного источника политической субъектности.

Новизна предложенной методики состоит в том, что она выявляет формы политического присутствия, которые трудно отразить в категориях партийной принадлежности, национальных или классовых координат. Цифровые мемы, хэштеги и эмодзи служат кратковременными обозначениями, а также функционируют как реальные инструменты мобилизации общества, координации или имитации политической активности. При этом сама структура цифровых платформ задаёт особый ритм воспроизводства политической идентичности за счёт превращения последовательности символических жестов в фактор политического процесса. В этом проявляется отличие современного этапа анализа политической идентичности, когда внимание переносится с фиксированных структур на динамические ритуализированные практики.

Таким образом, авторская методика открывает возможность изучать новые формы субъектности, выражающиеся в цифровом пространстве как эффекты повторяемых знаковых действий. Цифровая политическая идентичность предстает как качественно иной тип политического присутствия, ритуальный по своей природе и ориентированный на символическую вовлечённость. Проведённое исследование подчёркивает значимость дальнейшего изучения того, каким образом цифровые репрезентации способны превращаться в устойчивые практики, определяющие перспективы политической жизни в XXI веке.

Список литературы:

1. Гаман-Голутвина О.В. Концепт идентичности: движение от абстрактного к конкретному // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 177-191.
2. Евстифеев Р.В. Кризис идентичности как политический вызов XXI века: теоретические подходы к изучению, оценкам и пониманию // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15. № 1. С. 108-121.
3. Комин М.О. Множественные поля и управление идентичностью: новый подход для анализа причин и динамики социально-политических трансформаций // Политическая наука. 2018. № 2. С. 289-296.
4. Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. Детерминанты российской политики в прибрежных странах персидского залива // Казачество. 2025. № 82 (1). С. 156-165.
5. Куровский С.В., Мишин Д.А., Воробьев К.В. Цифровая трансформация компаний как новая парадигма менеджмента // Финансовые рынки и банки. 2025. № 1. С. 291-299.
6. Мишин Д.А., Куровский С.В., Халафян А.А. Цифровизация как направление развития государства и права: сущность, перспективы, риски // Вестник Академии права и управления. 2024. № 5 (80). С. 77-81.
7. Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 13-35.
8. Муминова А.М., Титов А.С., Батхина А.А., Григорьев Д.С. Профили политической идентичности россиян: роль моральных оснований, оправдания системы и сопротивления изменениям // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 104-123.

9. Пономарева Е.Г. Призма идентичности // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 203-216.
10. Попова О.В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 173-194.
11. Рыжова С.В. Ценностные опоры российской идентичности в условиях внешних вызовов // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 56-66.
12. Смутькина Н.В., Рогач Н.Н. Образы прошлого, настоящего и будущего России: символическое измерение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 89-106.
13. Смутькина Н.В. Формирование символического пространства политической карты мира в российском массовом сознании // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5 (102). С. 210-223.
14. Фадеева Л.А. Секьюритизация политики идентичности как аналитический инструмент // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17. № 2. С. 101-111.
15. Шадже А.Ю. Феномен идентичности: от классических концепций к дискурсивным // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 12. С. 135-139.
16. Щупленков Н.О., Рябова Е.Л. Информационная культура – оценка современного состояния проблемы // Культура мира. 2023. Том 11. Вып. 1. (№ 30). С. 140-157.
17. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Альманах «Казачество». 2023. № 66. С. 11-18.

Bibliography

1. Gaman-Golutvina O.V. The concept of identity: movement from the abstract to the concrete // Polis. Political studies. 2024. № 3. P. 177-191.
2. Evstifeev R.V. Identity crisis as a political challenge of the 21st century: theoretical approaches to study, assessment and understanding // Political expertise: POLITEX. 2019. Vol. 15. № 1. P. 108-121.
3. Komin M.O. Multiple fields and identity management: a new approach to analyzing the causes and dynamics of socio-political transformations // Political science. 2018. № 2. P. 289-296.
4. Kurovsky S.V., Zinchuk M.G., Mishin D.A. Determinants of Russian Policy in the Coastal Countries of the Persian Gulf // Cossacks. 2025. № 82 (1). P. 156-165.
5. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Vorobyov K.V. Digital Transformation of Companies as a New Management Paradigm // Financial Markets and Banks. 2025. № 1. P. 291-299.
6. Mishin D.A., Kurovsky S.V., Khalafyan A.A. Digitalization as a Direction of Development of the State and Law: Essence, Prospects, Risks // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2024. № 5 (80). P. 77-81.
7. Mchedlova M.M., Kazarinova D.B. Identity Politics: Competition of New Theoretical Meanings and Political Strategies // Political Science. 2020. № 4. P. 13-35.
8. Muminova A.M., Titov A.S., Batkhina A.A., Grigoriev D.S. Profiles of political identity of Russians: the role of moral foundations, justification of the system and resistance to change // Social Psychology and Society. 2022. Vol. 13. № 1. P. 104-123.
9. Ponomareva E.G. Prism of identity // Discourse-Pi. 2024. Vol. 21. № 2. P. 203-216.
10. Popova O.V. Identity models of political actors in modern Russia // Political Science. 2018. № 2. P. 173-194.
11. Ryzhova S.V. Value pillars of Russian identity in the context of external challenges // Sociological studies. 2024. № 9. P. 56-66.
12. Smul'kina N.V., Rogach N.N. Images of the past, present and future of Russia: symbolic dimension // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2022. Vol. 15. № 5. P. 89-106.
13. Smul'kina N.V. Formation of the symbolic space of the political map of the world in the Russian mass consciousness // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences. 2020. № 5 (102). P. 210-223.
14. Fadeeva L.A. Securitization of identity politics as an analytical tool // Bulletin of Perm University. Political Science. 2023. Vol. 17. № 2. P. 101-111.
15. Shadzhe A.Yu. The Phenomenon of Identity: From Classical Concepts to Discursive Ones // World Economy and International Relations. 2024. Vol. 68. № 12. P. 135-139.
16. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. Information Culture: An Assessment of the Current State of the Problem // Culture of the World. 2023. Vol. 11. Issue 1. (№ 30). P. 140-157.
17. Ryabova E.L. On the Unity of Education and Upbringing: Institutional Discourse // Almanac "Cossacks". 2023. № 66. P. 11-18.



МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ



Уфимский государственный нефтяной технический университет



Санкт-Петербургского государственного университета

Ананченкова П.И.

*Кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения.
Национальный научно-исследовательский институт
общественного здоровья имени Н.А. Семашко. ORCID: 0000-0003-3683-5168*

Концепт «общества всех возрастов» в международной политической повестке

Введение

Концепция «общества всех возрастов» (all-age society) формируется в условиях глобальных демографических изменений, прежде всего — устойчивого старения населения. По данным ООН, в 2020 году доля лиц в возрасте 65 лет и старше составила 9,3% от общей численности населения планеты, к 2050 году этот показатель достигнет 16%, а в странах с высоким уровнем дохода — более 25% [1]. Эти процессы обуславливают необходимость качественной трансформации традиционных представлений о старости, старении и роли пожилых граждан в общественной жизни. Старение перестаёт быть исключительно социальной или медицинской проблемой — оно приобретает характер политического, экономического и цивилизационного вызова. В этих условиях важнейшим элементом ответа становится концепт «общества всех возрастов» — стратегическая рамка, направленная на признание ценности пожилого возраста и формирование инклюзивной, возрастно-чувствительной модели социального устройства.

Появившаяся на рубеже XX–XXI веков как часть международной возрастной политики, данная концепция впервые получила программное оформление в Мадридском международном плане действий по проблемам старения [2], в котором был зафиксирован поворот от патерналистской модели заботы к идее активного участия пожилых людей в жизни общества. К.Макарова отмечает: «Существует множество концепций, объясняющих возраст и его соотношение с хронологией жизни. Одной из наиболее популярных и одновременно критикуемых является концепция жизненного пути (life course), возникшая в 1970х годах. Теоретическое и методологическое развитие этого подхода связано с двумя обстоятельствами: расширением интересов исследователей за пределы

взрослой фертильной возрастной группы и процессами старения населения, которые актуализировали проблемы старших возрастов» [3].

Последующее развитие концепт получил в документах Всемирной организации здравоохранения, Европейской экономической комиссии ООН, Европейского союза, а также в национальных стратегиях, посвящённых активному долголетию. На международном уровне он встроен в реализацию Целей устойчивого развития (ЦУР), в частности ЦУР 3, 4, 8, 10, 11 и 16, трактующих возрастное измерение как неотъемлемую составляющую устойчивой и инклюзивной модели развития [4].

Актуальность концепции «общества всех возрастов» в XXI веке обусловлена сразу несколькими факторами: демографическим переходом, необходимостью обновления пенсионных и социальных систем, стремлением к межпоколенческой справедливости и поддержанию устойчивости государственных институтов в условиях трансформации возрастной структуры населения [5]. Общество, способное интегрировать все возрастные группы — от молодёжи до старшего поколения — становится более устойчивым, солидарным и эффективным. Именно поэтому концепция *all-age society* выходит за рамки социальной политики и становится предметом политической, нормативной и стратегической повестки.

В настоящей статье предпринимается попытка осмысления концепта «общества всех возрастов» как политико-управленческой категории, анализируются его нормативные основания, международные стратегические ориентиры, а также перспективы институционализации данной модели на национальных уровнях. Особое внимание уделяется механизму *age mainstreaming* — интеграции возрастного измерения в политику всех сфер — и роли концепта в укреплении политической субъектности пожилого населения.

Методология

Методологическая основа исследования базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем инструменты политической науки, социальной геронтологии, институционального анализа и сравнительной политики. Основным объектом анализа выступает процесс институционализации концепции «общества всех возрастов» в международной и национальной политической повестке. Предметом исследования являются нормативные документы, стратегические программы, международные соглашения и управленческие практики, регулирующие возрастную политику.

Для достижения цели и решения поставленных задач использовались контент-анализ международных и национальных нормативных правовых документов, метод сравнительного анализа, интерпретативный метод, метод вторичного анализа статистических данных, предоставленных ООН, ВОЗ, Евростатом, Росстатом и Министерством труда РФ, использовался для обоснования актуальности проблемы демографического старения, оценки масштабов трансформации возрастной структуры населения и мониторинга результативности реализуемых программ. Кейс-анализ отдельных стратегий и программ (например, Plan Seniors во Франции, Silver Human Resource Centers в Японии, Mehrgenerationenhaus в Германии, федеральный проект «Старшее поколение» в России) позволил проанализировать практическую реализацию концепции «общества всех возрастов» в различных контекстах и выявить успешные практики возрастной инклюзии.

Результаты и обсуждение

Нормативные основы концепции «общества всех возрастов» формируются на пересечении международных правозащитных стандартов, стратегических рамок устойчивого развития и специальной возрастной политики, нацеленной на инклюзию и поддержку граждан пожилого возраста. Одним из первых и наиболее значимых документов, задавших вектор развития этой концепции, стал Мадридский международный план действий по проблемам старения (Madrid International Plan of Action on Ageing), принятый ООН на Второй всемирной ассамблее по вопросам старения, в котором отмечается, что «стареющее население является не бременем, а ресурсом, который может внести значимый вклад в развитие общества» [2]. Ключевыми принципами Мадридского плана стали: признание прав пожилых, обеспечение их социальной интеграции, доступ к здравоохранению, образованию и занятости, поощрение их участия в принятии решений на всех уровнях. План действий содержит прямую апелляцию к государствам с призывом формировать «общество для всех возрастов», где каждый человек независимо от возраста может реализовать свой потенциал.

Следующим этапом нормативной конкретизации концепции стало её включение в Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года [6], в которой возрастное измерение встроено в такие Цели устойчивого развития (ЦУР), как:

– ЦУР 3: Обеспечение здорового образа жизни и содействие благопо-

лучию для всех в любом возрасте.

– ЦУР 4: Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.

– ЦУР 11: Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов.

– ЦУР 16: Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях.

В рамках этих целей подчеркивается необходимость обеспечения равноправного доступа к возможностям для всех возрастных групп и системной борьбы с возрастной дискриминацией [7]. Возрастные аспекты здесь не только социальный, но и правовой, политический и институциональный вопрос, касающийся справедливого распределения ресурсов и участия в принятии решений.

На уровне Европейского союза концепция «общества всех возрастов» институционализирована через несколько ключевых документов. В частности, Европейская стратегия активного старения (EU Ageing Strategy [8]), принятая в 2012 году в рамках Европейского года активного старения и солидарности поколений, предложила интегративный подход, основанный на взаимной поддержке поколений, поощрении занятости пожилых, улучшении условий жизни и создания возрасто-дружественной среды. В документе подчёркивается необходимость отказа от политики исключения и патернализма в отношении пожилых людей: «Все возрастные группы должны быть вовлечены в процессы развития, с равным доступом к возможностям и политическому участию» [9].

Значимым нормативным прецедентом также стало принятие Манифеста Европейской платформы пожилых людей (AGE Platform Europe [10]), в котором содержится требование к институтам ЕС и национальным правительствам применять age mainstreaming во всех политических решениях. Согласно позиции AGE, «общество всех возрастов – это общество, в котором политические, экономические и социальные системы адаптированы к разнообразию потребностей и возможностей всех поколений, а возраст рассматривается как элемент богатства, а не ограничения» [10].

Дополнительный вклад в разработку нормативных основ внесли рекомендации Европейской экономической комиссии ООН (UNECE), в частности Рамочная стратегия по активному старению [11], которая

предлагает государствам использовать интегрированные возрастные индикаторы и формировать политику на основе принципов независимости, инклюзии, безопасности и участия. UNECE подчёркивает важность межведомственного и межуровневого взаимодействия, а также вовлечения пожилых в разработку и реализацию политики: «Устойчивые общества — это общества, в которых каждый может внести вклад на всех этапах жизни» [12].

Таким образом, концепция «общества всех возрастов» получила чёткое нормативное оформление в ряде международных стратегических документов, которые задают не только общие принципы, но и конкретные ориентиры для национальной политики. Эти документы рассматривают старение не как проблему, а как системный вызов и возможность для общественного развития при условии корректной институциональной адаптации.

Стратегические аспекты реализации концепции «общества всех возрастов» предполагают переход от декларативного признания роли пожилых людей к практическому воплощению их включённости в ключевые сферы общественной жизни. Реализация данной концепции требует системного программного подхода, в котором участие пожилых рассматривается не как факультативное, а как структурообразующее условие социальной устойчивости, межпоколенческого баланса и устойчивого развития.

Первым и важнейшим направлением стратегии является содействие активному участию пожилых людей в трудовой деятельности и общественной жизни. Это требует как нормативных изменений (отсутствие возрастной дискриминации, гибкость условий труда, пенсионные стимулы), так и институциональной поддержки через программы продления профессиональной активности, наставничества, серебряного предпринимательства. Например, во Франции действует программа Plan Seniors, предусматривающая налоговые льготы для работодателей, нанимающих сотрудников в возрасте 60+ и организующих для них переобучение. В Японии создаются «центры пожилых кадров» (Silver Human Resource Centers), которые интегрируют пожилых в локальную экономику и общественные проекты [13]. Такие меры направлены на сохранение экономической независимости и социальной полезности старшего поколения.

Второе стратегическое направление — обеспечение доступа к качественным медицинским и социальным услугам, включая профилактику, гериатрическую помощь и системы долговременного ухода. Оно реали-

зуются через развитие служб патронажного и дневного ухода, мобильных медицинских бригад, телемедицины и центров активного долголетия. Согласно данным Минтруда РФ, в рамках федерального проекта «Старшее поколение» к 2023 году было создано более 500 мобильных бригад и свыше 300 геронтологических центров, оказывающих помощь маломобильным пожилым гражданам на дому. Это позволяет обеспечить непрерывность ухода, снизить нагрузку на стационарные учреждения и повысить автономность пожилых.

Третье стратегическое направление — создание безбарьерной среды и адаптивной инфраструктуры, учитывающей потребности людей всех возрастов. В рамках этого направления осуществляется модернизация городской среды: установка пандусов, лифтов, адаптация общественного транспорта, освещение и навигация, а также благоустройство территорий в соответствии с принципами возрастной инклюзивности. Примером служит инициатива ВОЗ Age-friendly Cities and Communities, которая поддерживается более чем в 1300 городах мира [14]. В России также реализуются региональные проекты «дружественных к возрасту городов», как, например, в Тюменской и Белгородской областях, где муниципалитеты разрабатывают локальные стратегии инклюзивной городской среды.

Четвёртое направление — продвижение межпоколенческого диалога и солидарности, что реализуется через совместные образовательные, культурные и волонтерские проекты, направленные на укрепление связей между поколениями. Такие инициативы включают межпоколенческое наставничество, семейные клубы, общие пространства (например, библиотеки, культурные центры), а также создание цифровых платформ для общения и обмена опытом между молодёжью и пожилыми. В Германии, например, действует программа Mehrgenerationenhaus — дома многопоколенческого взаимодействия, финансируемые федеральным правительством [15]. Они объединяют в едином пространстве представителей всех возрастов, способствуя социальной сплочённости.

В российском контексте важным инструментом реализации концепции «общества всех возрастов» стал национальный проект «Демография», в рамках которого с 2019 года действует федеральный проект «Старшее поколение». Основные цели проекта — увеличение продолжительности активной жизни, улучшение качества жизни пожилых, профилактика заболеваний и поддержка занятости. Среди конкретных мер — обучение граждан старшего возраста цифровой грамотности, содействие в трудоустройстве, медицинские осмотры и диспансеризация, организация до-

суга и спорта. По официальным данным, только в 2022 году более 350 тысяч граждан старшего возраста прошли обучение по программам компьютерной грамотности, а свыше 200 тысяч были трудоустроены с учётом возрастных особенностей [16].

Таким образом, стратегическая реализация концепции «общества всех возрастов» требует комплексного подхода, включающего занятость, здравоохранение, инфраструктуру, образование и межпоколенческое взаимодействие. Это не просто социальная политика, а элемент государственной стратегии устойчивого развития, направленный на формирование инклюзивного и солидарного общества, способного эффективно ответить на вызовы демографического старения.

Заключение

Концепция «общества всех возрастов» представляет собой не просто реакцию на процессы демографического старения, но и глубинную трансформацию нормативных и управленческих парадигм, определяющих взаимодействие государства, общества и граждан различных возрастов. В условиях, когда по прогнозам ООН доля населения в возрасте 65 лет и старше ежегодно растёт, становится очевидным, что игнорировать возрастной фактор в социально-экономическом планировании невозможно. Возрастная политика должна перестать быть узкоспециализированной социальной сферой и стать неотъемлемой частью государственной стратегии устойчивого развития.

Концепт «общества всех возрастов» формирует новый цивилизационный ориентир, в рамках которого пожилые граждане рассматриваются не как бенефициары социальной защиты, а как активные участники политической, экономической и культурной жизни. Это требует отказа от патерналистских моделей и перехода к инклюзивному управлению, основанному на принципах справедливости, достоинства, равенства возможностей и вовлечённости.

Успешная реализация этой концепции невозможна без комплексного подхода. Во-первых, она должна быть нормативно закреплена — через международные декларации, национальные стратегии, законодательные акты, включающие принципы *age mainstreaming* и права пожилых граждан. Во-вторых, необходима стратегическая интеграция возрастной повестки в ключевые сектора — занятость, здравоохранение, образование, городское планирование, цифровую трансформацию. В-третьих, эффективная реализация требует межуровневой и межсекторальной координа-

ции: на практике это означает участие региональных и муниципальных органов, НКО, бизнеса, научных организаций и, самое главное, самих пожилых граждан в формировании и реализации политики.

Одним из центральных индикаторов зрелости системы возрастной политики становится не только наличие стратегий активного долголетия, но и институциональная способность государства реализовывать политику, учитывающую разнообразие стареющего населения. Стратегические документы, такие как Мадридский международный план действий по проблемам старения, Европейская стратегия по вопросам старения, национальные программы стран (например, «Старшее поколение» в России), задают рамки, но ключ к успеху — в их практической имплементации.

Кроме того, реализация концепции all-age society способствует укреплению межпоколенческой солидарности, преодолению возрастной сегрегации, развитию социальной сплочённости. В этом контексте возрастная инклюзия становится не только социальной необходимостью, но и ресурсом устойчивого развития: пожилые люди участвуют в экономике, передают опыт, укрепляют институты гражданского общества и вносят вклад в формирование культурной преемственности.

Таким образом, концепция «общества всех возрастов» встраивается в более широкий политический контекст как элемент новой модели социального государства, способного ответить на вызовы XXI века. Её внедрение требует политической воли, институциональных инноваций, трансформации общественного сознания и устойчивых механизмов межпоколенческого диалога. В перспективе она может стать одним из ключевых факторов социальной стабильности, экономической адаптивности и демократической зрелости современного общества.

Список литературы:

1. U.N. report predicts older people to triple by 2050. // URL: <https://www.reuters.com/article/us-population-un-idUSN1238922420070313/> (Дата обращения: 17.01.2025)
2. United Nations. Madrid International Plan of Action on Ageing. / Report of the Second World Assembly on Ageing. Madrid. 8–12 April 2002. – New York, NY: United Nations, 2002. P. 1–42.
3. Макарова К. Перспектива жизненного пути в исследованиях старения: развитие теоретической концепции и способы работы с эмпирическими данными. // Журнал исследований социальной политики. 2024. № 22 (3). С. 541–552.
4. Цели устойчивого развития. // URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (Дата обращения: 21.03.2025)
5. Шестакова Н.Н. Построение общества для всех возрастов как перспективный формат его консолидации. // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. С. 223–227.
6. Повестка-2030 и ЦУР ООН. // URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/ustoychivoe_razvitiye/povestka_2030_i_cur_oon/ (Дата обращения: 21.03.2025)
7. Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специ-

- альных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на образование. – М.: Управление систематизации законодательств и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, 2019.
8. Ageing Policy. // URL: https://ec.europa.eu/employment_social/soc-prot/ageing/intro_en.htm (Дата обращения: 21.03.2025).
9. Интеграция и участие пожилых людей в жизни общества. Программная справка ЕЭК ООН по вопросам старения № 4. Ноябрь 2009. // URL: https://unece.org/DAM/pau/_docs/age/2009/Policy_briefs/4-Policybrief_Participation_Rus.pdf (Дата обращения: 21.03.2025).
10. Age Platform Europe. // URL: <https://www.age-platform.eu/> (Дата обращения: 21.03.2025).
11. Концепция политики активного долголетия. Научно-методологический доклад НИУ ВШЭ. – М.: НИУ ВШЭ, 2020.
12. Доклад Конференции министров по проблемам старения «Устойчивый мир для всех возрастов: объединение усилий во имя солидарности и равных возможностей на протяжении всей жизни». Европейская экономическая комиссия. Постоянная рабочая группа по проблемам старения. Конференция министров по проблемам старения. – Рим, 16–17 июня 2022 года.
13. Minagawa Y., Saito Y. Subjective Well-Being and Active Life Expectancy in Japan: Evidence From a Longitudinal Study. *Innovation in Aging*. 2022. № 13/7 (1). P. 75.
14. About the Global Network for Age-friendly Cities and Communities. // URL: <https://extranet.who.int/agefriendlyworld/who-network/> (Дата обращения: 2.04.2025).
15. Miteinander Anpacken – Füreinander strahlen. // URL: <https://www.mehrgenerationenhaeuser.de/> (Дата обращения: 2.04.2025).
16. Старшее поколение – ресурс будущего. Комплексный подход к активному долголетию. Экспертный доклад. – М.: 2023.

Bibliography

1. U.N. report predicts older people to triple by 2050. // URL: <https://www.reuters.com/article/us-population-un-idUSN1238922420070313/> (17.01.2025)
2. United Nations. Madrid International Plan of Action on Ageing. / Report of the Second World Assembly on Ageing. Madrid. 8–12 April 2002. – New York, NY: United Nations, 2002. P. 1–42.
3. Makarova K. Life Course Perspective in Ageing Research: Development of a Theoretical Concept and Methods of Working with Empirical Data. // *Journal of Social Policy Studies*. 2024. № 22 (3). P. 541–552.
4. Sustainable Development Goals. // URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (21.03.2025)
5. Shestakova N.N. Building a Society for All Ages as a Promising Format for Its Consolidation. // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference*. – Irkutsk: Irkutsk State University, 2023. P. 223–227.
6. Agenda 2030 and the UN SDGs. // URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/ustoychivoe_razvitiye/povestka_2030_i_cur_oon/ (21.03.2025)
7. Generalization of legal positions of interstate bodies for the protection of human rights and freedoms and special rapporteurs (working groups) operating within the framework of the UN Human Rights Council on the protection of the right of an individual to education. – М.: Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, 2019.
8. Ageing Policy. // URL: https://ec.europa.eu/employment_social/soc-prot/ageing/intro_en.htm (21.03.2025).
9. Integration and participation of older persons in society. UNECE Policy Brief on Ageing № 4. November 2009. // URL: https://unece.org/DAM/pau/_docs/age/2009/Policy_briefs/4-Policybrief_Participation_Rus.pdf (21.03.2025).
10. Age Platform Europe. // URL: <https://www.age-platform.eu/> (21.03.2025).
11. Concept of Active Ageing Policy. Scientific and Methodological Report of the National Research University Higher School of Economics. – Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2020.
12. Report of the Ministerial Conference on Ageing “A Sustainable World for All Ages: Joining Forces for Solidarity and Equal Opportunities Throughout Life”. Economic Commission for Europe. Standing Working Group on Ageing. Ministerial Conference on Ageing. – Rome, 16–17 June 2022.
13. Minagawa Y., Saito Y. Subjective Well-Being and Active Life Expectancy in Japan: Evidence From a Longitudinal Study. *Innovation in Aging*. 2022. № 13/7 (1). P. 75.
14. About the Global Network for Age-friendly Cities and Communities. // URL: <https://extranet.who.int/agefriendlyworld/who-network/> (2.04.2025).
15. Miteinander Anpacken – Füreinander strahlen. // URL: <https://www.mehrgenerationenhaeuser.de/> (2.04.2025).
16. The older generation is a resource for the future. An integrated approach to active longevity. Expert report. – М.: 2023.

Баранов А.Н.

*Магистр международных отношений. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.
ORCID: 0009-0000-5194-9222 ; SPIN-код: 3636-5884*

Гуманитарная политика как инструмент расширения международного влияния Турецкой республики

Введение

Международные отношения на современном этапе представляют из себя достаточно сложную, многосоставную конструкцию, более не ограниченную взаимодействием между дипломатическими представителями и главами государств. Появляются новые игроки, способные влиять на отношения между государствами в частности и на систему МО в целом [4, с. 39-41]. Также развивается и инструментарий, используемый в налаживании дружественных отношений. В настоящей статье автор исследует один из таких инструментов – гуманитарную политику, прошедшую ряд трансформаций и становящуюся все более значимым фактором развития мира [5, с. 116-118]. Под гуманитарной политикой, автор подразумевает комплекс мер и действий, направленный на формирование положительного восприятия государства другими игроками с целью дальнейшего углубления социально-экономических, военно-технических и иных связей, а также усиления влияния в регионе и за его пределами. В такой комплекс можно включать деятельность в сфере предоставления помощи (International aid), образования, а также языковую политику, в некоторых случаях используемую в качестве инструмента конструирования идентичности [7, с. 61].

В российской науке исследованию турецкой гуманитарной политики посвящен ряд важных и актуальных по настоящий момент работ, отмечающих концептуальные основы [3, с. 93; 2, с. 97] Тем не менее, отечественные исследователи с большой осторожностью подходят к рассмотрению турецких инициатив как части так называемого нео-османизма, кристаллизовавшегося из основ государственного ислама [11, с. 170-174], оказывающего значительное влияние на внешнюю политику Турецкой республики после 2002 г. [9].

Гуманитарная политика Турецкой республики

Турецкая республика является своеобразным буфером между Востоком и Западом, что не может не оказывать влияния на, проводимую государством внешнюю политику. В условиях движения миропорядка к многополярности [8] опыт Турции в вопросах одновременного взаимодействия с различными полюсами силы представляет особую научно-практическую важность для российских специалистов в области международных отношений и действующих практиков.

В настоящее время Турецкая республика реализует свою гуманитарную политику основываясь на перспективной позиции центра силы в новом миропорядке. Основным институтом гуманитарной сферы в Турции является ТІКА (Турецкое агентство по сотрудничеству и координации), созданное в 1992 году для предоставления помощи тюркоязычным государствам Закавказья и Центральной Азии, получившим независимость после распада Советского Союза [13]. Организация существует отдельно от Министерства иностранных дел (часть Министерства культуры и туризма, президент ТІКА подотчетен замминистра), имеет четкую структуру, занимается не только вопросами тюркской культуры, но и предоставляет помощь в самых разных сферах жизни государств. К 2011 году организация расширила свой профиль с стран постсоветского пространства до Ближнего Востока, Балкан и Африки, было открыто 13 новых офисов [12]. ТІКА не только не фокусировалась исключительно на предоставлении гуманитарной помощи нуждающимся странам, но и занималась подготовкой медицинских кадров, преподавателей, участвовала в развитии агропромышленного сектора, являлась инструментом дипломатии наследия (восстановление тюркских культурных и исторических памятников), что способствовало ее расширению не только на пространство «тюркского мира», но и глобально [14]. По состоянию на 2019 год ТІКА имеет 62 офиса в 60 странах мира, организует 2000 мероприятий различной направленности (медицина, образование, политика, культура, история) с участием 170 стран мира [15, с. 4]. Президент Эрдоган возлагает большие надежды на организацию и считает, что с ее помощью «Турция продемонстрировала всему миру свой тип развития гуманитарных миссий» [15, с. 13]. Успех ТІКА в области развития турецких гуманитарных связей зиждется не только на форме ее работы, но и на политической конъюнктуре республики. С 2002 года после прихода к власти Партии справедливости и развития во главе с Р.Т. Эрдоганом в республике активно возрождаются идеи пантюркизма и нео-османизма, инструментом

распространения которых и стала ТІКА.

Еще одним субъектом турецкой гуманитарной политики является учрежденный в 2016 году Турецкий фонд «Маариф». Основной деятельностью фонда является предоставление образовательных программ республики за рубежом. Фонд действует совместно с Министерством национального образования и является единственной организацией, уполномоченной предоставлять образовательные услуги в других странах [17]. Фонд предлагает образовательные программы начиная с дошкольных и заканчивая программами высшего образования, фонд также организует библиотеки и лаборатории, разрабатывает учебные планы и программы, организует культурные центры и предоставляет ученикам систему сопровождения и профориентации, оказывая поддержку в трудоустройстве. Согласно официальным данным на 10 августа 2022 года фонд предоставляет образование в 49 странах (то есть имеет собственные учебные заведения), организует мероприятия в 67 странах и предоставляет образование 48078 студентов [16]. Таким образом, организации за 6 лет ее существования удалось достичь значительных высот в области экспорта турецкого образования, следовательно и турецких ценностей.

Как уже обозначалось ранее, для гуманитарных инициатив Анкары национальное единство является определяющим фактором. Именно поэтому в 1992 году был впервые состоялся «Саммит тюркоязычных государств», выросший в Организацию тюркских государств (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Турция, Узбекистан; Венгрия и Туркменистан в статусе наблюдателей [6]). Цели и задачи организации помимо «расширения взаимодействия в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры, молодежи, спорта и туризма, популяризации великого культурно-исторического наследия тюркских народов» включают в себя поддержание безопасности в регионе и «поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим общий интерес, в том числе в рамках международных организаций и на международных форумах» [1]. Организация охватывает 28 сфер сотрудничества, к которым помимо традиционных форм экономического сотрудничества относится взаимодействие между государственными исследовательскими центрами, взаимодействие по вопросам семьи, взаимодействие между министерствами чрезвычайных ситуаций, молодежно-спортивное взаимодействие [10]. Однако, пристального внимания заслуживает основанная в 2023 г. Комиссия по общему алфавиту

тюркского мира. На первом заседании в г.Астане присутствовали представители 5 стран постсоветского пространства (Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан), которые, по мнению Анкары, являются безусловной частью нео-османской культуры и наследия. Уже на третьем заседании 9-11 сентября 2024 г. страны достигли соглашения по проекту единого для всех тюркских языков алфавита. Тем самым, Анкара стремится отдалить данные постсоветские государства от единого с Россией историко-культурного пространства, конструируя новую для этих государств идентичность – тюркскую. Так, ОТГ по своей сути является не только инструментом многостороннего сотрудничества, но и включает в себя определенные характеристики «smart power», что дает определенные преференции для Турецкой республики в вопросах жизнедеятельности стран-участниц.

Таким образом, можно также сделать вывод, что Турецкая республика использует в своей гуманитарной политике националистическую идею нео-османизма под прикрытием так называемого «тюркского единства», которая распространяется через работу с подрастающим поколением в области образования, подготовку медицинских кадров и создания негосударственных институтов.

Образ: «Турция – страна-миротворец»

Турецкая республика, также стремится укрепить свои международные позиции посредством предоставления переговорной площадки для урегулирования украинского кризиса. Анталя и Стамбул стали площадкой для первых российско-украинских переговоров в марте 2022 г. В июле того же года президент Р. Эрдоган принял участие в заключении «зерновой сделки», Турция также стала площадкой для обмена военнопленными. К настоящему времени Стамбул является основной переговорной площадкой для российской и украинской сторон. Таким образом, Турция приобрела репутацию страны-миротворца [18]. Турецкая сторона, в свою очередь, не выделяет собственное участие в переговорном процессе в качестве части деятельности на гуманитарном направлении, однако факты говорят о том, что данная деятельность улучшает не только репутацию республики, но и её политиков высшего уровня, что, безусловно, повышает авторитет Анкары на мировой арене.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что гуманитарная поли-

тика Турецкой республики представляет собой комплексную и многоуровневую систему внешнеполитических инструментов, эффективно интегрированную в общую стратегию усиления международного влияния страны. Анализ деятельности ключевых институтов турецкой гуманитарной дипломатии – ТИКА и фонда «Маариф» – свидетельствует о системном подходе Анкары к формированию положительного международного имиджа и расширению сферы геополитического влияния.

Особую значимость приобретает идеологическая составляющая турецкой гуманитарной политики, основанная на концепции нео-османизма и пантюркизма. Создание Организации тюркских государств и инициативы по формированию единого алфавита тюркского мира наглядно демонстрируют стремление Турции к конструированию альтернативной культурной идентичности на постсоветском пространстве, что создает дополнительные вызовы для традиционных сфер влияния России.

Турецкий опыт в области гуманитарной дипломатии представляет особую ценность в контексте трансформации современной системы международных отношений к многополярности. Способность Анкары выступать посредником в урегулировании международных конфликтов, как это произошло в случае с российско-украинскими переговорами, подтверждает эффективность избранной стратегии позиционирования в качестве «страны-миротворца».

Исследование показывает, что успех турецкой гуманитарной политики обусловлен не только институциональными возможностями, но и благоприятной политической конъюнктурой, связанной с приходом к власти Партии справедливости и развития. Это подчеркивает важность политической воли и долгосрочного стратегического планирования для реализации амбициозных внешнеполитических проектов.

Для российской дипломатии турецкий опыт может служить ценным источником практических решений в области развития гуманитарного сотрудничества, особенно с учетом необходимости диверсификации внешнеполитических инструментов в условиях геополитической турбулентности и формирования нового миропорядка.

Список литературы:

1. Акт ратификации Нахичеванского соглашения о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств: Закон Республики Казахстан от 27 сентября 2010 года № 341-IV [Электронный ресурс]. // URL: https://web.archive.org/web/20101227212017/http://ru.government.kz/docs/z100000341_20100927~1.htm (Дата обращения: 07.08.2025).
2. Гришин Я.Я., Исламов Д.Р. Внешняя политика Турции в Европе: фактор «мягкой силы». Современная Европа, 2023. № 6. С. 96–109. – DOI: 10.31857/S0201708323060098.

3. Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91-107. – DOI: 10.22363/23130660-2021-21-1-91-107
4. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития. Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). С. 38-42. // URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-1-28-38-42>
5. Лебедева М.М., Рустамова Л.Р. Трансформация социально-гуманитарной сферы мировой политики: последствия для России. Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 5 (62). С. 114-130. // URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-5-62-114-130>
6. Панфилова В. Союз тюркоязычных стран усилился Туркменистаном [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 06.06.2014. // URL: https://www.ng.ru/cis/2014-06-06/7_turkmenistan.html (Дата обращения: 07.08.2025).
7. Плотников Д.С. Языковая политика как инструмент конструирования идентичности (на примере Молдовы, Украины и Латвии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. Вып. 1 (794). С. 60-81.
8. Сушенцов А. Осыпание мирового порядка и видение многополярности: позиция России и Запада / Клуб «Валдай» [Электронный ресурс]. – 20.11.2023. // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/osypanie-mirovogo-poryadka-i-videnie-mnogopolynosti/> (Дата обращения: 07.08.2025).
9. Hazır Ü.N. Anti-Westernism in Turkey's Neo-Ottomanist Foreign Policy under Erdoğan. Russia in Global Affairs, 2022. № 20 (2). P. 164-183. – DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-2-164-183
10. Organization of Turkic States. Areas of Cooperation [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.turkicstates.org/en/areas-of-cooperation> (Дата обращения: 07.08.2025).
11. Sahin M.G. “Turkey and Neo-Ottomanism: Domestic Sources, Dynamics and Foreign Policy”. FIU Electronic Theses and Dissertations. 2010. 160 p. // URL: <https://digitalcommons.fiu.edu/etd/160>
12. Turkish Cooperation and Coordination Agency. About Us [Электронный ресурс]. // URL: <https://tika.gov.tr/en/institutional/about-us/> (Дата обращения: 07.08.2025).
13. Turkish Cooperation and Coordination Agency. History of TİKA [Электронный ресурс]. // URL: <https://tika.gov.tr/en/institutional/history> (Дата обращения: 07.08.2025).
14. Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA). Annual Activity Report 2014 [Электронный ресурс]. Republic of Türkiye, TİKA, 2014. // URL: https://www.tika.gov.tr/wp-content/uploads/2016/INGILIZCE%20SITE%20ESERLER/FAAL%C4%B0YET%20RAPORLARI/PDFLER/FR2014_ENG.pdf (Дата обращения: 07.08.2025).
15. Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA). Annual Activity Report 2019 [Электронный ресурс]. – Ankara: TİKA, 2019. // URL: <https://www.tika.gov.tr/wp-content/uploads/sayfa/publication/2019/TIKAFaaliyet2019ENGWebKapakli.pdf> (Дата обращения: 07.08.2025).
16. Turkish Maarif Foundation (TMF). Maarif in the World 2018 [Электронный ресурс]. Republic of Türkiye: Turkish Maarif Foundation, 2018. // URL: <https://turkiyemaarif.org/page/2018-MAARIF-IN-THE-WORLD-16> (Дата обращения: 07.08.2025).
17. Turkish Maarif Foundation (TMF). TMF Law [Электронный ресурс]. Republic of Türkiye : Turkish Maarif Foundation, 2016 (Law № 6721). // URL: <https://turkiyemaarif.org/page/51-TMF-Law-11> (Дата обращения: 07.08.2025).
18. Türkiye rises as peacemaker, NATO chief says [Электронный ресурс] // Daily Sabah. – 14 мая 2025. // URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkiye-rises-as-peacemaker-nato-chief-says> (Дата обращения: 07.08.2025)

Bibliography

1. Act of ratification of the Nakhchivan Agreement on the establishment of the Cooperation Council of Turkic-Speaking States: Law of the Republic of Kazakhstan dated September 27, 2010 № 341-IV // URL: https://web.archive.org/web/20101227212017/http://ru.government.kz/docs/z100000341_20100927~1.htm (08/07/2025).
2. Grishin Ya.Ya., Islamov D.R. Turkey's foreign policy in Europe: the “soft power” factor. Modern Europe, 2023. № 6. P. 96-109. – DOI: 10.31857/S0201708323060098.
3. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. “The World is Greater than Five”. The Emergence of Turkey as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2021. Vol. 21. № 1. P. 91-107. – DOI: 10.22363/23130660-2021-21-1-91-107
4. Lebedeva M.M. Actors of Modern World Politics: Development Trends. Bulletin of MGIMO University. 2013. № 1 (28). P. 38-42. // URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-1-28-38-42>
5. Lebedeva M.M., Rustamova L.R. Transformation of the socio-humanitarian sphere of world politics: consequences for Russia. Bulletin of MGIMO-University. 2018. № 5 (62). P. 114-130. // URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-5-62-114-130>
6. Panfilova V. The Union of Turkic-Speaking Countries has been strengthened by Turkmenistan // Nezavisimaya Gazeta. – 06.06.2014. // URL: https://www.ng.ru/cis/2014-06-06/7_turkmenistan.html (07.08.2025).
7. Plotnikov D.S. Language policy as a tool for constructing identity (on the example of Moldova, Ukraine and Latvia)

- // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2018. Issue. 1 (794). P. 60-81.
8. Sushentsov A. Crumbling of the world order and the vision of multipolarity: the position of Russia and the West / Valdai Club - 20.11.2023. // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/osypanie-mirovogo-poryadka-i-vide-nie-mnogopolyarnosti/> (07.08.2025).
9. Hazır Ü.N. Anti-Westernism in Turkey's Neo-Ottomanist Foreign Policy under Erdoğan. *Russia in Global Affairs*, 2022. № 20 (2). P. 164-183. – DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-2-164-183
10. Organization of Turkic States. Areas of Cooperation // URL: <https://www.turkicstates.org/en/areas-of-cooperation> (08.07.2025).
11. Sahin M.G. "Turkey and Neo-Ottomanism: Domestic Sources, Dynamics and Foreign Policy". *FIU Electronic Theses and Dissertations*. 2010. 160 p. // URL: <https://digitalcommons.fiu.edu/etd/160>
12. Turkish Cooperation and Coordination Agency. About Us // URL: <https://tika.gov.tr/en/institutional/about-us/> (07.08.2025).
13. Turkish Cooperation and Coordination Agency. History of TİKA // URL: <https://tika.gov.tr/en/institutional/history> (07.08.2025).
14. Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA). Annual Activity Report 2014 Republic of Türkiye, TİKA, 2014. // URL: https://www.tika.gov.tr/wp-content/uploads/2016/INGILIZCE%20SITE%20ESERLER/FAAL%C4%B0YET%20RAPORLARI/PDFLER/FR2014_ENG.pdf (07.08.2025).
15. Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA). Annual Activity Report 2019 – Ankara: TİKA, 2019. // URL: <https://www.tika.gov.tr/wp-content/uploads/sayfa/publication/2019/TIKAFaaliyet2019ENGWebKapakli.pdf> (07.08.2025).
16. Turkish Maarif Foundation (TMF). Maarif in the World 2018 Republic of Türkiye: Turkish Maarif Foundation, 2018. // URL: <https://turkiyemaarif.org/page/2018-MAARIF-IN-THE-WORLD-16> (07.08.2025).
17. Turkish Maarif Foundation (TMF). TMF Law Republic of Türkiye: Turkish Maarif Foundation, 2016 (Law No. 6721). // URL: <https://turkiyemaarif.org/page/51-TMF-Law-11> (07.08.2025).
18. Türkiye rises as peacemaker, NATO chief says [Electronic resource] // DailySabah. – May 14, 2025. // URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkiye-rises-as-peacemaker-nato-chief-says> (07.08.2025)

Анисимов П.В.

Аспирант. Дипломатическая академия
Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Цены на лекарства как фактор в определении стратегии на выборах президента США 2024 г.

Цены на лекарственные средства в США являются самыми высокими в мире. Разница настолько велика, что в сравнении с близкими развитыми странами порядок ценников отличается в разы. Такое непропорциональное завышение не может не иметь последствий. В первую очередь, страдает население, которое по условиям большинства страховых полисов должно самостоятельно покупать часть лекарств. Страдает и государственный бюджет, поскольку вынужден покрывать стоимость субсидий на оплату лекарств. Однако в выигрыше остается фармацевтическое лобби. Неудивительно поэтому, что производители медицинских препаратов являются крупнейшими плательщиками взносов в фонды политиков и партий¹ – общий размер «пожертвований» в год уже перевалил сумму в 100 000 000 долларов.

Проблема медицины является одной из важнейших на нескольких последних выборах в США, а цены на лекарства в большинстве социологических опросов, исследующих актуальные для избирателей темы, выделяют в отдельный вопрос. При этом урегулирование цен на препараты остается одной из немногих тем, где принятие заметных решений можно предъявить в качестве существенного достижения на посту президента страны. Поэтому и Трамп, и Байден в своих избирательных агитациях вынесли эту проблематику в число приоритетов. Причем вопросы кампании 2024 г. являются прямым продолжением споров между демократами и республиканцами в преддверии президентских выборов 2020 г., а решения Байдена на посту были направлены в том числе против решений Трампа во время его нахождения в статусе президента. Оценка ситуации перед выборами 2024 г., попытка выяснить, кто в этой борьбе выходит победителем и как на это влияет сама фармацевтическая индустрия — предмет исследования данной статьи.

¹ <https://www.opensecrets.org/federal-lobbying/industries>

Развилка решений при выборе стратегии

Если сконцентрироваться на задачах, которые стояли перед обоими кандидатами в президенты, то никаких глобальных вызовов у них не было и быть не могло. Перестройка всей системы страхования — это долгосрочный процесс, который требует согласованных позиций обеих партий, а в ситуации, когда конгресс по факту разделен напополам непримиримыми противниками, сделать что-либо революционное не представлялось возможным. С учетом сжатых электоральных сроков оба кандидата были ограничены несколькими вариантами, которые можно было представить избирателю в качестве достижения.

1. Ограничение стоимости лекарств. Самый понятный способ для простого американца и одновременно самый сложный для страны, которая считается главным защитником свободного рынка. По сути, единственно работающей схемой в этих условиях является контроль закупочных цен через систему медицинского страхования Medicare (программа страхования пожилых и лиц с инвалидностью). Поскольку это крупнейший покупатель лекарств в стране, отказ сотрудничать с Medicare автоматически означает для производителя выпадение существенной части доходов, если не вообще уход с рынка.

2. Упрощение импорта лекарств. Самый выигрышный с точки зрения идеологической победы способ. Открытие внутреннего рынка для внешних производителей должно привести к резкому падению выставаемых американскими фармкомпаниями цен. В сущности, это классический пример свободной конкуренции на принципах глобализации. В силу того, что торговые барьеры были установлены в пользу большой фармы, любая попытка устроить что-либо подобное означала открытый конфликт с влиятельными игроками, а также автоматически ставила под угрозу финансирование будущих избирательных кампаний.

3. Изменение системы бонусов в индустрии. Как и в большой политике, на рынке фармацевтических лекарств существует свое лоббирование. Производители платят деньги напрямую врачам, страховым компаниям и аптекам, чтобы создать для своего продукта преимущества. К примеру, врач, получающий бонусы за определенное лекарство, скорее выпишет пациенту именно его просто потому, что от этого зависит его личный доход. Фактически государство никак не контролирует эту сферу, и в результате есть рекламная картинка того, как устроена индустрия, и реальная ситуация, где наличествует огромное количество теневых договоренностей, больше похожих на монополистический сговор.

Все эти варианты были максимально просты и эффективны при трансформации их в понятные лозунги избирательных кампаний. Несмотря на то, что реальная реализация любого из этих путей по экспертным оценкам приводила систему страхования в разброд, ведя к увеличению стоимости страхования, для целей победы в выборах это было не так уж и важно. Ведь судя по шагам и Трампа, и Байдена, оба кандидата выдвигали максимально популистские решения, но не планировали доводить свои шаги до революционного конца.

Трамп, куча обещаний и нулевой результат

Еще в середине своего президентского срока в 2018 г. Дональд Трамп выступил с предложением рассчитывать стоимость возмещения лекарств по программе Medicare по некоему индексу международных цен². Общий смысл предложения: фиксировать цены на лекарства не по рыночной стоимости в США, а по средней стоимости на рынках развитых стран (разница в ценниках по некоторым позициям была семикратной). Разумеется, такое предложение встретило противодействие фармацевтических компаний, поскольку, по мнению сторонников свободного рынка, это было покушение на сами основы капиталистической экономики.

Следующая попытка была сделана в 2019 г., когда Трамп попытался разрешить импорт дешевых лекарств из Канады и иных развитых стран, предложив штатам подготовить планы, направленные на осуществление таких закупок. Флорида, Вермонт, Колорадо, Нью-Мексико и Мэн даже успели принять местное законодательство, но для получения разрешения на осуществление закупок они должны были получить одобрение со стороны Министерства здравоохранения и социальных служб, которое так и не было выдано. Дополнительно правительство Канады пригрозило, что наложит ограничения на поставки лекарств в США, если это будет угрожать безопасности страны (нетрудно предположить, что при открытых границах Medicare просто скупит все лекарства в соседней стране). Представители большой фармы, со своей стороны, посчитали этот шаг безответственным, поскольку допускал на внутренний рынок лекарства, которые, по их заявлениям, не проходили жесткие внутренние процедуры сертификации, а значит, могли быть опасными для здоровья (впрочем, никто так и не пояснил, почему лекарства из Канады являются опасными)³.

² <https://www.nytimes.com/2018/10/25/us/politics/medicare-prescription-drug-costs-trump.html>

³ <https://www.safemedicines.org/2020/11/statement-on-litigation-challenging-legality-of-administrations-final-rule-permitting-state-sponsored-drug-importation-from-canada.html>

В 2020 г. Трамп выпустил распоряжение⁴, в котором запретил получение прямых выплат (бонусов) от производителей лекарств страховщиками и аптеками, вместо этого предложив стимулировать прямые скидки непосредственно покупателям. Разумеется, все интересные таких схем (начиная от общества страхования и заканчивая самими аптеками) выразили резкий протест. От имени индустрии выступило множество экспертов, которые доказывали, что такое изменение отразится только на 30 % застрахованных (из тех, кто вынужден больше всего платить за лекарства из своего кармана), а в целом по рынку стоимость страховки только возрастет. Кроме того, это будет стоить бюджету дополнительно 177 млрд долларов за 10 лет. Следовательно, идея о запрете бонусов была отклонена.

В конце своего президентского срока Трамп, ощущая падение популярности среди возрастных избирателей, все же сделал последнюю попытку выполнить хотя бы одно из своих предвыборных обещаний по лекарствам и объявил о плане ограничить расходы застрахованных на инсулин по программе Medicare суммой не больше 35 долларов в месяц. Такое решение было достаточно сильным шагом непосредственно перед выборами, так как многие пожилые граждане, несмотря на наличие страховки, должны были платить сотни долларов в месяц за жизненно необходимый препарат. Дополнительно Трамп пообещал не останавливаться на этом и, в случае своего переизбрания, расширить этот список лекарств.

В качестве завершающего аккорда президент все же ввел правило закупки лекарств по индексу международных цен, а также запретил прямые бонусы. Большинством избирателей такой шаг был воспринят с энтузиазмом. Несмотря на предостережения специалистов о неоднозначности решения, многими это виделось жестом справедливости в отношении фармацевтов, получающих баснословные прибыли, в том числе за счет обычных людей. Однако в связи с тем, что администрация Трампа нарушила обязательные процедуры, решение так и не вступило в силу и оказалось в зависимости от пришедшего на смену Трампу Байдена.

Впрочем, возможно, это был осознанный шаг команды уходящего президента, поскольку оба решения накладывали дополнительные и весьма ощутимые траты на бюджет. Нарушение порядка подготовки нормативных актов позволяло затянуть процессы выполнения этих

4 <https://www.forbes.com/sites/avikroy/2020/07/24/trumps-most-favored-nation-prescription-drug-executive-order-will-reduce-costs-for-seniors--taxpayers/>

обещаний. При этом Трамп намекнул: в случае своего проигрыша на выборах он надеется, что будущая администрация оставит эти решения в силе и не пойдет на поводу у лоббистов от фармацевтов. Это была беспроигрышная позиция, поскольку оставить в силе решения означало, что они будут нести имя Трампа, а их вероятная отмена заранее была обыграна как игра Байденом против простых граждан на стороне производителей⁵.

Компромиссы Байдена и обнуление итогов Трампа

По итогам четырех лет правления Трампа главным рекордсменом по взносам со стороны фармгигантов оказался именно Байден⁶, с именем которого корпорации связывали ослабление нападков на свой высокомаржинальный бизнес. В целом для демократов такое было не в новинку: перед выборами 2016 г. главный соперник Трампа Хиллари Клинтон также собрала максимальное количество взносов от производителей лекарств по сравнению с Трампом, получившим от индустрии чуть больше тысячи долларов (настоящая издевка). В ту кампанию Трамп также выступал с сильными антифармацевтическими лозунгами.

Поскольку решения Трампа так и не вступили в силу, их судьба оказалась в руках Байдена⁷. Так как одни из главных спонсоров предвыборной кампании требовали обратной связи, при этом срочной задачей новой администрации было убрать даже малейший намек на любые потенциальные успехи прошлого президента в условиях опасений перед возможными нападками сторонников Трампа, решения по ограничению цен на инсулин и запрет прямых бонусов были отменены⁸. Следующие четыре года поставили перед администрацией достаточно сложные задачи: избиратели требовали реформ и дешевых лекарств, фарма не желала поступаться прибылью, а все возможные варианты действий находились в жестких рамках трех путей, обозначенных в начале статьи. Необходимо было осуществить пересборку планов Трампа, но под маркой команды Байдена.

Чтобы смягчить все негативные имиджевые эффекты от отмены распоряжений, Байден на словах поддержал возможность импорта лекарств из-за рубежа⁹, но больше к этому вопросу его команда не возвращалась.

5 <https://www.cnn.com/2020/11/20/politics/trump-unveils-controversial-drug-price-rules/index.html>

6 <https://www.opensecrets.org/industries/recips?cycle=2024&ind=H4300>

7 <https://www.kff.org/medicare/issue-brief/a-status-report-on-prescription-drug-policies-and-proposals-at-the-start-of-the-biden-administration/>

8 <https://www.cnn.com/2021/02/01/politics/biden-trump-drug-prices/index.html>

9 <https://www.cnn.com/2020/11/30/politics/canada-trump-prescription-drug-imports/index.html>

Президент также попытался в качестве действенного механизма контроля рынка выдать свою программу по ценообразованию в качестве замены решения Трампа по отмене бонусов. Общий смысл изменений был направлен на повышение прозрачности отношений между участниками, чтобы вывести наружу секретные договоренности о списках закупаемых лекарств и условиях закупок, но в программе уже не было ни слова о запрете самих бонусов.

В целом задача была выполнена блестяще. Байден заявил о том, что он выступает за ограничение цен на лекарства, но не за счет свободного рынка. Вместо этого в рамках принятого глобального законопроекта IRA (Inflation Reduction Act of 2022)¹⁰ было заявлено о необходимости переговоров между Medicare и производителями лекарств. Для этого определен первоначальный список из 10 лекарств, в рамках которого и планировались указанные переговоры по компромиссной цене. Сама стратегия была подстроена таким образом, чтобы, несмотря на год принятия законопроекта (2021 г.), объявить о первых результатах можно было прямо накануне выборов 2024 г. (в сентябре). При этом даже при положительном исходе встреч с производителями, направленных на ограничение цен, избиратели бы не почувствовали никаких изменений, поскольку новые цены вступали в силу только в 2026 г. (через два года после выборов). В рамках избирательных циклов США это слишком долгий срок и отсутствие хоть каких-то адекватных гарантий для простых избирателей.

С ценами на инсулин команда Байдена поступила еще более цинично: за основу программы взяли проект Трампа и внесли в него отдельные изменения, которые частично расширили получателей субсидии, частично изменили условия функционирования. В таком виде решение перезапустили. Причем даже планка цены была установлена аналогичная — 35 долларов. Но теперь это был уже законопроект Байдена, а не Трампа, который к тому же вступил в силу. Для производителей лекарств при этом никаких дополнительных обременений не возникало, ведь все оплачивалось за счет бюджета.

Если говорить о решениях, которые действительно существенно затронули прибыли производителей лекарств, то к таким, безусловно, можно отнести требование ограничить рост выставляемых в адрес Medicare цен уровнем инфляции. Если производители опережают этот рост, то разницу они компенсируют в бюджет. Это был действительно серьезный ры-

10 <https://www.hhs.gov/inflation-reduction-act/index.html>

чаг для рынка, который индустрия тем не менее восприняла спокойно, поскольку он никак не отменял прибыль предыдущих лет, когда цены иногда повышались до 30 % в год. При этом разницу обычным людям, которые в этом случае продолжали платить повышенный процент за лекарства, возвращать также никто не был обязан.

Возможно, самое эпохальное и действительно социально направленное изменение — уменьшение размера сумм, которые должны платить застрахованные за лекарства, если счет на них будет слишком большим. Этот механизм называется out-of-pocket (OUP), и по законопроекту IRA предполагал снижение с 8000 долларов до 3500, а с 2025 г. – до 2000¹¹. То есть все расходы на препараты выше этой планки в текущем году не подлежали оплате застрахованными (даже при наличии франшизы в договоре). Это действительно помогало тем самым 30 %, которые тратили на лечение больше всего. Больные онкологией, к примеру, расходовали тысячи долларов, несмотря на наличие страховки¹². И хотя это было сделано ценой повышения бюджетных расходов (против чего активно выступали республиканцы), все же они были достаточно терпимыми по сравнению с возможностью иметь такой козырь на выборах.

Неизвестность перед выборами 2024 г.

Несмотря на то, что администрация Байдена по итогам четырех лет имела очевидные достижения в сфере медицинского страхования, которые можно без допущений назвать прорывными для США, многое из запланированного было заблокировано оппозицией (в том числе силами умеренных демократов). Это произошло не только из-за роста бюджетных расходов (тема утверждения бюджета практически парализовала Палату представителей в 2023 г.), но и из-за риторики, которая упорно транслировалась специалистами, нанятыми производителями лекарств. Фармацевты не поскупились на большие пиар-компании. Главным же провалом воплощенных изменений можно назвать повышение стоимости страховки, о чем неоднократно предупреждали президента, в том числе и его сторонники¹³.

Просчетом же команды Трампа является то, что оба президента предлагали весьма схожие решения, и это, с учетом обозначенной развилки решений, было предсказуемо. Однако Трамп не смог реализовать эти

11 <https://www.cms.gov/files/document/lower-out-pocket-drug-costs-2024-and-2025-article.pdf>

12 <https://kffhealthnews.org/news/article/biden-drug-pricing-caps-inflation-reduction-act-pharma-reaction/>

13 <https://www.kff.org/medicare/issue-brief/medicare-part-d-in-2024-a-first-look-at-prescription-drug-plan-availability-premiums-and-cost-sharing/>

предложения (более правильным будет сказать: ему просто не дали это сделать без контроля над конгрессом) и тем самым позволил команде Байдена выдать их реализацию за свои уникальные достижения, ведь даже предложение об ограничении роста цен на уровне инфляции выдвигались именно Трампом еще в 2019 г.¹⁴

Также фармкомпании хорошо подготовились к программе переговоров с целью ограничения цен на лекарства (все же им был дан срок в два года на кооперацию между собой). Адвокаты производителей лекарств предъявили множество исков в отношении выдвинутых администрацией условий переговоров¹⁵, большинство из них были заявлены в республиканских штатах. С учетом количества жалоб есть большая вероятность того, что на ситуацию обратит внимание Верховный суд, а это означает сдвигание всех запланированных сроков. Тем более что состав Верховного суда в текущий момент очень консервативен, что уже не раз сыграло на руку Трампу в его личных судебных процессах.

Маятник финансирования выборов впервые за много лет качнулся в сторону от демократов к республиканцам. Многие предвыборные высказывания Трампа были направлены на обнуление решений Байдена, ведь, несмотря на множество популистских заявлений в свое президентство, никаких реальных шагов против индустрии последний так и не сделал. Многие из его решений были успешно оспорены в судах. Похоже, в данной ситуации большая фарма и Трамп стали ситуативными союзниками.

Как показали опросы общественного мнения, демократы совершили ту же ошибку, что случилась после прошлой «революции» в страховании — расширении программы медицинского страхования, названной в честь ее инициатора Obamacare. В отсутствие активной пиар-работы по разъяснению достижений Обамы в этой части даже избиратели, которые были главными выгодополучателями программы, не знали, кого за это благодарить. На этой волне Трамп активно использовал недовольство отдельными недостатками системы страхования, чтобы перетянуть на свою сторону голоса. Аналогичная история начала повторяться с ценами на лекарства.

Добавляло проблем демократам и то, что законопроект IRA был действительно всеобъемлющ и направлен в первую очередь на триллионные инфраструктурные инвестиции, а все, что касалось вопросов медицины

14 <https://www.kff.org/medicare/issue-brief/a-look-at-recent-proposals-to-control-drug-spending-by-medicare-and-its-beneficiaries/>

15 <https://www.washingtonpost.com/business/2024/03/11/pharma-drug-priding-biden-negotiations/>

и цен на лекарства, шло к нему «бонусом». Так было гораздо проще протащить изменения, поскольку основные столкновения между партиями шли за крупные части бюджета. Но в итоге никакой отдельной раскрутки достижений в этой сфере у администрации не получилось, поскольку главное внимание СМИ было уделено именно баснословной цифре на строительство объектов. «Мелочи» уже никого не интересовали, в то время как именно они оказались в перечне главных накануне выборов, а непонятные обычному избирателю инфраструктурные проекты его не особо интересовали.

Соответственно, свежие опросы несли такие же неприятные новости для демократов, как и в 2016 г. Большая часть избирателей ничего не знает о том, что закон IRA содержит какие-то условия об ограничении цен на лекарства, лимитах максимальных расходов или переговорах с производителями¹⁶. Это признал даже избирательный штаб Байдена, указав на необходимость изменения стратегии и дополнительной рекламы достижений Байдена в деле контроля цен на лекарства. В феврале 2024 г., уже в самый разгар избирательной кампании, Байден выпустил совместное заявление с Камалой Харрис, посвященное достижению их команды по снижению цен на лекарства¹⁷.

Среди политтехнологов стало популярным мнением, что корректировка стратегии уже никак не отразится на рейтингах, потому что, судя по отдельным социологическим исследованиям, никакие решения в этой сфере уже не меняли мнение избирателей¹⁸. Уровень недовольства оставался стабильным, и, видимо, Трамп должен был сделать то же, что и в прошлый раз – воспользоваться ситуацией. Судя по заявлениям на совместных дебатах между Трампом и Байденом, тема медицины и лекарств по-прежнему занимала существенное место в стратегиях обеих команд. Оба кандидата упоминали цены на лекарства как свое достижение¹⁹. Но предугадать будет ли избиратель оценивать реальные достижения или опять проголосует эмоциями против ежедневных неурядиц было невозможно. Это решилось уже избирательными бюллетенями в ноябре 2024 г.²⁰.

16 <https://www.kff.org/health-costs/poll-finding/kff-health-tracking-poll-july-2023-the-publics-views-of-new-prescription-weight-loss-drugs-and-prescription-drug-costs/>

17 <https://www.hhs.gov/about/news/2024/02/01/biden-harris-administration-make-first-offer-drug-price-negotiation-program-launches-new-resource-hub-help-people-access-lower-cost-drugs.html>

18 <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2024/04/joe-biden-drug-prices/677961/>

19 READ: Biden-Trump debate transcript | CNN Politics

20 <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2024/03/biden-winning-health-care-trump/677912/>

Список литературы / Bibliography

1. <https://www.opensecrets.org/federal-lobbying/industries>
2. <https://www.nytimes.com/2018/10/25/us/politics/medicare-prescription-drug-costs-trump.html>
3. <https://www.safemedicines.org/2020/11/statement-on-litigation-challenging-legality-of-administrations-final-rule-permitting-state-sponsored-drug-importation-from-canada.html>
4. <https://www.forbes.com/sites/avikroy/2020/07/24/trumps-most-favored-nation-prescription-drug-executive-order-will-reduce-costs-for-seniors--taxpayers/>
5. <https://www.cnn.com/2020/11/20/politics/trump-unveils-controversial-drug-price-rules/index.html>
6. <https://www.opensecrets.org/industries/recips?cycle=2024&ind=H4300>
7. <https://www.kff.org/medicare/issue-brief/a-status-report-on-prescription-drug-policies-and-proposals-at-the-start-of-the-biden-administration/>
8. <https://www.cnn.com/2021/02/01/politics/biden-trump-drug-prices/index.html>
9. <https://www.cnn.com/2020/11/30/politics/canada-trump-prescription-drug-imports/index.html>
10. <https://www.hhs.gov/inflation-reduction-act/index.html>
11. <https://www.cms.gov/files/document/lower-out-pocket-drug-costs-2024-and-2025-article.pdf>
12. <https://kffhealthnews.org/news/article/biden-drug-pricing-caps-inflation-reduction-act-pharma-reaction/>
13. <https://www.kff.org/medicare/issue-brief/medicare-part-d-in-2024-a-first-look-at-prescription-drug-plan-availability-premiums-and-cost-sharing/>
14. <https://www.kff.org/medicare/issue-brief/a-look-at-recent-proposals-to-control-drug-spending-by-medicare-and-its-beneficiaries/>
15. <https://www.washingtonpost.com/business/2024/03/11/pharma-drug-pricing-biden-negotiations/>
16. <https://www.kff.org/health-costs/poll-finding/kff-health-tracking-poll-july-2023-the-publics-views-of-new-prescription-weight-loss-drugs-and-prescription-drug-costs/>
17. <https://www.hhs.gov/about/news/2024/02/01/biden-harris-administration-make-first-offer-drug-price-negotiation-program-launches-new-resource-hub-help-people-access-lower-cost-drugs.html>
18. <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2024/04/joe-biden-drug-prices/677961/>
19. READ: Biden-Trump debate transcript | CNN Politics
20. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2024/03/biden-winning-health-care-trump/677912/>

Тюрин Е.А.

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики. Среднерусский институт управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Савинова Е.Н.

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики. Среднерусский институт управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Мустафин Д.О.

Аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики. Среднерусский институт управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

**Этноязыковой фактор в противостоянии
Шотландии и Великобритании
(к вопросу о шотландском политическом стиле)**

Введение

Обращаясь снова на страницах данного издания к вопросу о наличии в Шотландии этнополитического стиля, напомним, что под таковым мы понимаем отличительные шотландские способы разработки и реализации политики соответствующими субъектами. Суть означенного стиля проявляется в относительно спокойном соотношении компетенций властей и достигаемых результатов политики Эдинбурга в его взаимоотношениях с Лондоном. Мы полагаем, что в случае Шотландии прослеживаются как возможности шотландских властей делать что-то специфически, так одновременная зависимость последних от универсальных

процессов. В итоге высокий уровень двойственности, дискреционности и сложности политики, реализуемой в условиях имеющегося противостояния Шотландии и Великобритании, подрывает централизованное управление Лондона, порождая этнополитическую вариативность политико-управленческой практики Эдинбурга.

Сказанное в полной мере подкрепляется примером этноязыковой политики, проводимой Шотландией, Великобританией и Европейским Союзом. Речь идет о праве шотландцев на свой государственный язык, и о решении всех сопутствующих политико-управленческих и социокультурных задач, связанных с утверждением названного права.

Отметим, что при рассмотрении проблематики, заявленной в названии статьи, мы будем делать акцент на шотландском языке (Scots) – традиционном языке Шотландии, относящемся к германской языковой группе. Его следует отличать от гэльского шотландского (кельтский язык), а также от шотландского варианта английского.

Шотландский язык сформировался на основе средневекового англо-нормандского языка, поэтому, начиная с периода усиления в Шотландии нормандских феодалов, он стал вытеснять из обращения гэльский, который постепенно превращался в средство общения лишь жителей Хайленда и Гебридских островов. Население Лоуленда и Пограничья (а также вся феодальная и королевская административно-управленческая элита) перешли на шотландский язык. К середине XVI века Scots находился в процессе стандартизации; использовался на всех уровнях, а также широко применялся в литературе. Однако, после Унии 1603 года он стал вытесняться английским языком. К концу XVIII века шотландский язык в своих различных диалектах оказался в диглоссных отношениях с литературным английским, который уже использовался как язык власти и отчетности. Тем не менее, шотландский всё еще сохранял своё литературное присутствие, используясь в поэзии и романах. По сути, развитие аусбау-языка было превращено в состояние диалектализации под влиянием социальных и политических событий [7, pp. 35-36]. Эта ситуация закрепилась в ходе развития в XVIII веке шотландского стандартного английского языка – разновидности, которая является шотландской прежде всего по акценту, хотя явно или скрыто элементы лексики и структуры Scots все еще присутствовали в репертуаре большинства носителей [2]. С ростом городских территорий в XIX и XX веках, как и везде, начала развиваться дихотомия между «хорошими» сельскими диалектами и «испорченными» городскими (точка зрения, разделяемая многими но-

сителями обоих вариантов). В стране, которая к середине XIX века была высокограмотной, неизбежно возник диалектный континуум между истинным Scots и литературным английским [11]. К концу XX века, особенно в городских диалектах, барьер между шотландским и разговорным английским, никогда не бывший полностью непроницаемым, был полностью разрушен. Значительная часть традиционной шотландской лексики была утрачена в этом процессе [9]. Шотландский язык в значительной степени «стал *социально обусловленным* диалектом, подверженным точно таким же центростремительным силам, как и другие английские диалекты»¹.

Однако, литературная традиция, которая стала в значительной степени ассоциироваться с сентиментальностью, была возрождена использованием шотландского языка в модернистской поэзии, сознательно уравнивавшей язык и государственности [10]. Однако использование Scots в нелитературной прозе ограничивалось лишь некоторыми элементами внутри активистского движения [13].

Именно в этих, менее чем благоприятных обстоятельствах, первая позитивная попытка проведения языковой политики в отношении шотландского языка была предпринята в 2001 году в ходе ратификации правительством Соединенного Королевства Европейской хартии языков меньшинств или региональных языков. В рамках того же процесса Исполнительный совет Шотландии разработал культурную стратегию «Создавая наше будущее... ...Заботясь о нашем прошлом» [18], предложившую шотландцам некоторую этнокультурную (в том числе, языковую) поддержку. Однако политика, разработанная для шотландцев, была плохо продуманной, часто противоречивой и погребённой рядом других мер. В связи с этим, возникает резонный вопрос о том, представляло ли это погребение заживо активную враждебность к шотландскому языку, или явилось результатом ошибочной расстановки приоритетов.

В поиске ответов обратимся для начала к общеевропейскому контексту. Возможно, самым важным общеевропейским институтом, занимающимся правами языков меньшинств, является Совет Европы. Тем не менее, законодательство по этим вопросам было рассмотрено только в 1980-х годах, и только после длительного процесса в ноябре 1992 года была опубликована Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств [14].

¹ Этот процесс диалектизации хорошо освещен в литературе; заинтересованным читателям, возможно, стоит обратиться, прежде всего, к работе Р. Миллара [12, р. 89–91, 189–98].

Эта Хартия была ратифицирована Соединенным Королевством в 2001 году. В документах о ратификации проводится различие между положениями, предназначенными для различных «региональных языков или языков меньшинств» Соединенного Королевства. Валлийский, гэльский и ирландский языки рассматриваются в соответствии с пунктом 2 статьи 2 Хартии. Это означает, что Часть III, посвященная практическим аспектам применения, вступает в силу в соответствии с выбором, сделанным правительством. Однако шотландцы и ольстерские шотландцы подпадают под действие пункта 1 статьи 2 Хартии².

Таким образом, Великобритания считает возможным применять только Часть II Хартии, и это вызывает вопросы к Лондону.

Например, Нидерланды, Швеция и Испания демонстрируют иные подходы к толкованию Хартии. В Нидерландах фризский признан в Части III, нижнесаксонский, лимбургский, идиш и романи признаются только в Части II. В случае нижнесаксонского и лимбургского их частичная диалектизация может затруднить более справедливую языковую политику (как и в случае с шотландским)³. Что же касается идиш и романи, то их нетерриториальный языковой статус затрудняет действия в их пользу; это может объяснить факт, почему, например, и шведское правительство также распространяет действие Части II на цыганский и идиш [6]. Аналогичные различия проводятся между аусбау-языками Испании – баскским, каталонским и галисийским – и более маргинальными языками, такими как астурийский [3]. Однако во всех случаях имеются веские доказательства того, что каждое правительство вложило время, деньги и мысли в продвижение своих языков, включенных в Часть II Хартии.

Что же тогда даёт языку защита в соответствии с Частью II?

Раздел 1 (с) Части II (Совет Европы, 1992а), признаёт необходимость решительных действий по продвижению региональных языков или языков меньшинств в целях их защиты. Соответственно, на правительства возлагается бремя принятия политико-управленческих решений и реализации действий по поддержанию и продвижению языка. Три раздела (f, g и h) посвящены непосредственно использованию языка. Для носи-

2 По все документам правительства Соединённого Королевства (и его децентрализованных органов) прослеживается, что оно проводит абсолютное различие между шотландскими диалектами в Ольстере и самой Шотландии. Хотя, можно было бы с уверенностью утверждать, что это абсолютное различие ошибочно, и сохраняется для более чёткого разделения политических мер, принимаемых в отношении одного и того же языка в Северной Ирландии (и, по сути, в Республике Ирландия) и Шотландии.

3 Второй периодический доклад правительства Нидерландов (2003 г.) содержит больше информации об этих языках с точки зрения численности их носителей и активных мер по поддержанию и развитию языков Части II, чем любой документ Соединенного Королевства, посвященный шотландскому языку.

телей языка это подразумевает как изучение, так и использование языка «на всех соответствующих этапах» (фраза, оставленная на усмотрение каждого конкретного правительства); на университетском же уровне требуется только содействие изучению и исследованию региональных языков или языков меньшинств (а не, как представляется, образование на языке и посредством языка). Также предполагается необходимость обеспечения обучения языку тех, кто изначально не является его носителями. Более целостный подход предлагается в разделе (d), посвященном содействию и поощрению использования языка как в письменной, так и в устной форме в широком спектре областей. Основная критика этих целей заключается в том, что они слишком общие, возможно, даже расплывчатые, чтобы служить планом действий, по крайней мере, без конкретных положений, гарантированных Частью III. Как нам видится, эта ситуация является следствием необходимости разработки документа, который соответствовал бы политической идеологии большинства европейских государств.

Применения Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств в Соединенном Королевстве⁴

Первый периодический доклад правительства Соединенного Королевства был получен Советом Европы в июле 2002 года. Он составлялся по практически стандартной схеме, лишь примерно отражая первые три раздела Хартии. В докладе поддержка, оказываемая каждому признанному языку, была описана в целом, и это не относилось к Шотландии.

С самого первого лаконичного упоминания том, что нет законодательства, касающегося шотландского языка, шотландский язык рассматривается поверхностно (по сравнению с уровнем детализации, предусмотренным для языков Части III Хартии и ольстерского шотландского языка). В докладе говорится, что шотландцы живут по всей Шотландии, но, при этом, отсутствуют данные о количестве носителей (вероятно, потому что в переписи населения не было вопроса о шотландском языке). В качестве же объяснения доклад использует лишь упомянутый выше диалектный континуум.

Что же касается статуса и деятельности органов, которые должны способствовать «защите и развитию региональных языков или языков мень-

⁴ Этот документ был в основном завершен до того, как правительство Соединенного Королевства представило свой второй доклад в июне 2005 года. Поскольку Комитет экспертов не представил свой доклад в течение некоторого времени, то было сочтено целесообразным, отложить обсуждение этого документа на более позднее время.

шинств», то в ответе британского правительства на соответствующий запрос из Страсбурга Scots вообще не упоминается; то же самое наблюдалось и в ответе на вопрос о «мерах, принятых... для лучшего понимания прав и обязанностей, вытекающих из применения Хартии»⁵.

Эта ситуация контрастирует с отношением к гэльскому языку со ссылкой на Совет шотландцев Ольстера (орган, созданного в рамках Белфастского соглашения) в разделе, посвященном Северной Ирландии, британского правительственного доклада.

Шотландский язык не упоминается и в ответе Соединенного Королевства на вопрос о том, проводились ли консультации с Исполнительным органом Шотландии (и другими организациями, такими как Шотландский Совет по делам искусств) о способах поддержки и продвижения гэльского языка в письменной речи, а также в общественной и частной жизни Шотландии.

Это также относится к ответу Лондона на вопросы о создании групп носителей языка «для консультирования властей по всем вопросам, касающимся региональных языков или языков меньшинств». Шотландский язык, как и везде, не фигурирует.

Вся эта ситуация показывает, что власти Великобритании предпочитают игнорировать на официальном уровне (прежде всего, при взаимодействии со структурами ЕС) право традиционного исторического языка Шотландии на существование.

С другой стороны, есть некоторые позитивные моменты в отношении академического изучения и исследования основного традиционного языка Шотландии. В данной сфере шотландскому языку, фактически, уделяется столько же внимания, сколько и гэльскому. В упомянутом докладе британского правительства отмечается, например, возможность создания словарей. Конечно, это выглядит, как жалкая попытка завуалировать дискриминацию Scots, поскольку остальная часть доклада, посвященная реализации Части III Хартии, полностью игнорирует шотландский язык, который вообще не упоминается.

Учитывая тот факт, что Лондон должен периодически докладывать о ситуации с реализацией Хартии на территории Соединенного Королев-

5 В ответах на подраздел (g) о «предоставлении возможности лицам, не говорящим на региональном языке или языке меньшинства, проживающим в районе его использования, изучать его по их желанию», и на подраздел (i) о «содействии соответствующим видам транснациональных обменов...для региональных языков или языков меньшинств, используемых в идентичной или схожей форме в двух или более

государствах», шотландский язык не упоминается. Что касается пункта (i), то тот факт, что на шотландском языке говорят только в Шотландии и Ирландии, мог способствовать его исключению. Что еще более важно, не упоминается преподавание шотландского языка для неносителей языка.

ства, можно было бы надеяться на некоторую положительную динамику в отношении шотландского языка, но, к сожалению, такая динамика применительно к Шотландии не прослеживается, в отличие от Уэльса или Северной Ирландии.

Правящие круги Соединенного Королевства дают европейским структурам, практически, один и тот же ответ по шотландскому языку, сводящийся к следующему: национальные руководящие принципы по образованию детей в возрасте от 5 до 14 лет на территории Шотландии предусматривают включение шотландской литературы в региональные учебные программы, что способствует воспитанию надлежащего понимания шотландского языка; Шотландский консультативный совет выпускает учебные материалы в поддержку этой инклюзивной политики.

Когда же речь заходит об ирландском гэльском или ольстерском шотландском языках, правительство Соединенного Королевства с энтузиазмом цитирует Белфастское соглашение, рассматривая признание региональных языков или языков меньшинств как выражение культурного богатства с точки зрения того, насколько широко они изучаются в школах. При этом, в рамках обсуждения с еврочиновниками Лондон в подробностях расписывает конкретные политико-управленческие решения и действия, связанные с относительно внушительным финансированием, направляемым на поддержку гэльского языка. Шотландский же язык, для сравнения, рассматривается как малозначимое дополнение, без обсуждения потенциального или фактического его финансирования. Даже ольстерскому шотландскому языку уделяется гораздо больше внимания.

Отметим, что дискриминационные действия Лондона в отношении Шотландии и шотландского языка не остаются незамеченными в Совете Европы. Комитет экспертов периодически представляет Генеральному секретарю Совета Европы доклад о выполнении Соединенным Королевством Хартии региональных языков и языков меньшинств, регулярно отмечая слабую позицию шотландского языка (даже, шотландского гэльского) по отношению как к языкам, перечисленным в Части III Хартии, так и к ольстерскому шотландскому. Ситуация не изменилась с 2004 года [15].

Официальной политики Соединенного Королевства в отношении шотландского языка не существует, и британские власти, будь то на местном или региональном уровне, не предприняли никаких шагов для защиты этого языка в Шотландии. Отсутствуют внутригосударственные пра-

новые положения, гарантирующие продвижение и защиту шотландского языка, что весьма затрудняет обеспечение прочной основы для использования этого языка в общественной жизни.

Хотя власти Великобритании вынуждены были признать шотландский язык, чтобы ратифицировать Хартию, но, при этом, сохраняется реальная необходимость в запуске процесса конкретизации того, каким образом пользователи шотландского языка хотели бы, чтобы британские власти поддерживали этот язык, и, тем самым, реально начали бы реализовывать Хартию в отношении Scots.

Со своей стороны, отметим, что национальные руководящие принципы в системе образования, которыми Лондон «отчитывается» перед Страсбургом, не являются обязательными, и учителя не обязаны включать шотландский язык в свою программу, даже если это официально декларируется в этих руководящих принципах. Конечно, заинтересованные шотландские структуры проинформировали Комитет экспертов о том, что в начальных и средних школах Шотландии нет уроков шотландского языка, а в тех немногих случаях, когда язык преподаётся, это происходит по инициативе отдельных учителей. Некоторые шотландские учителя и школы решают проблему посредством включения литературных произведений на Scots в программу изучения английского языка.

Как можно заметить, правительство Соединенного Королевства редко рассматривало официальную языковую политику как необходимую. Дело не столько в том, что политические деятели и административно-управленческие структуры Лондона открыто выступают против сохранения и развития шотландского языка, скорее, необходимость подобных действий ими игнорируется в силу пренебрежительно-высокомерного и шовинистического отношения к Scots. Но хуже другое. До определенного времени в правящих элитах самой Шотландии (это относится в большей степени к представителям лейбористов и либеральных демократов) прослеживалось нежелание признавать, что шотландское правительство может вмешиваться в языковое обеспечение. Показательной является ситуация 1990-х годов вокруг борьбы за включение вопроса о Scots в шотландскую версию переписи населения Соединенного Королевства. Этот запрос был изучен Главным бюро регистрации актов гражданского состояния Шотландии, которое с помощью активистов провело пилотные опросы в 1996 году. Тем не менее, в заключительном отчете было рекомендовано не включать ни одного вопроса, включающего понятие «шотландский язык». Идея вопроса о Scots в переписи на-

селения была отвергнута [8].

С момента передачи полномочий в 1999 году отдельные шотландские активисты и различные организации, занимавшиеся шотландским языком, пытались обратиться по этому вопросу к Шотландскому исполнительному комитету⁶. Однако никаких изменений не произошло. Более того, в политике, которую Исполнительный комитет продвигал в рамках своей культурной стратегии, проблема Scots (соответственно, и способы ее решения) не упоминалась.

Все сказанное свидетельствует не только об очевидной дискриминационной позиции Лондона в отношении традиционного шотландского языка, маскирующейся под политику поддержки региональных языков и языков этнокультурных меньшинств, но также и о том, что британский политический стиль негативно сказывался на подходах шотландских политических элит к этноязыковой проблеме.

Однако, исполнительная власть и Парламент Шотландии не были столь пассивны, как это может показаться из-за отсутствия практической реакции британских политиков и государственных деятелей в отношении Scots.

Языковая политика правительства Шотландии.

Из сказанного выше, можно заметить, что переход от унитарного политического стиля британского государства к автономному управлению демонстрирует, насколько деволюционная система унаследовала от своих предшественников подходы к языковой политике, ставя последнюю на самые низкие позиции в стратегической иерархии. Однако более пристальное рассмотрение этноязыковой ситуации в Шотландии показывает, что ее исполнительная власть все же не совсем игнорирует этноязыковой фактор в противостоянии Эдинбурга и Лондона.

В правительстве Шотландии ответственность за языковую политику в значительной степени находится в ведении отдела спорта, искусства и культуры Министерства образования. Существует отдельная должность министра по гэльскому языку (хотя действующий министр отвечает за более широкий портфель), но, при этом, аналога для шотландского языка не существует.

Тем не менее, языковая политика исполнительной власти Шотландии прошла определенную эволюцию от единственного тезиса, со-

⁶ Наименование созданного 1999 г. в рамках передачи полномочий (деволюции) высшего органа исполнительной власти Шотландии (с 2007 г. – Правительство Шотландии)

державного в культурной стратегии (о важности продвижения шотландских языков как средств культурного самовыражения и доступа к шотландской культуре), до более широкого спектра мер, направленных на поддержку традиционных языков, что в определенной мере свидетельствует о проявлении и в данной сфере политики шотландского этнонационального стиля.

Как отмечалось выше, в Шотландии говорят на самых разных языках и диалектах. Английский же (как доминирующий международный язык) можно рассматривать и как преимущество, и как угрозу. С одной стороны, он позволяет гражданам Шотландии легко общаться с многочисленными носителями английского языка из других стран, сохраняя при этом свою идентичность (которая проявляется, в том числе, в характерном шотландском акценте при употреблении английского разговорного). Но, с другой стороны, доминирующее положение английского языка, негативно влияет на другие языки и диалекты Шотландии⁷, снижая мотивацию шотландцев изучать традиционные исторические языки своей родной страны [18].

Шотландские национальные руководящие принципы для школ рекомендуют учителям развивать у школьников уважение и интерес к родному языку каждого ученика и его литературе, будь то английский, шотландский, гэльский, урду, пенджабский или любой другой [18].

Конечно, такой изначальный подход к этноязыковой проблеме со стороны исполнительной власти Шотландии вполне вписывался с общебританские установления и практики. Автохтонные языки помещались в те же рамки, что и языки иммиграции, а шотландская политика в отношении языков этнических меньшинств была встроена в общебританскую языковую политику в целом [18], соответствующую британскому политическому стилю. Но с приходом к власти Шотландской Национальной Партии (SNP) ситуация в этнополитической повестке Шотландии постепенно стала меняться, и шотландский политический стиль начал проявляться значительно отчетливей. В этой связи полезно сравнить политику шотландских властей в отношении двух основных исторических языков – гэльского и шотландского (Scots).

Гэльский язык уникален для Шотландии. Шотландское правительство считает его важной частью живого культурного наследия страны,

⁷ Можно утверждать, что это, скорее, дипломатический, чем фактический довод. Нет никаких сомнений в том, что статус стандартного английского языка как официального языка Шотландии негативно повлиял на традиционные шотландские языки.

поэтому реализует активную программу по поощрению использования гэльского языка для его передачи следующим поколениям. Эта политика включает в себя специальные гранты на образование на гэльском языке, а также гранты для организаций, занимающихся гэльским языком и гэльской культурой. Кроме того, реализуется финансирование вещания на гэльском. В 2005 году был принят Закон о гэльском языке [17], чтобы усилить его защиту, повысить его значимость, а также обеспечить статус как официального языка Шотландии. Принятие Закон 2005 года привело к созданию Совета по гэльскому языку, *Bòrd na Gàidhlig*, который консультирует шотландских министров по вопросам, связанным с гэльским языком, культурой и образованием. Совет может требовать от государственных органов разработки планов по развитию гэльского языка, в которых будет указано, как они будут способствовать использованию гэльского языка. В октябре 2022 года после консультаций по Плану развития гэльского языка правительство Шотландии опубликовало План развития гэльского языка (уже третий по счету за время нахождения SNP у власти). В этом плане содержится подробная информация о конкретных мерах поддержки гэльского языка. В 2016 году в Закон об образовании Шотландии [16] был внесен ряд положений по поддержке гэльского языка, а также внесена позиция, обязывающая *Bòrd na Gàidhlig* разработать официальное руководство по преподаванию гэльского языка. В результате, в настоящее время многие десятки школ в Шотландии предлагают обучение на гэльском языке. Разрабатываются усовершенствованные учебные материалы и предпринимаются шаги по увеличению числа преподавателей гэльского языка. Гэльский колледж *Sabhal Mòr Ostaig* на острове Скай предлагает программу курсов, связанных с гэльским языком и преподаваемых в основном на нем.

Кроме того, существует множество организаций, занимающихся развитием гэльского языка, которые получают финансирование от *Bòrd na Gàidhlig*, а также от других фондов.

В 2008 году был запущен гэльский телеканал BBC ALBA, который оказывает существенную поддержку языку со стороны шотландских властей, напрямую финансирующих MG ALBA, одного из партнёров BBC ALBA, и выделяющих ежегодно около 13 миллионов фунтов стерлингов. Гэльские радиостанции представлены BBC Radio nan Gàidheal, а также некоторыми коммерческими и общественными радиостанциями. Комитет по гэльскому вещанию в настоящее время ежегодно финансирует около 160 часов программ на гэльском языке, а *Proiseact nan Ealan* [sic]

успешно продвигает гэльское искусство в различных средствах массовой информации.

Такая политика дала некоторые плоды. Если еще в начале 2000-х годов в Шотландии носителей гэльского было около 1,4 % от всего населения, то на сегодняшний день (согласно переписи населения 2022 года) на гэльском разговаривают более 2,5 % (около 140 тысяч человек). Еще более высокий процент носителей гэльского отмечается на Внешних Гебридах (около 57,2 % от общего числа островитян) [21]. Перепись 2022 года впервые с 1971 года показала рост числа людей, говорящих на гэльском языке [19].

Что касается шотландского языка, то, к счастью, он по-прежнему широко распространен в Шотландии. По данным переписи населения 2022 года в Шотландии проживает более 1,5 миллионов человек (при общей численности населения 5,4 миллиона человек) сообщивших, что являются носителями Scots, свободно владеющими этим языком. Кроме того, почти 2,5 миллионов человек сообщили, что могут говорить, читать, писать или понимать шотландский язык [19].

Полагаем, что это объясняется не только древними корнями и социокультурным статусом Scots, существовавшим в период средневековья и раннего Нового времени, но также и приверженностью шотландцев традициям, которые являются неотъемлемой составляющей сохранения этнонациональной идентичности. Несмотря на все дискриминационные усилия Лондона, Scots – это, все еще, живой язык, являющийся и предметом академического изучения. Поэтому неудивительно, что группа университетских сотрудников и других лиц, занимающихся как шотландским, так и гэльским языками, выдвинула предложение о создании центра языков Шотландии. Это послужило общественно-политической основой для правительственных решений, направленных на поддержку традиционных шотландских языков. Более того, шотландское правительство во главе с SNP впервые официально обозначило позицию властей в отношении Scots, состоящую в декларируемой обязанности защищать этот язык и ценить его вклад в самобытность и будущее Шотландии, выступающей единственным хранителем шотландского языка. В этом духе предпринимаются и соответствующие практические шаги. Так в 2010 году властями была создана рабочая группа по шотландскому языку, в отчёте которой рекомендовалось разработать национальную политику в отношении шотландского Scots. В 2011 году правительство Шотландии опубликовало свой официальный ответ на доклад Рабочей

группы по шотландскому языку, а в 2015 году представило народу разработанную политику в отношении Scots. Предполагается, что эта политика будет периодически пересматриваться в соответствии с текущими реалиями. Сейчас же на правительственном уровне проводится работа с заинтересованными сторонами над достижением целей, обозначенных в политике Шотландии.

В рамках комплексных мер реализации языковой политики в отношении Scots министерство образования Шотландии назначило координатора по шотландскому языку, работающего с органами управления образованием и школами, чтобы поддержать преподавание шотландского языка в рамках программы Curriculum for Excellence (CfE). Более подробная информация доступна в информационном бюллетене CfE.

Помимо этого, шотландские власти в 2009 году обеспечили финансовую базу двум важным шотландским организациям, взяв на себя ответственность за их прямое финансирование со стороны Шотландского совета по делам искусств. Это Scots Language Centre и сообщество Scottish Language Dictionaries. С 2016 по 2017 год правительство Шотландии выделило около 400 тысяч фунтов стерлингов на финансирование этих организаций, а также других шотландских проектов.

Отдельно следует сказать об шести организациях, финансируемых в рамках проекта Creative Scotland, также играющего важную роль в популяризации шотландского языка.

Имея ввиду вышесказанное о мерах сохранения, поддержки и развития шотландского языка со стороны властей Шотландии, можно констатировать существенный прогресс в данной этнополитической сфере. Благодаря SNP ситуация очевидно улучшилась в сравнении с периодом нахождения у власти лейбористов и либеральных демократов.

Но и на этом фоне стандартной практикой исполнительной власти Шотландии остается большая приверженность гэльскому языку, чем шотландскому. Просматривается некоторая тенденция представить шотландский язык как несколько устаревшее наследие, антикварный товар, «продаваемый» на политических торгах.

Заключение

Шотландский язык, по всей видимости, воспринимается британскими (и, отчасти, шотландскими) властями, по сути, как дополнение к гэльскому. Хотя некоторые шаги по признанию Scots на европейском, британском и шотландском уровнях представляют собой прогресс, они в

значительной мере ограничены и сосредоточены либо на литературном использовании шотландского языка, либо на исследовании его упадка. Все это формирует очевидную отстраненность в отношении Scots этноязыковой повестке властей.

Нежелание государственных структур Великобритании (и до определенного времени, Шотландии) включить вопрос об использовании шотландского языка в переписи населения свидетельствует об отсутствии в политико-управленческих кругах, сохраняющих дискриминационные колониальные традиции британской политики, стремления к развитию или даже сохранению шотландского языка.

Не вызывает сомнений, что то, что выдается за языковую политику со стороны государственных структур Великобритании, в лучшем случае, плохо продумано, вяло реализуемо и противоречиво, а, в худшем – осознанно дискриминационно. Примечательно, что, хотя гэльский язык и испытал на себе такое отношение британских властей, но именно шотландский язык особенно пострадал. Д. Хорсброх вполне объяснимо еще в начале 2000-х годов предполагал [4; 5] что со стороны Лондона имело место активно враждебное отношение к шотландцам со стороны должностных лиц и представителей властных элит Соединенного Королевства (по крайней мере, некоторых из них).

Но есть и иная сторона вопроса. Положение шотландского языка проблематично в глазах британских законодательных и исполнительных органов власти. Это обусловлено как научными лингвистическими установками (которых многие из представителей власти, несомненно, придерживаются), так и из-за того, что различные социально-политические и управленческие институты Соединенного Королевства, в принципе, неохотно участвуют в дискуссиях о языковой политике и ее планировании. Правящие круги Лондона с определенного момента, все же, вынуждены были начать обращать внимание на этноязыковой фактор, но это в значительной степени объясняется наличием крупного, активного и эффективного языкового движения, потребовавшего перемен, как это было в случае с валлийским языком [1, pp. 160-164]. Как показывают Р. Миллар и С. Вейланд, такого движения, к сожалению, не наблюдалось у шотландцев, и все то, что позитивного начало происходить в языковой политике Шотландии, связано, прежде всего, с шотландскими академическими инициативами и этнополитической повесткой SNP [13].

Тем не менее, сопоставляя подходы к политике в отношении традиционных шотландских языков (особенно, в отношении Scots), мы можем

констатировать, что Эдинбург в последнее десятилетие стал в данном вопросе более принципиальным, демонстрируя этнонациональный шотландский стиль, отличный от дискриминационных политических традиций Лондона. Такое развитие ситуации выглядит вполне логичным, поскольку шотландские политико-управленческие элиты, не могли бесконечно дистанцироваться от значимости этноязыкового фактора как одного из ключевых в многовековом противостоянии шотландцев с англосаксами за национально-территориальную, государственную и культурную независимость Шотландии.

Список литературы / Bibliography

1. Ager D. Ideology and image: Britain and language. Clevedon, UK: Multilingual Matters Ltd. 2003.
2. Aitken A.J. Scottish speech: A historical view with special reference to the standard English of Scotland. In Aitken A. J. & McArthur T. (Eds), Languages of Scotland. Edinburgh: Chambers. 1979. P. 85-118.
3. Fernandez X.V. Asturian: Resurgence and impending demise of a minority language in the Iberian Peninsula. International Journal of the Sociology of Language. 2004. № 170. P. 169-190.
4. Horsbroch D. Mair as a Sheuch Atween Scotland an Ulster: Twa Policie For The Scots Leid? In John Kirk & Donall P. OBaoill (Eds), Language and Politics, Northern Ireland, the Republic of Ireland and Scotland, Belfast: Clo Ollscoil na Banriona. 2000.
5. Horsbroch D. The Executive o Scotland's Langle Apairtheid. In John Kirk & Donall P. OBaoill (Eds), Language Planning and Education: Linguistic Issues in Northern Ireland, the Republic of Ireland, and Scotland. Belfast: CloOllscoil na Banriona. 2002. P. 157-164.
6. Hult F.M. Planning for Multilingualism and Minority Language Rights in Sweden. Language Policy. 2004. № 3. P. 181-201.
7. Kloss H. Abstand languages and Ausbau languages. Anthropological Linguistics. 1967. № 9. P. 29-41.
8. Macafee C.I. The demography of Scots: The lessons of the census campaign. Scottish Language. 2000. № 19. P. 1-44.
9. Macafee C.I. Traditional dialect in the modern world: A Glasgow case study. Frankfurt am Main: Peter Lang. 1994.
10. McClure J.D. Language, poetry and nationhood. East Linton: Tuckwell. 2000.
11. McClure J.D. Scots: Its range of uses. In Aitken A.J. & McArthur T. (Eds), Languages of Scotland. Edinburgh: Chambers. 2023. P. 26-48.
12. Millar R.M. Language, nation and power. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2005.
13. Millar R.M., Weyland S. Language activism and educational policy for Scots (in preparation). 2024.
14. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (Страсбург, 5 ноября 1992 г.) ETS № 148. // URL: <http://komitet2-4.km.duma.gov.ru/Normativnye-pravovye-akty-v-sfere-mezhna/Mezhdunarodnoe-zakonodatelstvo/item/57613/> (Дата обращения: 13.07.2025)
15. Committee of Experts. European charter for regional or minority languages. Application of the charter in the United Kingdom. 2004. – URL: http://www.coe.int/T/E/Legal_Affairs/Local_and_regional_Democracy/Regional_or_Minority_languages/2_Monitoring/2.3_Committee_of_Experts_Reports/UK_1st_report.pdf (Дата обращения: 13.07.2025).
16. Education (Scotland) Act 2016. Acts of the Scottish Parliament. // URL: <https://www.legislation.gov.uk/asp/2016/8/contents/enacted> (Дата обращения: 15 июня 2025).
17. Gaelic Language (Scotland) 2005. Acts of the Scottish Parliament. // URL: <https://www.legislation.gov.uk/asp/2005/7/contents> (Дата обращения: 15 июня 2025).
18. Scottish Executive. Creating our future... ..Minding our past. Scotland's National Cultural Strategy. // URL: <http://www.scottishexecutive.gov.uk/nationalculturalstrategy/docs/cult-00.asp> (Дата обращения: 12.07.2025).
19. Scottish Government. Policy. Languages. Gaelic. // URL: <https://www.gov.scot/policies/languages/gaelic/> (Дата обращения: 15 июня 2025).
20. Scottish Government. Policy. Languages.Scots. // URL: <https://www.gov.scot/policies/languages/scots/> (Дата обращения: 15 июня 2025).
21. Team, National Records of Scotland Web. National Records of Scotland (англ.). National Records of Scotland (31 мая 2013) // URL: <https://webarchive.nrscotland.gov.uk/20241202123823/https://www.nrscotland.gov.uk/> (Дата обращения: 15 июня 2025).

Сулейманов А.Р.

*Кандидат политических наук, доцент
кафедры международных отношений, истории и востоковедения.
Уфимский государственный нефтяной технический университет.*

Постсоветская Евразия в большом евразийском партнёрстве

Постсоветская Евразия, как пространство, возникшее после распада СССР, всегда отличалась сложностью протекающих процессов. Вне контекста общего исторического развития государства, ставшие суверенными в конце XX столетия после крушения одного из двух мировых полюсов, значительно отличались друг от друга.

В тоже время опыт политико-территориального строительства и совместного проживания в лоне одного государства позволил бывшим советским республикам не только осуществить «цивилизационный развод», но и обрести собственную государственность. В этом видится научная состоятельность постсоветской парадигмы, ставшей одним из направлений гуманитарных и социально-экономических исследований.

Директор Объединённого Института оборонных исследований в Дели Б.К. Шарма называет постсоветский регион ареной борьбы крупных игроков, что объясняет, в том числе, расширением НАТО/Европейского союза на Восток, и попытками США включить в западную экосистему страны бывшего СССР [1].

Михалёв А.В. и Рахимов К.К., раскрывая три контура Большой Евразии, пишут про «нестабильное ядро» постсоветского пространства, которое делится и включается в разные интеграционные проекты [2].

По мнению Аваткова В.А. и Евстафьева Д.Г., институциональное развитие постсоветской Евразии связано с тремя факторами: вовлечённостью государств в разнонаправленные геоэкономические процессы, многоуровневостью и наложением ценностей, ростом неэкономических рисков [3].

Авторы полагают, что сегодня требуются новые подходы к институционализации и упорядочиванию интеграционных структур на постсоветском пространстве, что приведёт к установлению межсистемных ком-

муникаций между ними, а также демонтажу фиктивных (но опасных) организаций.

Как написано в статье «Постсоветская Евразия и глобальный институциональный кризис»: «Евразия уже давно созрела для расчистки «управленческого поля» от фиктивно существующих организаций» [3].

Ван Я., изучающий нарративы о Евразии в российском политическом дискурсе, приходит к выводу о разных смыслах этого понятия, которые определены своими географическими рамками. Евразия в контексте евразийской державы и цивилизации (Россия), постсоветского пространства и евразийских интеграционных проектов (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ), Большого евразийского партнёрства (Большая Евразия) [4].

Большое евразийское партнёрство, предложенное ещё десять лет назад как модель «интеграции интеграций», активно разрабатывается на экспертном уровне. По крайней мере, в концептуальном плане. В последние годы публикуются и научные работы по этой тематике. В тоже время сохраняются определённые сложности в понимании устроенности мегарегиона.

По мнению С.А. Караганова, Большое евразийское партнёрство имеет несколько значений, как концепция, движение, общность и пространство [5]. Концепция БЕП задаёт общий вектор сотрудничества. Движение – это путь к новому миропорядку и геοэкономической общности, которая стимулирует сопряжение евразийских проектов. Пространство объединяет разные цивилизации и культурные коды Большой Евразии.

Но какое место в этой модели уделяется постсоветскому фактору? Является ли постсоветская Евразия со своими институтами состоявшейся региональной зоной? И, наконец, постсоветская Евразия – это ядро или периферия Большой Евразии?

Семченков А.С. и Федякин А.В. к атрибутам макрорегиона относят наличие в нём финансово-эмиссионного центра, ядерного оружия, технологического суверенитета, потребительского рынка (300 – 500 млн чел), сырьевой базы и науки [6].

В условиях распада глобального мироустройства и движения к многополярности, действительно, возникают определённые предпосылки к формированию региональных зон, которые в будущем будут составлять макрорегионы [6]. Этот процесс видится наиболее вероятным.

Если развивать эту мысль дальше, то получается, что постсоветская Евразия может выступать одной из таких региональных зон в контексте

Большой Евразии. Интересным видится мнение М.Л. Хазина, который считает, что Россия и дружественные ей постсоветские страны создадут рублёвую валютную зону [7]. Но для этого требуются серьёзные трансформационные изменения и переход евразийской интеграции на совершенно новый уровень.

На сегодняшний день такая картина мира представляется многим сложнопрогнозируемой, требующей, по меньшей мере, более детального концептуального наполнения и общественного разъяснения. В практическом плане речь идёт о «переформатировании» контактов под будущее создание валютных зон.

Региональная валютная зона – это не образование нового государства, хотя определённые политические и правовые атрибуты, безусловно, должны присутствовать.

В рамках Большой Евразии, являющейся самым большим по населению и площади мегарегионом, может существовать несколько региональных валютных зон. Именно в ней складываются наиболее подходящие условия для регионализации, что объясняется глубокой связанностью с мировыми процессами, ресурсными возможностями и отсутствием единого лидера среди государств.

В основе создания региональной зоны должны лежать принципы добрососедства, неделимости безопасности и общей субъектности с точки зрения конкурентного сотрудничества с другими акторами.

При этом у неё должен быть свой центр, обладающий атрибутами макрорегиона и необходимыми ресурсами для поддержания этого статуса. Наличие транспортного и логистического коридора, проходящего через региональную зону, является также важным фактором её состоятельности.

Очевидно, что формирование региональной валютной зоны на просторах постсоветской Евразии сталкивается с множеством трудностей. Но их можно будет преодолеть, если благополучие каждого из государств, входящих в общий региональный формат, удастся рассматривать выше, чем стремление к разностороннему развитию, порождающее споры и соперничество.

Можно предположить, что участвовать в формировании региональной зоны на пространстве постсоветской Евразии, если это и произойдёт, будут не все страны бывшего СССР.

Постсоветский формат представляет собой сложный механизм с точки зрения многовекторности государств, но в то же время наиболее пер-

спективный с учётом накопленного опыта взаимодействия. Кто-то в будущем, вероятнее всего, присоединится к европейскому проекту, а кто-то из восточноевропейских стран, не входивших в Советский союз, наоборот, войдёт в евразийскую зону.

Всё это требует переосмысления постсоветской реальности, пересмотра прежних шаблонов и стереотипов.

В международных отношениях формируется определённый запрос на регионализацию, создание стабильных региональных зон, которые бы не только приумножали имеющиеся возможности у стран, но и защищали от возможных потрясений и кризисов. Поскольку в условиях перехода к многополярности прежние подходы по обеспечению мирового баланса (дипломатические, военные) уже не работают в полной мере, а новые не появились.

Если рассматривать развитие региональной валютной зоны на постсоветском пространстве, то оно идёт по пути институционализации через евразийские интеграционные объединения.

Так в формате Большой Евразии опорными институтами обозначены Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии.

В п. 54 Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года также говорится про сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – Один путь» [8].

В июне 2025 года Высшему Евразийскому экономическому совету был представлен новый проект распоряжения по формированию общего финансового рынка на пространстве ЕАЭС [9], включающий вопросы дальнейшей гармонизации законодательств и рейтингования финансовой отрасли.

В Макроэкономическом докладе 2025 года говорится, что темпы экономического роста государств-участников ЕАЭС уже второй год подряд выше среднемировых. Важную роль в повышении конкурентоспособности евразийских экономик играет концентрация финансовых активов в промышленных проектах [10].

Переход на единую валюту в ЕАЭС пока официально не обсуждается. Мясникович М.В. и Ковалёв В.С. признают, что Евразийский союз ещё не готов к таким изменениям, но при этом акцентируют внимание на необходимости применения новых подходов к расчётам [11].

Ещё в апреле 2025 года переход к использованию национальных валют в торговых операциях в ЕАЭС был завершён. Доминирующий валютой,

на которую приходится около 75% всех расчётов внутри Евразийского союза, является российский рубль [12].

Ставка на Евразийский экономический союз, как одного из опорных институтов Большого евразийского партнёрства, является наиболее обоснованной.

Нельзя не заметить, что в рамках ЕАЭС проводится большая работа по формированию общих рынков, в том числе, финансовых и энергетических. Решение этих принципиальных вопросов, требующее многочисленных компромиссов, приближает страны «евразийской пятёрки» к созданию региональной зоны.

Список литературы:

1. Шарма Б.К. Геополитическая динамика постсоветского пространства // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 22.11.2023 // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/geopoliticheskaya-dinamika-postsovetskogo-prostranstva/> (Дата обращения: 10.07.2025).
2. Михалев А.В., Рахимов К.К. Горизонты будущего языком атомных метафор // Россия в глобальной политике. 2025. № 4. С.167-177.
3. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия и глобальный институциональный кризис // РСМ. 2024. № 3 (124). С.42-58.
4. Ван Я. (Пере)воображая регион: нарративы о «Евразии» в дискурсе В.В. Путина (2011-2024) // Политическая наука. 2025. № 2. С.62-87.
5. Большое евразийское партнёрство: теория и практика. Информационно-аналитический дайджест. – Москва. Июнь 2025 г. 21 с.
6. Семченков А.С., Федякин А.В. Транзитное положение России в условиях формирования мира макрорегионов // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. 2025. № 3. С. 29-40.
7. Мир распадается на новые валютные зоны, считает российский экономист // РИА Новости. 07.03.2023 // URL: <https://ria.ru/20230307/khazin-1856271024.html> (Дата обращения: 12.07.2025).
8. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (Дата обращения: 12.07.2025).
9. Как будут развивать единый финрынок ЕАЭС, рассказали в Москве // Sputnik Казахстан. 25.06.2025 // URL: <https://ru.sputnik.kz/20250625/kak-budut-razvivat-edinyy-finrynok-eaes-obsudili-v-moskve--55083730.html> (Дата обращения: 14.07.2025).
10. Аналитический доклад «О макроэкономической ситуации в государствах-членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития». ЕЭК. – М.: 2025. 47 с.
11. Мясникович М.В., Ковалёв В.С. Новые страницы интеграции в Евразийском экономическом союзе // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 207-218.
12. В ЕАЭС практически завершён переход к использованию нацвалют в торговых операциях // Евразия сегодня. 28.04.2025 // URL: <https://eurasia.today/actual/v-eaes-prakticheskii-zavershen-perekhod-k-ispolzovaniyu-natsvalyut-v-torgovykh-operatsiyakh-/> (Дата обращения: 14.07.2025).

Bibliography

1. Sharma B.K. Geopolitical dynamics of the post-Soviet space // Valdai International Discussion Club. 22.11.2023 // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/geopoliticheskaya-dinamika-postsovetskogo-prostranstva/> (10.07.2025).
2. Mikhalev A.V., Rakhimov K.K. Horizons of the future in the language of atomic metaphors // Russia in global politics. 2025. № 4. P. 167-177.
3. Avakov V.A., Evstafiev D.G. Post-Soviet Eurasia and the global institutional crisis // RSM. 2024. № 3 (124). P. 42-58.
4. Wang Ya. (Re)imagining the Region: Narratives of “Eurasia” in the Discourse of V.V. Putin (2011-2024) // Political

Science. 2025. № 2. P. 62-87.

5. The Greater Eurasian Partnership: Theory and Practice. Information and Analytical Digest. – Moscow. June 2025. 21 p.

6. Semchenkov A.S., Fedyakin A.V. Russia's Transit Position in the Context of the Formation of a World of Macroeconomies // OBSERVER-OBSERVER. 2025. № 3. P. 29-40.

7. The World is Disintegrating into New Currency Zones, Says a Russian Economist // RIA Novosti. 03/07/2023 // URL: <https://ria.ru/20230307/khazin-1856271024.html> (07.12.2025).

8. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (07.12.2025).

9. How the single financial market of the EAEU will be developed, they told in Moscow // Sputnik Kazakhstan. 25.06.2025 // URL: <https://ru.sputnik.kz/20250625/kak-budut-razvivat-edinyi-finrynok-eaes-obsudili-v-moskve--55083730.html> (14.07.2025).

10. Analytical report "On the macroeconomic situation in the member states of the Eurasian Economic Union and proposals to ensure sustainable economic development" EEC. – M.: 2025. 47 p.

11. Myasnikov M.V., Kovalev V.S. New pages of integration in the Eurasian Economic Union // Russia in global politics. 2023. Vol. 21. № 2. P. 207-218.

12. The transition to the use of national currencies in trade operations in the EAEU has almost been completed // Eurasia Today. 28.04.2025 // URL: <https://eurasia.today/actual/v-eaes-prakticheski-zavershen-perekhod-k-ispolzovaniyu-natsvalyut-v-torgovykh-operatsiyakh-/> (14.07.2025).

Нестеров А.О.

Соискатель

Санкт-Петербургского государственного университета.

Кафедра мировой политики, специальность «Международные отношения».

Выстраивание межцивилизационного партнерства БРИКС: анализ деклараций саммитов

Объединение БРИКС - международная организация нового типа, основанная на том, что его страны-участники имеют ряд общих целей и сходных интересов, но при этом сохраняют свою независимость и идентичность. Крупнейшие государства-участники БРИКС являются, если следовать терминологии Хантингтона, стержневыми государствами цивилизаций: **индуистской, синской и православной цивилизации** — Индия, Китай и Россия [6, с. 239]. Остальные государства, входящие в БРИКС, представляют такие основные цивилизации мира, как исламскую, латиноамериканскую и африканскую, являясь влиятельными государствами своих цивилизаций, но не стержневыми государствами. Одной из причин объединения государств-цивилизаций в БРИКС стал «вызов» (определение Тойнби) [2, с. 113] для этих цивилизаций со стороны западной цивилизации. В качестве ответа на этот вызов страны БРИКС формируют конгломерат цивилизаций, выстраивая многостороннее межцивилизационное партнерство.

Заявления деклараций саммитов БРИКС можно разделить на два типа: 1) заявления об общих ценностях и принципах и 2) заявления по конкретным вопросам мировой политики, экономики и проектам сотрудничества. Особенность межцивилизационного партнерства заключается в том, что проекты увязываются с ценностями, которые жизненно важны для цивилизаций, участвующих в диалоге [1]. Ценности цивилизаций конкретизируются в виде предлагаемых решений глобальных проблем и сообщений о проектах сотрудничества в сфере экономики, политики, науки, культуры и спорта.

Цель данной работы - исследовать эволюцию формирования межцивилизационного партнерства путем анализа деклараций саммитов БРИКС за 17 лет, с 2009 по 2025 годы.

Основные ценности экономического развития, которые прослеживаются в декларациях саммитов БРИКС, это справедливость глобальной экономической системы, технологический суверенитет и устойчивое развитие [4]. Эти ценности воплощаются в неизменных заявлениях, от саммита к саммиту, о критике протекционизма и поддержке многосторонней торговли (ВТО), реализации инфраструктурных проектов (особенно в Африке и Латинской Америке), поддержке «зелёной» экономики, но с акцентом на дифференцированную ответственность.

При этом экономическое партнёрство БРИКС эволюционировало от заявлений к конкретным шагам - от требования реформы МВФ к созданию альтернативных институтов (Новый банк развития, Пул валютных резервов) в 2009–2014 годах, к практическим шагам по дедолларизации (расчёты в национальных валютах) в 2015–2020 годах и к принятию мер по углублению экономического (в первую очередь - технологического) суверенитета в 2021-2025 годах (создание спутниковой группировки, развитие искусственного интеллекта, разработка альтернативных платежных систем). Также реализуются проекты сотрудничества в образовании и науке - Сетевой университет БРИКС, совместные исследовательские проекты.

В отношении политического партнерства, в декларациях заявляется о многополярности, что воплощается в поддержке реформы ООН (расширение Совета Безопасности). Такие ценности, как суверенитет и невмешательство, воплощаются в критике санкций и «двойных стандартов» (особенно начиная с 2014 года), в поддержке мирного урегулирования конфликтов (Сирия, Украина, Палестина), в осуждении военных интервенций (Ливия), в защите цифрового суверенитета (заявления о кибербезопасности, начиная с 2015 года, о необходимости регулировании искусственного интеллекта, начиная с 2024 года). Еще один заявленный принцип - солидарности глобального Юга - реализуется в проектах партнерства с Африкой (с 2013 года), а затем в расширении БРИКС (включение Египта, Ирана, Эфиопии, ОАЭ в 2023-2024 годах).

Заявлен принцип инклюзивности в политическом партнерстве. Так, в декларации БРИКС 2010 года критикуется G20 из-за недостаточной инклюзивности. Это проливает свет на одну из причин создания БРИКС - стремление к большей инклюзивности по сравнению с существующими международными организациями, такими как G-20. Фактически, за формулировками об инклюзивности скрывается стремление избежать жесткого давления стран-лидеров западной цивилиза-

ции и обрести реальное право решающего голоса в мировой политике.

В области партнерства БРИКС в сфере культуры заявляется о принципе инклюзивности, который реализуется путем привлечения к участию в сотрудничестве гражданского общества (форумы НКО, Женский деловой альянс).

Реализуются практические меры по поддержке «Альянса цивилизаций» ООН, что выражается в проведении фестивалей, молодежных обменов начиная с 2010 года, в создании сетевого университета (начиная с 2015 года).

Принцип защиты традиционных ценностей подкрепляется поддержкой развития традиционных видов спорта и осуждением героизации нацизма в 2024 году.

Остановимся на особенностях деклараций различных саммитов БРИКС. В декларации Санья 2011 года впервые открыто проявляются противоречия целей и интересов между участниками БРИКС. Так, заявляется, что Бразилия, Китай, Индия и Южная Африка подтверждают приверженность сильной, открытой, основанной на правилах многосторонней торговой системе, воплощением которой является ВТО, и призывают других участников поддержать такой подход. Под «другими участниками», безусловно, подразумевается Российская Федерация, которая на тот момент, в силу наличия преференций для себя в мировой торговле была заинтересована в сохранении статус-кво в мировой торговой системе, в отличие от партнеров по БРИКС.

При этом наличие противоречий между странами-участниками БРИКС в каком-либо вопросе не оказывает разрушительного воздействия на объединение БРИКС в целом, в силу того, что межцивилизационное сотрудничество выстраивается по широкому кругу направлений.

Декларация Санья 2011 года примечательна тем, что в ней заявляется концепция «общего процветания» как альтернатива западной модели глобализации. Термин «общее процветание» имеет долгую историю в политической риторике китайского руководства. Так, в докладе XX съезда Коммунистической партии Китая говорится: «Достижение всеобщего процветания является отличительной чертой социализма с китайской спецификой и требует длительного исторического процесса. Неизменной целью нашей программы модернизации является удовлетворение чаяний людей на лучшую жизнь. Мы будем стремиться поддерживать и продвигать социальную справедливость, приносить процветание всем и не допускать поляризации» [6].

Безусловно, данный термин позаимствован у Китая, что свидетельствует о готовности участников БРИКС делиться своими национальными идеями при выстраивании общей системы ценностей БРИКС.

Этеквинская декларация, принятая на пятом саммите БРИКС в Дурбане (ЮАР) 2013 года сообщает о создании собственного финансового института - Нового банка развития. Банк призван финансировать инфраструктурные проекты в странах БРИКС и других развивающихся государствах.

На практике, НБР стал не альтернативой, а скорее дополнением к существующим мировым финансовым институтам - МВФ и Всемирному банку. Новый банк развития не обладает независимостью в мировой финансовой системе, так, он был вынужден в 2022 году заморозить все свои проекты в Российской Федерации [6].

Этот отказ НБР от сотрудничества с Россией стал, безусловно, наиболее серьезным отступлением БРИКС от провозглашенных ценностей взаимовыгодного сотрудничества и инклюзивности.

В Делийской декларации также заявлено о создании пулов валютных резервов (\$100 млрд).

Этеквинская декларация (5-й саммит БРИКС, 2013 год) примечательна тем, что она сопровождается Этеквинским планом действий, который предусматривает конкретные механизмы сотрудничества в различных сферах - регулярные встречи (министров финансов, торговли, сельского хозяйства, здравоохранения), создание новых структур, таких как Совет экспертных центров БРИКС, Деловой совет БРИКС.

Форталезская декларация, принятая по итогам шестого саммита БРИКС в 2014 году в Бразилии, сообщает о намерении продвигать альтернативные финансовые механизмы (валютные свопы) и о планах по созданию Сетевого университета БРИКС.

Начиная с Форталезской декларации, обостряется политическая риторика. Происходит переход от общих заявлений о многополярности и необходимости реформы глобальных институтов к конкретным политическим требованиям. Так, в Форталезской декларации заявляется о приверженности мирному урегулированию споров в соответствии с принципами и целями Устава ООН, осуждаются односторонние военные интервенции и экономические санкции в нарушение международного права и общепризнанных норм международных отношений.

Уфимская декларация VII саммита БРИКС (2015 года) сообщает о развитии новых механизмов экономического сотрудничества - говорит-

ся о принятии стратегии экономического партнерства, приветствуется прогресс в разворачивании Платформы торгового и инвестиционного сотрудничества в рамках БРИКС и создание Платформы для развития сотрудничества в области электронной торговли в рамках БРИКС.

Заявляется о планах по развитию инфраструктуры (железные дороги, порты, логистика). Говорится о совместных проектах в космосе. Сообщается о создании Сетевого университета БРИКС и Лиги университетов.

Говорится об усилении научно-технического сотрудничества - о взаимодействии в рамках крупных исследовательских инфраструктур, включая определение возможности реализации научных мега-проектов. Приветствуется проведение гражданского, профсоюзного форумов, а также запуск «молодежного измерения» БРИКС.

Декларация Гоа, принятая на VIII саммите БРИКС в Индии, сообщает о создании ряда новых структур БРИКС: рабочих групп БРИКС по противодействию коррупции, по информационным технологиям, по противодействию терроризму, о проведении в Индии первого Конклава молодых ученых БРИКС.

Сотрудничество в сфере культуры получило новое наполнение в виде Кинофестиваля БРИКС.

Сямэньская декларация, принятая на 9-м саммите БРИКС в 2017 году, продолжает темы технологического партнёрства (искусственный интеллект, большие данные, «зелёные» технологии), развития проектов в сфере инфраструктуры (в Африке, Азии, Латинской Америке).

В Сяньмэньской декларации делается упор на медицину и здравоохранение как платформу межкультурного сотрудничества - подчёркивается важность обеспечения развивающихся стран недорогими и качественными медицинскими препаратами, говорится об усилении сотрудничества в борьбе с инфекционными заболеваниями и о создании механизма обмена опытом в сфере традиционной медицины. Тем самым БРИКС формирует альтернативную модель глобального здравоохранения.

В сфере культуры заявлено о создании альянсов музеев, библиотек, театров. Развиваются молодёжные обмены, научные форумы.

Йоханнесбургская декларация, принятая на 10-м саммите БРИКС в 2018 году, заявляет о таких проектах сотрудничества, как развитие сетей научных парков и технологических инкубаторов для поддержки инноваций. Сообщается о создании Центра БРИКС по исследованию вакцин, Платформы экологически чистых технологий БРИКС, а также про-

граммы по очистке рек и устойчивому сельскому хозяйству. Тем самым БРИКС продолжает продвигать сбалансированный подход к экологии, учитывающий интересы развивающихся стран.

Декларация Бразилиа (XI саммит БРИКС, 2019 год) сообщает о создании Сети инновационных исследований БРИКС и Платформы энергетических исследований. Также сообщается о проектах поддержки малого бизнеса и женщин, в частности, о создании Женского делового альянса.

Московская декларация XII саммита БРИКС 2020 года сообщает о создании Центра БРИКС по разработке вакцин и Энергетической платформы БРИКС. Говорится о расширении Нового банка развития. Сообщается о разработке Стратегии экономического партнёрства до 2025 года и Дорожной карты энергетического сотрудничества до 2025 года. Объявляется о новых формах институционального развития БРИКС: это парламентское сотрудничество (форумы парламентариев и молодых депутатов), сотрудничество в правовой сфере (Форум председателей Верховных судов), создание антикоррупционной рабочей группы. Сообщается о проведении V Кинофестиваля БРИКС, Форума породнённых городов, II Муниципального форума, о создании Рабочей группы БРИКС по культуре. Подписан Меморандум о сотрудничестве в спорте (с планами проводить ежегодные Спортивные игры БРИКС). Новое развитие получили молодежные инициативы - сообщается о проведении Молодёжного саммита, Форума молодых учёных, онлайн-олимпиады BRICSMATH.COM.

Декларация XIII саммита БРИКС в Нью-Дели (2021 года) сообщает о принятии Плана действий по инновационному сотрудничеству на 2021–2024 годы, а также о создании Платформы цифровых общественных благ для обмена технологиями. Также сообщается о создании Альянса БРИКС по «зелёному» туризму и об основании виртуального Центра БРИКС по разработке вакцин. Заявляется о принятии Антитеррористической стратегии БРИКС, с акцентом на кибербезопасность и борьбу с радикализацией.

Сообщается о планах по созданию рабочих групп по культурному наследию.

Декларация XV саммита БРИКС 2023 года (Йоханнесбургская декларация-II) сообщает о продолжении успешного сотрудничества недавно созданной спутниковой группировки БРИКС. Сообщается о расширении БРИКС путем вступления в БРИКС ряда стран Африки, Ближнего Восто-

ка и Латинской Америки - Аргентины, Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии и Эфиопии. Говорится о создании новых рабочих групп (по ядерной медицине, цифровой экономике, международным медико-санитарным правилам).

Сообщается о формате «БРИКС+», который позволяет вовлекать другие развивающиеся страны без полноценного членства. Такой подход контрастирует с закрытыми мировыми клубами, такими как G7.

В декларации 2023 года вновь проявляется несовпадение мнений стран БРИКС - например, позиции по Украине. Такое несовпадение заметно в связи с предельно краткой формулировкой пункта 19, касающегося ситуации на Украине, где заявлено лишь, что страны вновь обозначили свои национальные позиции в отношении ситуации на Украине и вокруг нее, и поддерживают мирные инициативы, в том числе лидеров африканских стран.

В плане культурного сотрудничества заметно структурирование взаимодействия - объявлено о создании Молодежного совета БРИКС и Совета по спорту. Приветствуется разработка Рамочного соглашения о создании Молодежного совета БРИКС.

Казанская декларация XVI саммита БРИКС (2024) сообщает об усилении сотрудничества в сфере сельского хозяйства. Так, приветствуется инициатива российской стороны по созданию в рамках БРИКС зерновой (сырьевой) торговой площадки (Зерновой биржи БРИКС) и ее последующему развитию. Продолжается развитие сотрудничества в сфере цифровой экономики, в частности, в создании общих стандартов безопасности информационных технологий. Сообщается о деятельности Рабочей группы БРИКС по антитеррору (РГАТ) и ее пяти подгрупп на основе Антитеррористической стратегии БРИКС и Плана действий БРИКС по борьбе с терроризмом.

Сообщается об инициативе BRICS Clear, которая направлена на создание независимой расчетно-депозитарной инфраструктуры, что снизит зависимость от западных систем (SWIFT). Объявляется о создании исследовательской группы по искусственному интеллекту.

Приветствуется расширение Сетевого университета БРИКС и сфер его исследовательской деятельности. Приветствуется деятельность Исследовательской сети БРИКС по туберкулезу, сообщается о создании Рабочей группы по ядерной медицине.

Осуждается политизация прав человека, в числе прав человека особо выделяется право на развитие. Это демонстрирует неудовлетворенность

стран БРИКС неравными возможностями для развивающихся стран.

Декларация, принятая на XVII саммите БРИКС в Бразилии, Рио-де-Жанейро примечательна тем, что в ее рамках была принята отдельная декларация по управлению искусственным интеллектом с акцентом на снижение рисков и инклюзивность [2].

Также говорится о создании партнёрства БРИКС по борьбе с социальными заболеваниями. Приветствуется создание платформы БРИКС по культурным и креативным индустриям. Сообщается о принципиальном согласии учредить космический совет БРИКС. Признается важность дальнейшей проработки инициативы по созданию площадки БРИКС для торговли зерном (Зерновой биржи БРИКС).

В плане политической координации, декларация 2025 года более конкретна в призыве к реформе Совета Безопасности ООН - Китай и Россия подтверждают поддержку членства Бразилии и Индии в СБ ООН.

Делается акцент на продвижении неолимпийских и национальных видов спорта, что подчёркивает стремление выйти за рамки сформированной в западном мире системы сотрудничества в спорте.

Подводя итог, БРИКС призывает к реформам существующих международных институтов, создает новые институты по сотрудничеству в сфере финансов, здравоохранения и науки, выстраивает сети горизонтальных связей между организациями и регионами стран объединения. Такой подход может стать основой для нового типа международных отношений, где различные цивилизации сотрудничают на принципах взаимного уважения и общей выгоды. При этом требуют дальнейшего исследования дорожные карты инициатив БРИКС в плане их реализуемости.

В выстраивании междцивилизационного партнерства, БРИКС сталкивается с рядом неудачам, таких как разногласия по отношению к мировой торговле, ситуации на Украине, отказ Нового банка развития продолжать проекты в России. Будущее БРИКС во многом будет зависеть от способности стран-участниц объединения преодолеть разногласия и решить силами БРИКС ряд мировых проблем, например, проблему неравенства в доступе к технологиям либо урегулировать военные конфликты (на Украине, в Палестине).

Список литературы:

1. Аванесова Г.А. Междцивилизационные взаимодействия в условиях глобализации. // URL: <https://spkurdyumov.ru/globalization/mezhcivilizacionnye-vzaimodejstviya-v-usloviyah-globalizacii/?ysclid=mdh0jxnws623326092> (Дата обращения: 03.08.2025).
2. Декларация Рио-де-Жанейро, Бразилия 6 июля 2025 года. // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/>

gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (Дата обращения: 03.08.2025).

3. Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. Саммиты и документы. // URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs> (Дата обращения: 03.08.2025).

4. Тойнби А.Дж. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991.

5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Астрель, 2011.

6. A statement by the New Development Bank. // URL: <https://www.ndb.int/news/a-statement-by-the-new-development-bank/> (Дата обращения: 03.08.2025).

7. Full text of the report to the 20th National Congress of the Communist Party of China. // URL: <https://www.idcpc.org.cn/english2023/tjzl/cpcjj/20thPartyCongrssReport/> (Дата обращения: 03.08.2025).

Bibliography

1. Avanesova G.A. Intercivilizational interactions in the context of globalization. // URL: <https://spkurdyumov.ru/globalization/mezhcivilizacionnye-vzaimodejstviya-v-usloviyax-globalizacii/?ysclid=mdh0jxnvws623326092> (03.08.2025).

2. Declaration of Rio de Janeiro, Brazil, July 6, 2025. // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArk-Wauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf> (03.08.2025).

3. National Committee on BRICS Research, Russia. Summits and documents. // URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs> (03.08.2025).

4. Toynbee A.J. Understanding History. – M.: Progress, 1991.

5. Huntington S. Clash of Civilizations. – M.: Astrel, 2011.

6. A statement by the New Development Bank. // URL: <https://www.ndb.int/news/a-statement-by-the-new-development-bank/> (03.08.2025).

7. Full text of the report to the 20th National Congress of the Communist Party of China. // URL: <https://www.idcpc.org.cn/english2023/tjzl/cpcjj/20thPartyCongrssReport/> (03.08.2025).

Баранов А.Н.

*Магистр международных отношений. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.
ORCID: 0009-0000-5194-9222 ; SPIN-код: 3636-5884*

Лига арабских государств как перспективный центр силы многополярного миропорядка

Введение

2022 год стал годом серьезных потрясений для существующего миропорядка, «основанного на правилах». Во-первых, Российская Федерация, отстаивая свои интересы, защищая население Донецкой и Луганской народных республик и выражая несогласие с проводимой «неоколониальной» [4] политикой стран Коллективного запада, 24 февраля 2022 года начала Специальную военную операцию. Во-вторых, последовавшая за этим реакционная политика западных держав привела к беспрецедентному санкционному давлению на Россию – более 15 000 санкций с 22 февраля 2022 года [22]. В-третьих, в странах Евросоюза и США началась комплексная анти-российская кампания, включившая в себя буквальную «отмену» русской культуры и «демонизацию» образа России как государства, в сложившихся обстоятельствах, существующие при текущем мироустройстве институты, такие как СПЧ ООН и Совет Европы показали свою ангажированность [5] относительно России. Как следствие, в российском экспертном и политическом сообществе активизировались дискуссии о перспективной реорганизации миропорядка, на новых более справедливых основах – построении нового полицентричного или многополярного порядка. Например, российский политолог, С.А. Караганов отметил, что «Общемировой смысл схватки на Украине – возвращение мировому большинству, которое раньше подавляли и грабили, культурно унижали, – свободы, достоинства и самостоятельности. И, конечно, справедливой доли в мировом богатстве» [2]. Из этого следует, что одной из моделей построения нового многополярного мира, является повышение уровня субъектности «мирового большинства», возможно, при помощи уже существующих макрорегиональных институтов.

Самым влиятельным макрорегиональным институтом на Ближнем Востоке является Лига арабских государств (ЛАГ), членами которой яв-

ляются 22 арабских государства Ближнего Востока и неарабские страны, в которых арабский язык обладает официальным статусом [28]. Российские востоковеды считают ЛАГ институтом, сформировавшим единую арабскую идентичность [6, с. 232], единственной реально действующей в кризисных ситуациях структурой [7, с. 141], однако наблюдается недостаток работ, анализирующих порядкоформирующую способность данного института. Таким образом, автор настоящего исследования стремится восполнить возникшую лакуну.

ЛАГ как крупнейший институт Ближневосточного макрорегиона

История Лиги арабских государств как региональной организации восходит к октябрю 1944 года – 7 октября Предварительный комитет Генеральной арабской конференции, возглавляемый премьер-министром и министром иностранных дел Египта Мустафой аль-Наххас Пашой, заключил «Александрийский пакт». Представители Сирии, Трансиордании, Ирака, Ливана и Египта согласовали формирование Лиги арабских государств и определили ее будущее, как организации, консолидирующей арабский мир в вопросах экономики, политики и палестинского вопроса [22]. Затем, 22 марта 1945 года, между правителями Сирии, Трансиордании, Ирака, Саудовской Аравии, Ливана, Египта и Йемена был заключен Пакт Лиги арабских государств [23]. В дальнейшем к ЛАГ присоединились Алжир (1962), Бахрейн (1971), Коморские острова (1993), Джибути (1977), Кувейт (1961), Ливия (1953), Мавритания (1973), Марокко (1958), Оман (1971), Катар (1971), Сомали (1974), Южный Йемен (1967), Судан (1956), Тунис (1958) и Объединенные Арабские Эмираты (1971). Основной целью ЛАГ была обозначена совместная координированная работа по защите и выдвигению интересов стран-участниц и арабского мира в целом [23]. Для этого государства обозначили 6 пунктов сотрудничества [23]:

- 1) Экономическое и торговое сотрудничество;
- 2) Развитие общей коммуникационной и логистической сети;
- 3) Вопросы культуры;
- 4) Вопросы, связанные с национальностью, визами, судами и экстрадицией осужденных;
- 5) Вопросы социального благополучия;
- 6) Вопросы здравоохранения.

В то же время, организация испытывала определенные трудности в области принятия консолидированных решений, не только ввиду раз-

личной геополитической ориентированности, но и ввиду того, что Лига относительно слаба в плане влияния на политику стран-членов, предоставления общественного блага или реализации коллективных решений [14]. Например, Лига, не смогла выработать единый план действий относительно ряда крупных региональных конфликтов: вторжения Ирака в Кувейт в 1990 году, затем, войну в Заливе и вторжение в Ирак в 2003 году. Аналогично, показательным является провал плана ЛАГ по прекращению огня в Сирии. Тем не менее необходимо отметить, что в 2015 году, у Лиги не возникло трудностей в обосновании начала военных действий против группировки «Ансар Аллах» в Йемене [17].

С другой стороны, по оценкам генерального секретаря Лиги Амр-Мусы (2001-2011 гг.) «наиболее эффективная работа Лиги проводилась в экономических, административных и социальных институтах» [9], организации удалось создать сильную интеграционную платформу и, несмотря на ряд неудач в политической деятельности, ей удалось «достичь конкретных результатов» [9] в этих направлениях. Рассмотрим подробнее экономические и социальные направления деятельности института.

Экономическое направление

Как отмечалось выше, экономическое направление, было основным с момента основания Лиги, однако первым серьезным продвижением на данном треке стал Договор о «Совместной обороне и экономическом сотрудничестве Лиги арабских государств», подписанный 17 июня 1950 года в Каире членами Лиги [24]. Согласно договору, в организации было создано два важных института: Объединенный совет обороны и Экономический совет, в данный момент называющийся Экономический и социальный совет. На платформе Экономического совета 3 июня 1957 года было заключено Соглашение об Арабском экономическом единстве, вступившее в силу в 1964 году [11]. Соглашение устанавливало свободную торговлю, свободное перемещение капитала и людей, свободу транзита по суше, воде и воздуху, а также свободу трудоустройства среди стран-участниц [11]. Таким образом, уже ко второй половине прошлого века у ЛАГ была работоспособная платформа для поддержки панарабских торговых отношений. Следующим достижением в области экономического сотрудничества стало заключение 27 февраля 1981 года «Соглашения о содействии и развитии торговли между арабскими странами» [11], предопределившее создание уже в 1997 году «Большой арабской зоны свободной торговли» («Greater Arab Free Trade

Area» GAFTA). В настоящее время GAFTA является основным и сильнейшим региональным экономическим институтом, с совокупным ВВП ППС (по состоянию на 2019 год) равным 7,649 триллионам долларов. В зону свободной торговли входит 18 стран ЛАГ и 4 государства-кандидата. Доминирующими направлениями торговли между странами GAFTA являются минеральное топливо, промышленные товары, химикаты и продукция сельскохозяйственной отрасли [25]. Так, же стоит отметить, что торговые отношения в рамках GAFTA и ЛАГ развиваются, внутренняя торговля растет [13], а перспективное включение в зону свободной торговли кандидатов расширит торговый потенциал и позволит выйти на новые рынки Африки [19].

Торгово-экономическая политика внутри Лиги арабских государств и организованных в её рамках институтов, к настоящему времени показывает тенденции к активному росту. С другой стороны, существуют факторы, не позволяющие, внутренней торговле ЛАГ дойти до уровня ЕС. Во-первых, в Лиге существует огромный разрыв между самой богатой и самой бедной страной по номинальному ВВП на душу населения: ОАЭ – 43 537 долларов и Мавритания - 2166 долларов. Во-вторых, основным торговым ресурсом для ЛАГ является ископаемое топливо, рынок которого характеризуется высокой волатильностью и, зачастую, зависит от внешних факторов. Тем не менее, экономические форварды ЛАГ в лице Египта, Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара реализуют свои программы «Видение 2030», направленные на снижение зависимости экономики от нефтепродуктов.

Социальное направление

Основой успешного социального развития является образование. Под эгидой Лиги арабских государств с 1970 года работает Организация Лиги арабских государств по вопросам образования, культуры и науки (The Arab League Educational, Cultural and Scientific Organization (ALEC-SO)). В Организацию, основными целями которой являются содействие в развитии образования, человеческих ресурсов, культуры, науки, продвижение арабского языка и арабо-исламской культуры, а также наведение мостов диалога с другими культурами [8], входят все государства ЛАГ. В 2010 году в Дохе (Катар) был проведен форум, результатом которого стала «Дохинская декларация о качественном образовании для всех». Декларация включила в себя рекомендации по организации образовательного процесса, запрос на поддержку от ЮНЕСКО, а также поста-

вила задачу по организации доступа к качественному образованию без дискриминации [16]. На момент принятия Дохинской декларации арабский мир достиг существенных успехов в области образования: увеличился более чем в четыре раза средний уровень школьного образования для лиц старше 15 лет с 1960 года, вдвое сократилась неграмотность в период с 1980 по 2003 год и был достигнут почти полный гендерный паритета в начальном образовании [20]. В области высшего образования ALECSO содействует студенческому обмену внутри ЛАГ, а также развивает научный потенциал университетов арабского мира.

К социальной сфере относится в том числе и гуманитарная помощь населению бедных стран и стран пострадавших в чрезвычайных ситуациях. Основным направлением гуманитарной помощи для всех государств-членов Лиги является Палестина, проблемы которой, являются проблемами всего арабского мира. Помимо поддержки Палестины, богатейшие страны макрорегиона оказывают гуманитарную помощь беднейшим, например, в ноябре 2022 года, центр гуманитарной помощи короля Саудовской Аравии KSRelief направил 140 тонн продуктовых корзин в Сомали [18]. Пример с Сомали не является исключением: KSRelief регулярно направляет помощь беженцам из Сирии и Палестины. В настоящее время невозможно оставить без внимания трагические события 6 февраля 2023 года. Землетрясение на юго-востоке Турции с магнитудой в 7,8 баллов унесло более 54 тысяч человек, а также нанесло повреждения более чем на 84 миллиарда долларов. Катастрофа не оставила в стороне север Сирии: погибло 8476 человек [29]. Также нельзя не отметить и участие ЛАГ в попытках урегулировать текущий палестино-израильский конфликт: 31 июля 2025 г. страны выступили на площадке ООН с совместным заявлением по скорейшему завершению конфликта и разоружению ХАМАС, осудив нападение движения сопротивления 7 октября 2023 г [27]. Лига арабских государств, также, несмотря на сложные отношения с Сирией при Б.Ассаде, направляла гуманитарную помощь на протяжении 12 лет [15].

Российский вектор внешней политики ЛАГ

Как отмечалось ранее, Лига арабских государств сложилась из государств с разными геополитическими ориентирами. Несмотря на свою де-юре независимость, разные страны арабского мира входили в разные сферы влияния, например, Египет, Сирия, Алжир, Йемен входили в зону влияния Советского союза, а Иордания, Саудовская Аравия, Арабские

эмираты относились в большей степени к западному блоку. Исходя из этого, Лига арабских государств в своих решениях и проводимой блоковой политике придерживалась многовекторности. Окончание холодной войны и последовавший за ним период американской гегемонии временно переориентировал политику арабского региона в свою сторону. В тоже время американская внешняя политика стала приобретать неоколониальный характер, выражающийся в превращении суверенных государств в своих сателлитов, посредством влияния на проводимую внутреннюю политику, дестабилизации региона и санкционного давления. Вместе с этим на международной арене начали возвышаться новые центры силы – Российская Федерация, оправившаяся от потрясений после развала СССР, и КНР, активно развивающая внешнюю торговлю и заинтересованная в поиске новых партнеров. В таких условиях сугубо западная ориентированность Лиги арабских государств перестала являться единственно верным решением.

Отдельно необходимо рассмотреть российский вектор внешней политики ЛАГ. Так, Российская Федерация унаследовала от Советского Союза не только репутацию «второй сверхдержавы», но и прекрасную школу подготовки специалистов-ближневосточников. Российские дипломаты и эксперты способствовали восстановлению дипломатических отношений с Саудовской Аравией, сохранили стратегическое партнерство с Египтом и Алжиром, наладили дружеские отношения со странами Персидского залива и достигли значительного успеха в области реформирования советского наследия и защиты национальных интересов.

Успешный опыт России в проведении Сирийской кампании показал странам региона, что она способна выступать гарантом суверенитета [10], что она готова бросить вызов Соединенным Штатам и, что самое главное, сделать это успешно. Так, несмотря на международные санкции, наблюдается стабильный рост товарооборота со странами региона [1]. Исходя из этого, начавшаяся 24 февраля Специальная военная операция не повлияла на взаимоотношения России и Лиги арабских государств: ЛАГ заняла сдержанную позицию по конфликту, сохранив формат Российско-арабского форума сотрудничества [3], и, не присоединившись к санкционному давлению [12]. Сохранилась работоспособность формата ОПЕК+, усилиями которого был стабилизирован рынок нефтепродуктов в самом начале энергетического кризиса, что несомненно является достижением в области сотрудничества.

В результате российско-арабские отношения в условиях глобальной

нестабильности не только не ослабли, но и в некоторых аспектах, таких как торговля нефтепродуктами, укрепились.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Лига арабских государств представляет собой значимый макрорегиональный институт, обладающий существенным потенциалом в контексте формирования многополярного миропорядка. Анализ деятельности ЛАГ демонстрирует её способность к созданию эффективных интеграционных механизмов, особенно в экономической и социальной сферах, что подтверждается успешным функционированием Большой арабской зоны свободной торговли и развитием образовательных и гуманитарных программ под эгидой организации.

Несмотря на определенные ограничения в области политической координации и принятия консолидированных решений по ряду региональных конфликтов, ЛАГ продолжает выступать в качестве платформы для выражения коллективных интересов арабского мира. Экономические достижения организации, включая создание зоны свободной торговли с совокупным ВВП более 7,6 триллионов долларов, свидетельствуют о её способности генерировать реальные интеграционные эффекты, хотя и в условиях существенных структурных диспропорций между странами-участницами.

Особую значимость приобретает российский вектор внешней политики ЛАГ в контексте трансформации глобального порядка. Сохранение и укрепление российско-арабского сотрудничества в условиях западного санкционного давления демонстрирует стремление арабских государств к диверсификации международных партнерств и отход от моноцентричной модели международных отношений. Это подтверждает гипотезу о возрастающей роли региональных институтов в качестве альтернативных центров влияния в формирующейся полицентричной системе международных отношений.

Таким образом, ЛАГ может рассматриваться как один из элементов складывающейся архитектуры многополярного мира, способный содействовать повышению субъектности «мирового большинства» через механизмы региональной интеграции и многовекторной внешней политики. Дальнейшее исследование порядкоформирующего потенциала данного института требует углубленного анализа его взаимодействия с другими центрами силы в условиях продолжающейся трансформации международной системы.

В заключение необходимо отметить, что даже при имеющихся в организации проблемах бедности, проблемах консолидации в области политических проблем, ЛАГ имеет очень высокий потенциал на становление центром Ближневосточного макрорегиона: во-первых, ввиду способности поддерживать параллельные партнерские отношения с геополитическими противниками, во-вторых, ввиду грамотных инициатив в области социально-гуманитарной деятельности, охватывающих не только культурные и религиозные, но и образовательные сферы, и, наконец, в-третьих, ввиду авторитета организации, как самого макро-регионального института.

Список литературы:

1. Ближний Восток – самое перспективное направление для экспорта продукции АПК. Новости Российского экспорта. // URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/blizhniy-vostok-samoe-perspektivnoe-napravleniye-dlya-eksporta-produktsii-apk/ (Дата обращения: 08.08.2025).
2. Караганов С.А. Мы наблюдаем появление нового мира в момент его создания // Российская Газета. 26.10.2022. // URL: <https://rg.ru/2022/10/26/osypavshisja-mir-uroki-na-budushchee.html> (Дата обращения: 08.08.2025).
3. Лавров рассказал контактной группе Лиги арабских государств о ситуации на Украине. // URL: <https://tass.ru/politika/15841329> (Дата обращения: 08.08.2025).
4. Лавров: Россия отвергает навязанный Западом неоколониальный порядок // РИА Новости. 27.08.2022. // URL: <https://ria.ru/20220827/lavrov-1812500712.html?ysclid=leyfyn14e078503665> (Дата обращения: 08.08.2025).
5. Международные организации ангажированы к России, заявил Путин // РИА Новости. 07.12.2022. // URL: <https://ria.ru/20221207/rossiya-1837003817.html?ysclid=leyh9ojf3p182538636> (Дата обращения: 08.08.2025).
6. Мелкумян Е.С. Роль Лиги арабских государств в структурировании арабского регионального пространства // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 5. С. 220-235. // URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-220-235>
7. Молодцова М.А. Деятельность Лиги арабских государств в области поддержания международного мира и безопасности // Московский журнал международного права. 2002. № 2. С. 127-142. // URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2002-2-127-142>
8. Общие данные – Организация Лиги арабских государств по вопросам образования, культуры и науки. // URL: <https://web.archive.org/web/20171130210005/http://www.alecso.org/site/alecso-about/2015-04-01-12-43-08.html> (Дата обращения: 08.08.2025).
9. Региональная интеграция развивающихся стран. Интервью с Генеральным секретарем ЛАГ (2001-2011 гг.) Амр Мусой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 144-149.
10. Россия после Сирии. О роли страны на международной арене – Клуб «Валдай». // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-posle-sirii/> (Дата обращения: 08.08.2025).
11. Agreement For Economic Unity Among Arab League States (1957) - Electronic Database of Investment Treaties (EDIT). // URL: <https://edit.wti.org/app.php/document/show/a89bb360-a927-430a-9a00-4268cdc81330> (Дата обращения: 08.08.2025).
12. Arabs and the Silent Support for Russia – Valdai Club. // URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/arabs-and-the-silent-support-for-russia/> (Дата обращения: 08.08.2025).
13. Arab States Call for Hamas to Disarm Amid Push for a Palestinian State// The New York Times. 31.07.2025. // URL: <https://www.nytimes.com/2025/07/31/world/middleeast/hamas-arab-states-palestinians.html> (Дата обращения: 08.08.2025).
14. Assessing Intra-Arab Trade Integration and Potential: Evidence from the Stochastic Frontier Gravity Model. // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/08853908.2022.2029725> (Дата обращения: 08.08.2025).
15. Barnett M., Solingen E. Designed to fail or failure of design? The origins and legacy of the Arab League // In: Johnston A.I., Acharya A. (eds.). Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 180-220.
16. Disaster Dynamics: Assessing Middle East Responses to the Turkey-Syria Earthquake and Other Destructive Events // The Washington Institute. // URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/disaster-dynamics-assessing-middle-east-responses-turkey-syria-earthquake-and-other> (Дата обращения: 08.08.2025).

17. Doha declaration on quality of education for all In Arabic - Translation and Meaning in English Arabic Dictionary of All terms Page 1. // URL: <https://www.almaany.com/en/dict/ar-en/doha-declaration-on-quality-of-education-for-all/> (Дата обращения: 08.08.2025).
18. Final Communique of the 26th Arab League Summit | The Embassy of The Kingdom of Saudi Arabia. // URL: <https://www.saudiembassy.net/statements/final-communique-%E2%80%8E26th-arab-league-summit> (Дата обращения: 08.08.2025).
19. KSRelief continues aid efforts in Somalia, Jordan and Pakistan // Arab News. // URL: <https://www.arabnews.com/node/2201286/saudi-arabia> (Дата обращения: 08.08.2025).
20. League of Arab States' regional integration opportunities for trade and employment executive summary. // URL: https://www.arabdevelopmentportal.com/sites/default/files/publication/432.league_of_arab_states_regional_integration_opportunities_for_trade_and_employment.pdf (Дата обращения: 08.08.2025).
21. Ministerial Colloquium on Quality of Education: The Doha Declaration // World Bank. // URL: <https://www.world-bank.org/en/news/speech/2010/09/21/ministerial-colloquium-quality-education-doha-declaration> (Дата обращения: 08.08.2025).
22. Sanctions Tracker - Live monitoring of all sanctions against Russia // correctiv.org. // URL: <https://correctiv.org/en/latest-stories/2022/03/01/sanctions-tracker-live-monitoring-of-all-sanctions-against-russia/?lang=en> (Дата обращения: 08.08.2025).
23. The Avalon Project: The Alexandria Protocol; October 7, 1944. // URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/alex.asp (Дата обращения: 08.08.2025).
24. The Avalon Project: Pact of the League of Arab States, March 22, 1945. // URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/arableag.asp (Дата обращения: 08.08.2025).
25. The Avalon Project: Treaty of Joint Defense and Economic Cooperation Between the States of the Arab League, June 17, 1950. // URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/arabjoin.asp (Дата обращения: 08.08.2025).
26. The Greater Arab Free Trade Area (GAFTA): An estimation of trade effects. // URL: https://www.researchgate.net/publication/227489321_The_Greater_Arab_Free_Trade_Area_GAFTA_An_estimation_of_trade_effects (Дата обращения: 08.08.2025).
27. 1981 "Agreement to Facilitate and Develop Trade Among Arab Countries". // URL: http://www.economy.gov.lb/sites/default/files/3635_6707_7295.pdf (Дата обращения: 08.08.2025).
28. In the past // URL: <http://www.lasportal.org/ar/aboutlas/Pages/CountryData.aspx> (Дата обращения: 08.08.2025).
29. As a preliminary toll... the death toll of Syrian victims buried inside Syrian territory has risen to 8,476 // Syrian Observatory for Human Rights. // URL: <https://www.syriahr.com/%D9%83%D8%AD%D8%B5%D9%8A%D9%84%D8%A9-%D8%BA%D9%8A%D8%B1-%D9%86%D9%87%D8%A7%D8%A6%D9%8A%D8%A9-%D8%A7%D8%B1%D8%AA%D9%81%D8%A7%D8%B9-%D8%AD%D8%B5%D9%8A%D9%84%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D9%80-%D9%80%D8%B6/589292/> (Дата обращения: 08.08.2025).

Bibliography

1. The Middle East is the most promising direction for agricultural exports. Russian Export News. // URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/blizhniy-vostok-samoe-perspektivnoe-napravlenie-dlya-eksporta-produkt-sii-apk/ (08.08.2025).
2. Karaganov S.A. We are witnessing the emergence of a new world at the moment of its creation // Rossiyskaya Gazeta. 10.26.2022. // URL: <https://rg.ru/2022/10/26/osypavshij-sia-mir-uroki-na-budushchee.html> (08.08.2025).
3. Lavrov told the Arab League contact group about the situation in Ukraine. // URL: <https://tass.ru/politika/15841329> (08.08.2025).
4. Lavrov: Russia rejects the neocolonial order imposed by the West // RIA Novosti. 08/27/2022. // URL: <https://ria.ru/20220827/lavrov-1812500712.html?ysclid=leyfyn14e078503665> (08/08/2025).
5. International organizations are committed to Russia, Putin said // RIA Novosti. 12/07/2022. // URL: <https://ria.ru/20221207/rossiya-1837003817.html?ysclid=leyh9ojf3p182538636> (08/08/2025).
6. Melkumyan E.S. The role of the League of Arab States in structuring the Arab regional space // Bulletin of MGI-MO-University. 2020. Vol. 13. № 5. P. 220-235. // URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-220-235>
7. Molodtsova M.A. Activities of the League of Arab States in the Field of Maintaining International Peace and Security // Moscow Journal of International Law. 2002. № 2. P. 127-142. // URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2002-2-127-142>
8. General information - Arab League Educational, Cultural and Scientific Organization. // URL: <https://web.archive.org/web/20171130210005/http://www.alecso.org/site/alecso-about/2015-04-01-12-43-08.html> (08.08.2025).
9. Regional integration of developing countries. Interview with the Secretary General of the Arab League (2001-2011) Amr Moussa // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2017. Vol. 17. № 1. P. 144-149.
10. Russia after Syria. On the country's role in the international arena - Valdai Club. // URL: <https://ru.valdaiclub>

com/a/highlights/rossiya-posle-sirii/ (08.08.2025).

11. Agreement For Economic Unity Among Arab League States (1957) - Electronic Database of Investment Treaties (EDIT). // URL: <https://edit.wti.org/app.php/document/show/a89bb360-a927-430a-9a00-4268cdc81330> (08.08.2025).
12. Arabs and the Silent Support for Russia – Valдай Club. // URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/arabs-and-the-silent-support-for-russia/> (08.08.2025).
13. Arab States Call for Hamas to Disarm Amid Push for a Palestinian State// The New York Times. 31.07.2025. // URL: <https://www.nytimes.com/2025/07/31/world/middleeast/hamas-arab-states-palestinians.html> (08.08.2025).
14. Assessing Intra-Arab Trade Integration and Potential: Evidence from the Stochastic Frontier Gravity Model. // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/08853908.2022.2029725> (08.08.2025).
15. Barnett M., Solingen E. Designed to fail or failure of design? The origins and legacy of the Arab League // In: Johnston A.I., Acharya A. (eds.). *Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 180-220.
16. Disaster Dynamics: Assessing Middle East Responses to the Turkey-Syria Earthquake and Other Destructive Events // The Washington Institute. // URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/disaster-dynamics-assessing-middle-east-responses-turkey-syria-earthquake-and-other> (08.08.2025).
17. Doha declaration on quality of education for all In Arabic - Translation and Meaning in English Arabic Dictionary of All terms Page 1. // URL: <https://www.almaany.com/en/dict/ar-en/doha-declaration-on-quality-of-education-for-all/> (08.08.2025).
18. Final Communique of the 26th Arab League Summit | The Embassy of The Kingdom of Saudi Arabia. // URL: <https://www.saudiembassy.net/statements/final-communique-%E2%80%8E26th-arab-league-summit> (08.08.2025).
19. KSRelief continues aid efforts in Somalia, Jordan and Pakistan // Arab News. // URL: <https://www.arabnews.com/node/2201286/saudi-arabia> (08.08.2025).
20. League of Arab States' regional integration opportunities for trade and employment executive summary. // URL: https://www.arabdevelopmentportal.com/sites/default/files/publication/432.league_of_arab_states_regional_integration_opportunities_for_trade_and_employment.pdf (08.08.2025).
21. Ministerial Colloquium on Quality of Education: The Doha Declaration // World Bank. // URL: <https://www.world-bank.org/en/news/speech/2010/09/21/ministerial-colloquium-quality-education-doha-declaration> (08.08.2025).
22. Sanctions Tracker - Live monitoring of all sanctions against Russia // correctiv.org. // URL: <https://correctiv.org/en/latest-stories/2022/03/01/sanctions-tracker-live-monitoring-of-all-sanctions-against-russia/?lang=en> (08.08.2025).
23. The Avalon Project: The Alexandria Protocol; October 7, 1944. // URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/alex.asp (08.08.2025).
24. The Avalon Project: Pact of the League of Arab States, March 22, 1945. // URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/arableag.asp (08.08.2025).
25. The Avalon Project: Treaty of Joint Defense and Economic Cooperation Between the States of the Arab League, June 17, 1950. // URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/arabjoin.asp (08.08.2025).
26. The Greater Arab Free Trade Area (GAFTA): An estimation of trade effects. // URL: https://www.research-gate.net/publication/227489321_The_Greater_Arab_Free_Trade_Area_GAFTA_An_estimation_of_trade_effects (08.08.2025).
27. 1981 "Agreement to Facilitate and Develop Trade Among Arab Countries". // URL: http://www.economy.gov.lb/sites/default/files/3635_6707_7295.pdf (08.08.2025).
28. In the past // URL: <http://www.lasportal.org/ar/aboutlas/Pages/CountryData.aspx> (08.08.2025).
29. As a preliminary toll... the death toll of Syrian victims buried inside Syrian territory has risen to 8,476 // Syrian Observatory for Human Rights. // URL: <https://www.syriahr.com/%D9%83%D8%AD%D8%B5%D9%8A%D9%84%D8%A9-%D8%BA%D9%8A%D8%B1-%D9%86%D9%87%D8%A7%D8%A6%D9%8A%D8%A9-%D8%A7%D8%B1%D8%AA%D9%81%D8%A7%D8%B9-%D8%AD%D8%B5%D9%8A%D9%84%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D9%80-%D9%80%D8%B6/589292/> (08.08.2025).

Аннотации

Рябова Е.Л.

Терновая Л.О.

Трансграничные и пограничные дороги: пересечение культур и возможностей или новые барьеры?

В статье рассматриваются трансграничные и пограничные дороги как важные элементы международной транспортной системы, выполняющие двойственную роль — они служат мостами для экономического сотрудничества, культурного обмена и развития приграничных территорий, но одновременно могут становиться барьерами из-за инфраструктурных ограничений, бюрократических процедур и политических факторов. Особое внимание уделяется влиянию таких дорог на межкультурные коммуникации, социально-экономическое развитие регионов и национальную безопасность. Приводятся примеры крупных международных транспортных коридоров и дорог, их значение для интеграционных процессов и вызовы, связанные с контролем и экологическими проблемами. Отмечена необходимость развития «умных» границ и сотрудничества государств для максимального раскрытия потенциала данных инфраструктурных объектов.

Ключевые слова: трансграничные дороги, пограничные дороги, международные транспортные коридоры, транспортная инфраструктура, культурный обмен, приграничные регионы, экономическое сотрудничество, национальная безопасность, международный транспорт, транспортная стратегия, границы, инфраструктурные барьеры, интеграция, мультимодальные технологии, экология транспорта.

Терновая Л.О.

Чапкин Н.С.

Стратегическое взаимодействие: от теории игр

к современной международной практике

В статье рассматривается понятие стратегического взаимодействия как важного социального феномена, корнями уходящего в теорию игр. Анализируется развитие данной теории от классических моделей в экономике и политике до ее применения в современных международных отношениях и социальной практике. Авторы раскрывают особенности стратегического взаимодействия в условиях многополярного мира, где

участвуют государства, наднациональные организации, бизнес и неправительственные структуры. Особое внимание уделяется влиянию стратегического взаимодействия на социальную политику и защиту уязвимых групп, а также на формирование новых кооперативных и конкурентных отношений между акторами. В статье также обсуждается понятие «игрушечный милитаризм», являющиеся выражением культурного и идеологического феномена, связанного с военной стратегией и теорией игр. Дается подробный обзор его ключевых аспектов и исторических корней. Теоретико-игровой анализ демонстрирует важность предвидения стратегий других участников как в международной политике, так и в социальной сфере. Статья служит фундаментом для более глубокого понимания современных вызовов в мировой политике, экономике и социальной защите.

Ключевые слова: стратегическое взаимодействие, теория игр, международные отношения, социальная политика, кооперация, конкуренция, социальная защита, многополярный мир, рациональный выбор, ядерное сдерживание, «игрушечный милитаризм».

Гусарова М.Н.

Авакян Д.А.

**Высшее образование
в Российской Федерации в первой четверти XXI века
в контексте эволюции государственного
управления и цифровизации**

Авторы статьи анализируют основные направления реформирования системы высшего образования в первой четверти XXI века через призму изменений, произошедших в системе государственного управления России, процессов глобализации и цифровизации. Рассмотрены наиболее дискуссионные аспекты перехода к новой модели высшего образования, основанной на выходе страны из болонского процесса и сохранении сложившейся еще в 2000-е годы парадигмы развития, основанной на поддержке эффективных вузов, способных обеспечить стране технологический суверенитет.

Ключевые слова: государственное управление, высшее образование, университет, цифровизация, глобализация, технологическое лидерство.

Зенина Л.В.
Стрижова Е.В.
Лобанова Е.И.

Проблемы формирования инклюзивной онлайн-среды для обучения иностранным языкам

В статье рассматриваются актуальные проблемы формирования инклюзивной обучающей онлайн-среды с акцентом на обучение иностранным языкам, анализируются основные барьеры и вызовы, связанные с обеспечением равных возможностей для студентов с различными образовательными потребностями в виртуальной среде. Авторами представлен обзор теоретических основ инклюзивного образования в российском образовательном контексте, даны практические рекомендации по созданию эффективных и доступных онлайн-платформ, предназначенных для обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: инклюзивное образование, онлайн-среда, обучение иностранным языкам, доступность, барьеры, цифровая педагогика.

Хван Д.А.

Методика анализа цифровой политической идентичности и символической репрезентации

В настоящее время наблюдается превращение стабильных форм политической идентичности во фрагментарные и квазисимволические образы, мгновенно воспроизводимые в цифровой среде. Их возникновение связано с изменением характера публичной коммуникации — цифровые платформы переводят политическую идентичность из сферы устойчивых социальных категорий в сферу знаковых образов, в которой решающую роль играют визуальные коды и алгоритмы распространения. Цифровая трансформация превращает цифровую политическую идентичность в особый ресурс политического присутствия, который подлежит отдельному исследовательскому анализу. Цель исследования — предложить методику анализа цифровой политической идентичности и символической репрезентации. Методы исследования: обобщение, синтез, сравнительный анализ, теоретическое моделирование. Результаты: а) рассмотрена эволюция политической идентичности как публичного обозначения; б) предложена циклическая модель анализа цифровой политической идентичности и символической репрезентации, включая примеры её использования; в) проведён сравнительный анализ аналоговой и цифровой политической идентичности;

г) представлены функции цифровой идентичности. В исследовании получены следующие значимые выводы: во-первых, установлено, что цифровая политическая идентичность является новым типом политического присутствия; во-вторых, выявлено, что она воспроизводится в форме ритуализированных практик и поддерживается символической вовлечённостью пользователей; в-третьих, показано, как предложенная методика анализа цифровой политической идентичности и символической репрезентации позволяет выявлять новые формы политической субъектности, которые ранее выходили за пределы анализа; в-четвёртых, обоснована значимость учёта нестабильности цифровых образов, их зависимости от цифровых платформ и влияния анонимности для корректной интерпретации современных политических процессов.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, политическая идентичность, символизм, репрезентация, политтехнологии.

Ананченкова П.И.

Концепт «общества всех возрастов» в международной политической повестке

В условиях глобального демографического старения в научном и политическом дискурсе активно разрабатывается концепт «общества всех возрастов» (all-age society), предполагающий пересмотр роли роли пожилых людей в социальной, экономической и политической жизни. В статье исследуются нормативные основания и стратегические ориентиры данной концепции, анализируется её институционализация в международных и национальных стратегических документах, включая Мадридский международный план действий по проблемам старения, Цели устойчивого развития ООН и инициативы Европейского союза. Особое внимание уделено механизмам age mainstreaming и межсекторального взаимодействия, способствующим внедрению инклюзивной возрастной политики. На примере программ, реализуемых в России, Франции, Японии и Германии, показаны практики участия пожилых граждан в общественной жизни, их занятости, доступа к медицинским и образовательным ресурсам. Сделан вывод о том, что формирование «общества всех возрастов» требует комплексной институциональной адаптации, нормативной поддержки, стратегического программирования и признания пожилых граждан как активных субъектов устойчивого развития.

Ключевые слова: старение населения, общество всех возрастов, age mainstreaming, инклюзия, активное долголетие, политика старения, Цели

устойчивого развития, пожилые граждане, международная возрастная политика, межпоколенческая солидарность.

Баранов А.Н.

**Гуманитарная политика
как инструмент расширения
международного влияния Турецкой республики**

Исследуется гуманитарная политика Турецкой республики как инструмент формирования положительного международного имиджа и усиления геополитического влияния в условиях трансформации к многополярному миропорядку. Методологической основой послужили концепции «мягкой силы» и структурно-функциональный анализ институциональных механизмов внешней политики. Автором проанализирована деятельность ключевых субъектов турецкой гуманитарной дипломатии - Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТИКА) и фонда «Маариф», осуществляющих комплексные программы в сферах образования, здравоохранения и культурного сотрудничества. Уделено внимание анализу идеологических основ проводимой политики, базирующихся на концепциях нео-османизма и пантюркизма, направленных на конструирование альтернативной культурной идентичности через деятельность Организации тюркских государств и её инициатив. Выявлены механизмы позиционирования Турции в качестве «страны-миротворца». Определены факторы успешности турецкого опыта гуманитарной дипломатии и его потенциальная применимость для развития российских внешнеполитических инструментов в новых геополитических условиях.

Ключевые слова: гуманитарная политика, Турция, тюркский-мир, нео-османизм.

Анисимов П.В.

**Цены на лекарства
как фактор в определении стратегии
на выборах президента США 2024 г.**

Проблема медицины является одной из важнейших на нескольких последних выборах в США, а цены на лекарства в большинстве социологических опросов, исследующих актуальные для избирателей темы, выделяют в отдельный вопрос. При этом урегулирование цен на препараты остается одной из немногих тем, где принятие заметных решений

можно предъявить в качестве существенного достижения на посту президента страны.

Ключевые слова: лекарства, наука, исследования, страны, стратегия, социальное исследование, общественное мнение.

Тюрин Е.А.
Савинова Е.Н.
Мустафин Д.О.

**Этноязыковой фактор
в противостоянии Шотландии и Великобритании
(к вопросу о шотландском политическом стиле)**

Данная статья является продолжением цикла публикаций, посвященных различным проявлениям шотландского политического стиля. В представленном материале авторы рассматривают данную проблематику на примере политики, реализуемой британскими и шотландскими властями в отношении традиционных шотландских языков. При этом в статье обосновывается мысль о том, что этноязыковой фактор, присутствующий в противостоянии Эдинбурга и Лондона, является характерным примером, позволяющим выявить наличие особенностей, характерных для политического стиля Шотландии. Теоретико-методологической основой статьи стали: сравнительный этнополитический и системный анализ, а также социокультурный подход. Результаты: по мнению авторов, сопоставляя подходы к политике в отношении традиционных шотландских языков (особенно, в отношении Scots), очевидно, что Эдинбург в последнее десятилетие стал в данном вопросе более принципиальным, демонстрируя этнонациональный шотландский стиль, отличный от дискриминационных политических традиций Лондона; благодаря Шотландской Национальной Партии, власти Шотландии перестали дистанцироваться от этноязыкового фактора, которым стали рассматривать как один из ключевых в противостоянии с Лондоном в борьбе шотландцев за национально-территориальную, государственную и культурную независимость.

Ключевые слова: Шотландия, шотландский язык, этноязыковой фактор, межгосударственные конфликты, Соединенное Королевство.

Сулейманов А.Р.

**Постсоветская Евразия
в большом евразийском партнёрстве**

Большая Евразия, как и другие макрорегионы, развивается в условиях неопределённости, которые становятся нормой в международных отношениях. Государства, заинтересованные в долгосрочных целях развития, не просто приспосабливаются к этим условиям, но и начинают продвигать новые форматы и механизмы сотрудничества. К ним можно отнести, в том числе, региональные экономические и валютные зоны, которые и будут в будущем определять контуры мегарегионов.

Статья посвящена анализу постсоветского фактора в конструировании Большого евразийского партнёрства. Автор полагает, что в основе формирования региональной валютной зоны на просторах постсоветской Евразии, выступающей элементом Большого евразийского партнёрства, должны лежать принципы добрососедства, неделимости безопасности и общей субъектности с точки зрения конкурентного сотрудничества с другими акторами.

Ставка на Евразийский экономический союз, как одного из опорных институтов Большого евразийского партнёрства, является наиболее обоснованной. Завершение работы по формированию общих рынков ЕАЭС приближает страны к общей цели.

Ключевые слова: Большое евразийское партнёрство, мегарегион, постсоветская Евразия, постсоветское пространство, региональные валютные зоны, Евразийский экономический союз, сопряжение, неопределённость.

Нестеров А.О.

Выстраивание межцивилизационного партнерства БРИКС: анализ деклараций саммитов

Статья посвящена исследованию БРИКС как межцивилизационного объединения, основанного на общих ценностях и принципах. Цель работы — проанализировать эволюцию партнёрства БРИКС через призму деклараций саммитов за 2009–2025 годы, выявив ключевые направления сотрудничества и их практическую реализацию.

Методологическую основу составляет анализ документов саммитов, позволяющий проследить динамику развития экономического, политического, научно-технологического и культурного взаимодействия. Особое внимание уделяется проектам, отражающим ценности справедливой глобальной экономики, технологического суверенитета, многополярности и инклюзивности.

Результаты показывают, что БРИКС эволюционировал от деклара-

тивных заявлений к созданию альтернативных институтов (Новый банк развития, Пул валютных резервов), механизмов дедолларизации и совместных технологических инициатив (спутниковая группировка, исследования искусственного интеллекта). В политике акцент сместился от общей поддержки многополярности и реформы глобальных институтов, к критике санкций и поддержке «глобального Юга». Культурное сотрудничество включает образовательные, молодёжные и спортивные проекты.

Автор приходит к выводу, что БРИКС формирует новую модель международных отношений, основанную на межкультурном диалоге. Однако ряд проблем (разногласия по Украине, ограничения со стороны Нового банка развития) требуют дальнейшего анализа устойчивости партнёрства. Перспективы БРИКС связаны с углублением сотрудничества и способностью предлагать решения глобальных проблем.

Ключевые слова: БРИКС, межкультурное партнёрство, декларации саммитов, многополярность, инклюзивность, ценности.

Баранов А.Н.

Лига арабских государств

как перспективный центр силы многополярного миропорядка

Статья посвящена анализу роли Лиги арабских государств (ЛАГ) в контексте формирования нового многополярного миропорядка. Исследование проводится в условиях трансформации глобальной системы международных отношений, обусловленной событиями 2022 года и последующим кризисом существующего миропорядка «основанного на правилах». В работе рассматривается эволюция ЛАГ как крупнейшего макрорегионального института Ближнего Востока, объединяющего 22 арабских государства. Особое внимание уделяется анализу экономических достижений организации, включая создание и функционирование Большой арабской зоны свободной торговли (GAFTA) с совокупным ВВП более 7,6 триллионов долларов, а также социальным программам в области образования и гуманитарной помощи. Отдельный блок работы посвящен российскому вектору внешней политики ЛАГ, демонстрирующему стремление арабских государств к диверсификации международных партнерств в условиях западного санкционного давления. Исследование показывает, что несмотря на определенные ограничения в политической координации, ЛАГ обладает значительным потенциалом для повышения

субъектности «мирового большинства» и может рассматриваться как важный элемент формирующейся архитектуры многополярного мира. Работа вносит вклад в изучение роли региональных институтов в трансформации международной системы и восполняет существующую лакуну в анализе порядкоформирующих способностей арабских интеграционных объединений.

Ключевые слова: лига арабских государств, многополярный мир, региональная интеграция, российско-арабские отношения, международный порядок, макрорегиональные институты.

Abstracts

Ryabova E.L.

Ternovaya L.O.

Cross-border and border roads: intersection of cultures and opportunities or new barriers?

The article examines cross-border and border roads as important elements of the international transport system, performing a dual role - they serve as bridges for economic cooperation, cultural exchange and development of border areas, but at the same time can become barriers due to infrastructural limitations, bureaucratic procedures and political factors. Particular attention is paid to the impact of such roads on intercultural communications, socio-economic development of regions and national security. Examples of large international transport corridors and roads, their importance for integration processes and challenges associated with control and environmental issues are given. The need to develop “smart” borders and cooperation between states to maximize the potential of these infrastructure facilities is noted.

Keywords: cross-border roads, border roads, international transport corridors, transport infrastructure, cultural exchange, border regions, economic cooperation, national security, international transport, transport strategy, borders, infrastructure barriers, integration, multimodal technologies, transport ecology.

Ternovaya L.O.

Chapkin N.S.

Strategic interaction: from game theory to modern international practice

The article examines the concept of strategic interaction as an important social phenomenon rooted in game theory. The development of this theory from classical models in economics and politics to its application in modern international relations and social practice is analyzed. The authors reveal the features of strategic interaction in a multipolar world, where states, supranational organizations, business and non-governmental structures participate. Particular attention is paid to the influence of strategic interaction on social policy and the protection of vulnerable groups, as well as on the formation of new cooperative and competitive relations between actors. The article also discusses the concept of “toy militarism”, which is an expression of a cultural and ideological phenomenon associated with military strategy and game theory. A detailed overview of its key aspects and historical roots is given. Game-the-

oretic analysis demonstrates the importance of anticipating the strategies of other participants in both international politics and the social sphere. The article serves as a foundation for a deeper understanding of modern challenges in world politics, economics and social protection.

Keywords: strategic interaction, game theory, international relations, social policy, cooperation, competition, social protection, multipolar world, rational choice, nuclear deterrence, “toy militarism”.

Gusarova M.N.

Avakyan D.H.

**Higher education in the Russian Federation
in the first quarter of the 21st century in the context
of the evolution of public administration and digitalization**

The authors of the article analyze the main directions of reforming the higher education system in the first quarter of the 21st century through the prism of changes that have occurred in the Russian public administration system, globalization and digitalization processes. The most controversial aspects of the transition to a new model of higher education based on the country's withdrawal from the Bologna process and the preservation of the development paradigm that was established back in the 2000s, based on the support of effective universities capable of providing the country with technological sovereignty, are considered.

Keywords: public administration, higher education, university, digitalization, globalization, technological leadership.

Zenina L.V.

Strizhova E.V.

Lobanova E.I.

**The problems of creating inclusive online
environment for teaching foreign languages**

The article examines the current problems of creating an inclusive online learning environment with an emphasis on teaching foreign languages, analyzes the main barriers and challenges associated with ensuring equal opportunities for students with different educational needs in a virtual environment. The authors provide an overview of the theoretical foundations of inclusive education in the Russian educational context, and provide practical recommendations for creating effective and accessible online platforms designed for teaching foreign languages.

Keywords: inclusive education, online environment, foreign language teaching, accessibility, barriers, digital pedagogy.

Khvan D.A.

**Methodology for the analysis
of digital political identity and symbolic representation**

Currently, stable forms of political identity are being transformed into fragmented and quasi-symbolic images that are instantly reproduced in a digital environment. Their emergence is associated with a change in the nature of public communication — digital platforms are shifting political identity from the sphere of stable social categories to the sphere of iconic images, in which visual codes and distribution algorithms play a crucial role. Digital transformation transforms digital political identity into a special resource of political presence, which is subject to a separate research analysis. The purpose of the study is to propose a methodology for analyzing digital political identity and symbolic representation. Research methods: generalization, synthesis, comparative analysis, theoretical modeling. Results: a) the evolution of political identity as a public designation is considered; b) a cyclical model for the analysis of digital political identity and symbolic representation is proposed, including examples of its use; c) a comparative analysis of analog and digital political identity is carried out; d) the functions of digital identity are presented. The study draws the following significant conclusions: firstly, it has been established that digital political identity is a new type of political presence; secondly, it has been revealed that it is reproduced in the form of ritualized practices and supported by symbolic user engagement; Thirdly, it is shown how the proposed methodology for analyzing digital political identity and symbolic representation makes it possible to identify new forms of political subjectivity that previously went beyond analysis; fourthly, the importance of taking into account the instability of digital images, their dependence on digital platforms and the influence of anonymity for the correct interpretation of modern political processes is substantiated.

Keywords: digitalization, digital transformation, political identity, symbolism, representation, political technologies.

Ananchenkova P.I.

**The concept of a “society of all ages”
on the international political agenda**

In the context of global demographic aging, a new political and managerial

paradigmatic approach is being formed - the concept of the “all—age society”, aimed at rethinking the role of older people in social, economic and political life. The article examines the normative foundations and strategic guidelines of this concept, analyzes its institutionalization in international and national strategic documents, including the Madrid International Plan of Action on Aging, the UN Sustainable Development Goals and the initiatives of the European Union. Special attention is paid to the mechanisms of age mainstreaming and intersectoral cooperation, contributing to the implementation of an inclusive age policy. Using the example of programs implemented in Russia, France, Japan, and Germany, the practices of senior citizens’ participation in public life, their employment, and access to medical and educational resources are shown. It is concluded that the formation of a “society of all ages” requires comprehensive institutional adaptation, regulatory support, strategic programming, and recognition of older citizens as active actors in sustainable development.

Keywords: population aging, society of all ages, age mainstreaming, inclusion, active longevity, aging policy, Sustainable Development Goals, senior citizens, international age policy, intergenerational solidarity.

Baranov A.N.

Humanitarian policy as a tool for expanding the international influence of the Republic of Turkey

This study examines the humanitarian policy of the Republic of Turkey as an instrument for shaping a positive international image and enhancing geopolitical influence amid the transformation toward a multipolar world order. The methodological framework is based on “soft power” concepts and structural-functional analysis of institutional mechanisms of foreign policy. The author analyzes the activities of key actors in Turkish humanitarian diplomacy—the Turkish Cooperation and Coordination Agency (TIKA) and the Maarif Foundation—which implement comprehensive programs in education, health-care, and cultural cooperation. Attention is given to analyzing the ideological foundations of the pursued policy, based on concepts of neo-Ottomanism and pan-Turkism, aimed at constructing an alternative cultural identity through the activities of the Organization of Turkic States and its initiatives. Mechanisms of positioning Turkey as a “peacemaker country” are identified. Factors contributing to the success of the Turkish experience in humanitarian diplomacy and its potential applicability for developing Russian foreign policy instruments under new geopolitical conditions are determined.

Keywords: humanitarian policy, Turkey, Turkic world, neo-Ottomanism.

Anisimov P.V.

**Drug prices as a factor in determining strategy
in the 2024 US Presidential Election**

The issue of medicine has been one of the most important in the last few elections in the USA, and drug prices are singled out as a separate issue in most sociological surveys that examine topics that are relevant to voters. At the same time, regulation of drug prices remains one of the few topics where the adoption of notable decisions can be presented as a significant achievement in the presidency of the country.

Keywords: drugs, science, research, countries, strategy, social research, public opinion.

Turin E.A.

Savinova E.N.

Mustafin D.O.

**The ethnolinguistic factor
in the confrontation between Scotland and Great Britain
(on the issue of the Scottish political style)**

This article is a continuation of the series of publications devoted to various manifestations of the Scottish political style. In the presented material, the authors consider this issue using the example of the policy implemented by the British and Scottish authorities in relation to traditional Scots languages. At the same time, the article substantiates the idea that the ethnolinguistic factor present in the confrontation between Edinburgh and London is a characteristic example that allows us to identify the presence of features characteristic of the political style of Scotland. The theoretical and methodological basis of the article is: comparative ethnopolitical and systemic analysis, as well as a socio-cultural approach. Results: according to the authors, comparing approaches to policy in relation to traditional Scottish languages (especially in relation to Scots), it is obvious that Edinburgh has become more principled in this matter in the last decade, demonstrating an ethnonational Scottish style that is different from the discriminatory political traditions of London; Thanks to the Scottish National Party, the Scottish authorities have stopped distancing themselves from the ethno-linguistic factor, which they began to consider as one of the key factors in the confrontation with London in the struggle of the Scots for national-territorial, state and cultural independence.

Keywords: Scotland, Scots, ethno-linguistic factor, interstate conflicts, United Kingdom.

Suleymanov A.R.

Post-soviet Eurasia in the great Eurasian partnership

Greater Eurasia, like other macro-regions, is developing in conditions of uncertainty, which are becoming the norm in international relations. States that are interested in long-term development goals are not only adapting to these conditions, but also beginning to promote new formats and mechanisms for cooperation. These include regional economic and currency zones, which will shape the contours of megaregions in the future.

This article analyzes the post-Soviet factor in the construction of the Greater Eurasian Partnership. The author believes that the formation of a regional currency zone in the expanses of post-Soviet Eurasia, which is an element of the Greater Eurasian Partnership, should be based on the principles of good-neighborliness, indivisible security, and common subjectivity in terms of competitive cooperation with other actors.

The reliance on the Eurasian Economic Union as one of the supporting institutions of the Greater Eurasian Partnership is the most justified.

Keywords: Greater Eurasian Partnership, Megaregion, Post-Soviet Eurasia, Post-Soviet Space, Regional Currency Zones, Eurasian Economic Union, Convergence, Uncertainty.

Nesterov A.O.

Building cross-civilizational partnership of BRICS: analysis of the summits' declarations

The paper is devoted to the study of BRICS as an cross-civilizational grouping based on common values and principles. The purpose of the paper is to analyze the evolution of the BRICS partnership through the summit declarations from 2009 to 2025, to identify the key areas of cooperation and their practical implementation. The methodological basis is based on the analysis of the summits' declarations, which enables us to trace the dynamics of economic, political, scientific, technological, and cultural cooperation. Special attention is paid to projects that reflect the values of a fair global economy, technological sovereignty, multipolarity, and inclusivity. The results show that BRICS has evolved from declarative statements to the creation of alternative institutions (New Development Bank, Currency Reserve Pool), mechanisms for de-dollarization, and joint technological initiatives (satellite group, artificial intelligence research projects). In politics, the focus has shifted from general support for multipolarity to the reform of global institutions, to criticism of sanctions and support the global South. Cultural cooperation includes educational, youth

and sports projects. The author concludes that BRICS is forming a new model of international relations based on inter-civilizational dialogue. However, a number of issues (disagreements over Ukraine, restrictions on the part of the New Development Bank) require further analysis of the sustainability of the partnership. The prospects for BRICS are related to deepening cooperation and the ability to offer solutions to global problems.

Keywords: BRICS, intercivilizational partnership, summit declarations, multipolarity, inclusivity, values.

Baranov A.N.

The league of Arab States as an emerging power center in the multipolar world order

This article analyzes the role of the League of Arab States (LAS) in the context of forming a new multipolar world order. The research is conducted under the conditions of global international relations system transformation, conditioned by the events of 2022 and the subsequent crisis of the existing “rules-based” world order. The paper examines the evolution of the LAS as the largest macroregional institution in the Middle East, uniting 22 Arab states. Particular attention is paid to analyzing the organization’s economic achievements, including the establishment and functioning of the Greater Arab Free Trade Area (GAFTA) with a cumulative GDP of over \$7.6 trillion, as well as social programs in education and humanitarian assistance. A separate section of the work is devoted to the Russian vector of LAS foreign policy, demonstrating Arab states’ aspiration to diversify international partnerships under Western sanctions pressure. The study demonstrates that despite certain limitations in political coordination, the LAS possesses significant potential for enhancing the agency of the “global majority” and can be considered as an important element of the emerging multipolar world architecture. The work contributes to the study of regional institutions’ role in international system transformation and fills an existing gap in the analysis of order-forming capabilities of Arab integration associations.

Keywords: League of Arab States, multipolar world, regional integration, Russian-Arab relations, international order, macroregional institutions.

Авторы

Авакян Д.А. - кандидат политических наук, доцент кафедры философии, политологии, социологии имени Г.С. Арефьевой, ФГБОУ ВО Национальный исследовательский университет «МЭИ».

Ананченкова П.И. - кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения. Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко. ORCID: 0000-0003-3683-5168

Анисимов П.В. - аспирант. Дипломатическая академия Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Баранов А.Н. - магистр международных отношений. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. ORCID: 0009-0000-5194-9222 ; SPIN-код: 3636-5884

Гусарова М.Н. - доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, политологии, социологии имени Г.С. Арефьевой, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ».

Зенина Л.В. - кандидат педагогических наук, доцент. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Лобанова Е.И. - кандидат социологических наук, доцент. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Мустафин Д.О. - аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики. Среднерусский институт управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Нестеров А.О. - соискатель Санкт-Петербургского государственного университета. Кафедра мировой политики, специальность «Международные отношения».

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Савинова Е.Н. - кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики. Среднерусский институт управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Стрижова Е.В. - старший преподаватель. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Сулейманов А.Р. - кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения. Уфимский государственный нефтяной технический университет.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Тюрин Е.А. - кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики. Среднерусский институт управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Хван Д.А. - независимый исследователь.

Чапкин Н.С. - старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой экономики института развития информационного общества.

Authors

Ananchenkova P.I., PhD in Economics, PhD in Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Sociology of Healthcare. National Scientific Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko.

Anisimov P.V., Postgraduate Student. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Avakyan D.H., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the G.S. Arefieva Department of Philosophy, Political Science, and Sociology, National Research University «Moscow Power Engineering University».

Baranov A.N., Master of International Relations. Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry. ORCID: 0009-0000-5194-9222 ; SPIN-code: 3636-5884

Chapkin N.S., Senior Lecturer. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Economic University named after G.V. Plekhanov”. Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society.

Gusarova M.N., Doctor of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science, and Sociology named after G.S. Arefieva, National Research University.

Khvan D.A., Independent researcher.

Lobanova E.I., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor. Plekhanov Russian University of Economics.

Mustafin D.O., Postgraduate Student of the Department of History, Political Science and Public Policy. Central Russian Institute of Management - branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”.

Nesterov A.O., PhD student of St. Petersburg State University. Department of World Politics, specialty “International relations”.

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal “Ethnosociety and Interethnic Culture”.

Savinova E.N., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Public Policy. Central Russian Institute of Management - branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”.

Strizhova E.V., Senior Lecturer. Plekhanov Russian University of Economics.

Suleymanov A.R., Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of International Relations, History and Oriental Studies Ufa State Petroleum Technical University.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Turin E.A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Public Policy. Central Russian Institute of Management - branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration".

Zenina L.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Plekhanov Russian University of Economics.

**ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ**

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения,
анализа и апробации журнал проводит конкурс
на лучшую статью (тезисы, размышления)
для совершенствования стратегического курса
международных отношений, экономики регионов,
и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:

etnosocium@mail.ru

Факс +7 (495) 772-19-99

Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.

2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также пристатейный библиографический список.

3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 772-19-99
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н.Э. Архипова
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60х90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 9,75